

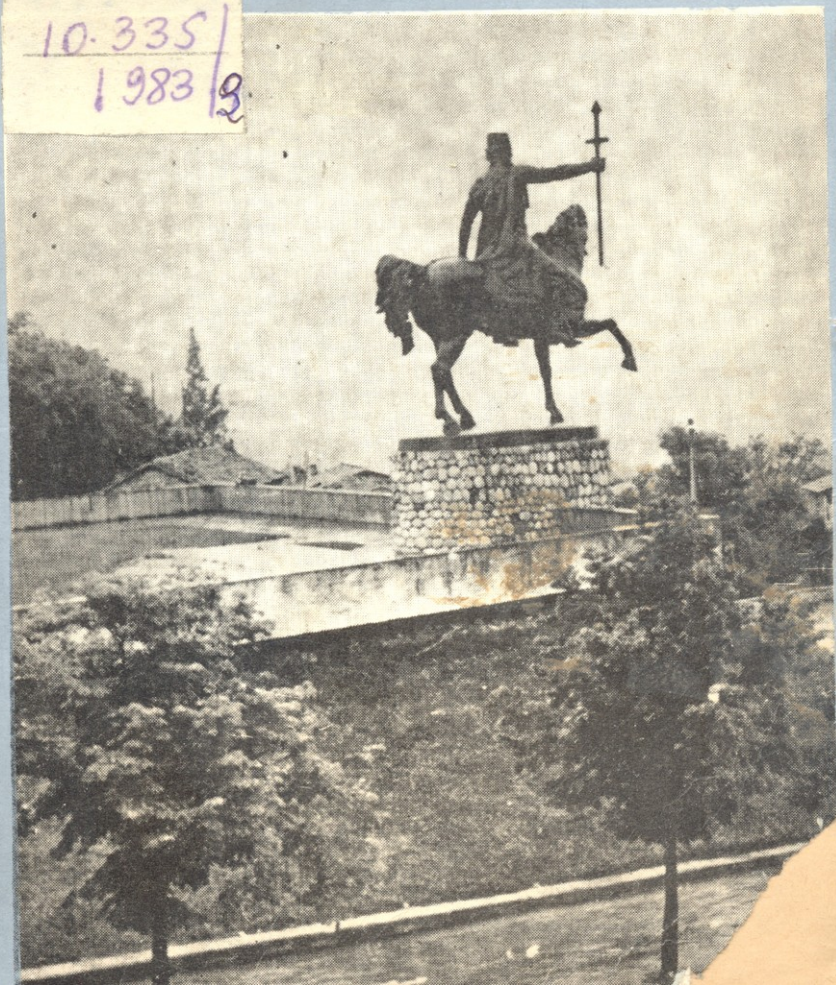
ISSN 0130-3880

01303880
2022016000

ЛИТЕРАТУРНА ГРУЗИЯ 9

1983

10.335 /
1983 / 9

10.335/
1983/9
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Стихи. Перевод Михаила Синельникова	3
НОДАР НАРСИЯ. Стихи. Перевод Ларисы Фоменко, Яна Гольцмана	5
ВЛАДИМИР МДИВАНИ. Стихи	13
ТЕЙМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ. Мирза Геловани. Роман. Перевод Киры Вольфензон	15
МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ. Стихи	60
ГАЛИНА КОРНИЛОВА. Гости на вершине. Рассказ	67

ПУБЛИЦИСТИКА

ДЭВИ СТУРУА. Наша слава, сила и оружие... К 80-летию II съезда РСДРП	81
НОДАР КИКВАДЗЕ. Реальностью нашей жизни доказано.	92

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СОСО СИГУА. Многоликость единого мира. Перевод Нелли Солод	104
ЛИНА ХИХАДЗЕ. Сквозная тема	128
ГЕОРГИЙ ЦИЦИШВИЛИ. Путь критика. К 80-летию со дня рождения Бесо Жгенти	138

9

1983

ГУРАМ ЕНУКИДЗЕ. Слово о мастере . . .	152
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Константинэ Гамсахурдиа .	157
САРГИС ЦАИШВИЛИ. Великая миссия писателя .	161

НАШ СОВРЕМЕННОК

ИЛЬЯ РУРУА. Открытое письмо капитану. Очерк. Перевод Зураба Мачабели . . .	169
---	-----

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Эстафета дружбы и братства.	178
НАНА ЗЕДГИНИДЗЕ. Георгиевский трактат посло- жил начало...	190

РЕЦЕНЗИИ

ШАЛВА ГОЗАЛИШВИЛИ. На распутье двух столетий	196
НУГЗАР ЦХОВРЕБОВ. ...И дым отечества . . .	199
ВИЛЬЯМ ХАЦКЕВИЧ. «Мне снится вечерний Тби- лиси...»	203

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

МАРК ЗЛАТКИН. Глашатай дружбы	206
---	-----

ИСКУССТВО

ГЕОРГИЙ ЛАЛИАШВИЛИ. Сценический образ Эми- ли Дикинсон	215
СУЛТАН АДЖИБА. Жизнь в музыке	220

ХРОНИКА	223
-------------------	-----

АЗБУКА ЛОЗЫ ВИНОГРАДНОЙ

Этой летописи плети —
Сердце тронувший поток....
Камень на тысячелетье
В винограднике прилег.

Он из крепости суровой
Бурной выломан волной
Или дома был основой
В жизни доблестной, иной.

Иль, быть может, у прохожих,
Оторвавшись от хребта,
Слез он просит?.. Но и все же —
Не могильная плита.

Он мне рукописью мнится,
Что от времени темна,
И на каменной странице
Расцветают письма.

Виноградные побеги
В них сплетаются, вясь,
И, лелеемая в неге,
Древних слов струится вязь.

То, чему с душевным жаром
Я искал названья тут, —
Виноградари недаром
Азбукой лозы зовут.

Что ж нам скажут эти строки,
Давней жизни темнота,
Чтобы ожили в истоке
Виноградные сорта?

126.633

Что сказать? И я — наследник
Этих звуков и корней,
Я меж ними — как посредник,
Что на свете мне родней!

На долину Алазани
Я гляжу во все глаза:
Как победа в состязаньи,
Славен праздник твой, лоза!

И навек в твоей отчизне
Азбуке твоей — хвала,
Чтобы ты и в новой жизни
Славить Грузию могла!

АРАГВА

Арагвой Белой зову стремленье, кипенье гривы,
Зову я жизнью глухую думу Арагвы Черной.
Не взнуздан Лурджа, могуч Мерани—реки извивы,
Бежит Арагва, бежит сквозь горы вал непокорный.

Бежит Арагва, гремит в ущельях всё водокрутье.
«Бежит Арагва!..» — не знает небо иных созвучий...
— О жизнь минувшая, долгим эхом ответь минуте! —
Лишь сердцем жаждущим пьют Арагву, лишь сердцем
жгучим!

— Эгей, Арагва, ответь мечтаньям всей силой ярой,
Пусть сыплет искры твой бег упорный, сияньем полный,
Пусть на утесах оставят росчерк твои удары,
И жизнь из мрака выносят к свету гнедые волны!

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

КОГДА...

Когда меня зелеными глазами
Разглядывает сочная трава,
Беспечно бредит радужными снами
Свободная от мыслей голова.
Смеюсь и славлю летнее застолье,
И радуюсь, что новый день пришел,
Что озеро создало зелень в поле
За свой торжественно-зеркальный стол...
Когда в моей руке сухое сено
Дрожит, как пламя спички на ветру,
Я знаю, всё предательски мгновенно
Пройдет, и я смеялся не к добру.
Мне снятся черно-белые закаты,
И голова от мыслей тяжела,
И лето перед всеми виновато,
Что в мире мало света и тепла.

БЛАГОДАРЯ ТЕБЕ...

Мне не поднять усталой головы
От тяжких дум и мелочных напастей,
Пока я не уйду на крик совы
Туда, где мы задумывали счастье,
Где сплетня раскрывала злую пасть,
Глотая лица, улицы, пороги,
И где тебе потом с другим пропасть,
Закутавшись в мои слова и строки.
Любимая! Пойдем туда со мной,
Чтоб вновь поодиночке возвратиться.
Я здесь благодаря тебе одной
Листаю жизни жесткие страницы.
Помножены обиды на грехи,
Растрачены терпенье, боль, досада,

Но жизнь идет, и пишутся стихи
Лишь потому, что ты была когда-то.
Не раз назло заносчивой судьбе,
Любимая, хотел сойти с дороги,
Но вот иду благодаря тебе,
Закутанной в мои слова и строки.

БЫТЬ ЛЕБЕДИНОЙ ПЕСНЕЙ...

Снежные нити
Свесило небо,
Чтоб дотянуться
Вмиг до земли.
Жгучую жажду
Свежего снега
Зимние ветры
Вновь принесли.
Выбегу в поле
Сильным, крылатым,
С радостным криком,
Всё позабыв.
Щеки нальются
Спелым гранатом.
Юность, прости мне
Детский порыв!
Эхо зальётся
Гулко и звонко.
Вылеплю хрусткий
Хлёткий снежок.
Нет, не накажут,
Словно ребенка.
Дай обыграть мне
Годы, сынок!
Как я измучен
Яростным бегом,
Как благодарен
Щедрой судьбе!
Жгучая жажда
Свежего снега,
Быть лебединой
Песней тебе...

ПОСЛЕДНИЙ ПОДЪЕМ

საქართველოს
რესპუბლიკის
ეროვნული ბიბლიოთეკა

В Тбилиси есть улица с таким
названием...

Мой последний подъем позади.
О, зачем он окончился скоро!
Тяжело было в гору идти,
Но труднее обратно под гору.
Я взмахнул на прощанье рукой,
Стал спускаться, слабея от лени,
И подумал с бессильной тоской:
Для того ли окрепли колени,
Чтоб уже над тесниной крутой
Не карабкаться вверх по тропинке,
Не встречаться с шальной высотой
В безрассудном лихом поединке?
Для того ли раскрылась душа,
Чтобы сжаться в безмолвной печали
До размеров того шалаша,
Что мелькает в сиреновой дали?
Я спускаюсь с горы в тишине,
И спускается ночь с небосвода.
Мысли-призраки бродят во мне
И пророчат бесцельные годы.
Равнодушие преследует дни,
Беспокойство преследует ночи —
О, храни меня, боже, храни!
Ведь дорога под гору короче,
Ведь любовь затерялась в пути
И найти ее все невозможней.
Знаю, медленней нужно идти.
Знаю, нужно идти осторожней.

ПОМОГИ САДАМ ЗАПЕТЬ

Коснулся иней
Белых лепестков —
Поникла роза,
Сразу отцвела.
Уходит лето.

Ты уйти готов,
Но в сердце столько
Летнего тепла!
Ложисься навзничь,
В небосвод глядишь —
О, как ты верил
В эту высоту,
Всё ждал чего-то,
В небе гладь и тишь
Тебя не пустят
За свою черту.
А там повсюду
У земных дорог
Покорно вянут
Юные сады.
Ты их цветенья
Не продлил, не смог,
Хотя желал им
Вечной красоты.
Здесь где-то рядом
Есть один родник
Прозрачней неба,
Ты его найди —
Он льется в поле,
Но в душе возник,
Он собирает
Слезы и дожди.
Как вечно помнят
Воды свой исток,
Так не изменит
Сердце доброте.
Ты, добрый пастырь,
Замеси, как бог,
Побольше глины,
В мудрой простоте
Вдохни в ту глину
Всё свое тепло,
И мир мгновенно,
Вздвогнув, оживет,
А если кто-то
Посмеется зло,
Сошлись на этот

Гордый небосвод,
И, как младенца,
Поцелуй родник —
Душа из сердца
Вырвется в полет.
Ты вдруг услышишь,
Как в единый миг
Очнется сад
И тихо запоет.

Перевод Ларисы ФОМЕНКО

БЛАЖЕННЫ ТЕ...

Блаженны люди,
Верящие слепо.
Пускай надежда
Близится к упрямым.
...Меня уже не опьяняет небо.
Мне нечего поведать
Древним храмам.
Блаженны те,
Кто не страшится стужи.
Блаженны те,
Кто чувствует красоты
Ночного неба,
И блаженны души,
В которых —
Мысли светлые о Цётне...
Моя душа —
В ответ на все ответы —
Смеяться разучилась,
Охладела.
Все явственней усталости приметы,
И слезы подступают
То и дело.
Куда-то думы светлые умчали.
Печальным стало
Песенное слово.
Приходят сны горчайшие ночами:
Я исправляю
Промахи былого.

Цель — далека.
Ущелья, камнепады...
Весы судьбы
Качаются неспешно.
В той стороне —
Вершина Шавнабады,
А там — Махаты
Рассиялась снежно.
Так до свиданья,
Край отцовский, близкий, —
Любое солнце для тебя восходит.
А я теперь
Затиснут в день тбилисский.
...Но горечь можжевельника
Забродит —
Уставлюсь в небо.
Городу не веря,
О стены бьюсь,
Спешу к тебе навстречу:
От осени пахнуло шкурой зверя —
Пора патроны
Заряжать картечью.
Настало время
Показать уменье
В единоборстве,
Длящемся веками.
Тот, у кого надежные колени,
Минует перевал
Под ледниками.
...Блаженны люди,
Верящие слепо.
Пускай надежда
Близится к упрямым.
Меня уже не опьяняет небо,
Мне нечего поведать
Древним храмам.

ВСЛУШАЙСЯ

В августе горячем
Непреренно
Выйди в поле —

Травы по колено,
Музыка кузнечика проста.
Красный лист
На грудь твою садится,
И поет
Невидимая птица:
Божья милость — песенка дрозда.
Шелест крыл:
Еще одна пичуга!
Затаись. И песню,
Словно друга,
В дальний путь с собою захвати.
И тогда с тобою —
Тени елей,
Горечь хвои,
Свежесть дуновений
Тоже не расстанутся в пути.
И заставят
Позабыть про стужу,
Что, случалось,
Леденила душу.
...Вот и снова вытек без труда
Из твоих ладоней
День просторный.
Новый день
Спешит дорогой торной —
От него упрячешься куда?

МНЕ ХОЧЕТСЯ...

Поскольку солнцем,
Льющимся на лица,
Я напоен,
Как виноградным соком —
Душа стремится жаворонком взвиться
И расплескаться
В пении высококом.
Мне хочется
Расцеловать любого,
Благословить шагающего к цели.
Как божья милость,

С неба голубого
Звучат дроздов бесхитростные трели.
Ручья журчанье,
Плеск волны студеной,
Молчанье снега,
Мчашиеся сани,
Цветок вершин, безмолвием рожденный —
Дарю от сердца — выбирайте сами!
Свечу во мраке зажигаю снова,
Кладу снежинку
На ладони ваши.
Услышьте пенье
Ветерка ночного
И позабудьте
Холод миновавший.

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

Расскажите, люди, что-нибудь о счастье.
Может оказаться, что и я испытывал
силу нутряного солнца на ненастье:
беспокойный голод и блаженство сытого.

Расскажите, люди, что-нибудь о счастье.
Чем оно отлично: тихое и с форсами?
Я в него когда-то не вцепился пястью
и теперь невольно пристаю с вопросами.

ВАКИСУБАНИ

Кончилась улица. Путь шел в маисе.
Невзрачным камнем городского стыка
с проселком расставался Кутаиси.
Встречался мост маглакского арыка.

Тянулся мелкий лес. Чуть дальше капище
(конечно, православное) грустило
за частоколом небольшого кладбища,
тенистого над плитами могил.

В конце погоста начиналась пустошь,
с травой, безрадостно успевшей выгореть.
Потом дорогу обступала густо,
сплошь ежевичная, живая изгородь...

Ветхозаветный путь вел к столь же древней,
обжившейся в столетий тарараме
имеретинской средненькой деревне
с оградами, с торчащими колами.

С разбросанными живописно домиками
на тонких ножках и в резных айвани.
С зелеными дворами или двориками.
Вел, словом, напрямик к Вакисубани.

Здесь я родился (по архивным данным).
Познал бытия прекраснейшее иго,
хотя по возрасту и голоштанник,
не с детством знался, а махал мотыгой.

Отсюда смывшею волной погнало
в престранное такое путешествие,
к несчастью, ставшее сплошным сигналом,
из тех, что шлют все терпящие бедствие.

Бог миловал меня с моим суденышком
в разгневанном стихией океане.
И милый берег, видимый околышком,
неволью сделался еще желанней.

Ах, познающих одиссею плаваний
всевластной силой держит на аркане
привязанность к первоначальной гавани.
Но где оно, мое Вакисубани?

Преобразилась старая дорога.
И церковка давным-давно исчезла,
наверно, за ненадобностью бога
и пережившего себя ликбеза.

Взамен усадьб по полю ветер свищет.
И ныне некуда податься в гости.
Одни покойники верны жилищам,
когда-то обретенным на погосте.

Есть имена, овеянные романтикой, имена, которые сопровождают нас всю жизнь и не становятся обыденными или потускневшими. Есть образы, освещенные ореолом вечной юности и красоты, утвердившиеся в нашей душе и памяти. Одно из таких имен, один из таких образов для нас, грузин, — Мирза Геловани, благородный рыцарь поэзии, юный, светлый и возвышенный.

Жизни этого замечательно-го грузинского поэта и воина, безвременно погибшего в Великой Отечественной войне, лауреата премии Комсомола Грузии, писатель Теймураз Маглаперидзе посвятил свой биографический роман — одно из немногих произведений этого жанра в грузинской советской литературе.

Впервые с романом «Мирза Геловани» грузинского читателя познакомил журнал «Цискари» в 1979 г., следом, в 1980 г., он вышел отдельной книгой в издательстве «Мерани». И вот недавно по инициативе «Литературной Грузии» был осуществлен его перевод на русский язык.

Теймураз
МАГЛАПЕРИДЗЕ

МИРЗА ГЕЛОВАНИ

Р о м а н

♦

ОТ АВТОРА

В ТУ ВЕСНУ в Тбилиси все время шли дожди. В районе Мтацминда, где среди зелени тесно лепились друг к другу старые дома с балконами, с деревянными винтовыми лестницами и маленькими уютными двориками,

Роман печатается с сокращениями.

Перевод
Кирь Вольфензон

дожди эти сбили лепестки с только что расцветших деревьев миндаля, ткемали, алычи и, как снегом, усыпали ими землю. Когда солнцу на короткое время удавалось проглянуть сквозь тучи, от широкой груди горы Мтацминда и от красных черепичных крыш, струясь в весеннем воздухе, поднимался пар и окружал все легкими нимбами. Порой очень далеко, в разрывах облаков, вдруг появлялась белоснежная вершина Мкинвари¹. А внизу по обоим берегам Куры мерно дышал Тбилиси, и в который уже раз — кому под силу считать — по его древним жилам пробегал блаженный весенний трепет. О, какая это была счастливая пора! Пора юности, любви, надежд. Тогда мы — несколько ближайших друзей — часто проводили время вместе. Мы собирались именно здесь, в районе Мтацминда, на улице Котэ Месхи, где в небольшом старом доме снимал маленькую комнатку один из наших товарищей. Это был типичный тбилисский дом — в его дворике весной благоухали две старые акации, из водопроводного крана звонко текла вода, на балконах сушилось белье, в воздухе стоял стук нард, разноязыкий гомон и крики детей. Мы очень любили подниматься сюда по извилистым, узким улочкам

¹ Мкинвари — грузинское название горы Казбек.

и просиживать вечера в маленькой комнатке, в тесном кругу за столом, на котором зачастую не было, кроме «куска хлеба и литра вина», как писал Ладосатиани¹. Разговоры наши, разумеется, чаще всего бывали посвящены литературе и искусству. Мы были в том возрасте, когда говорить на эти темы без эмоций невозможно, а собственное мнение представляется самым верным, и, естественно, беседы наши чаще всего превращались в самые горячие споры. И если эти споры никогда не становились ссорами, то в этом заслуга Нодара Чхеидзе², который был душой тех наших бдений. Нодар был на несколько лет старше всех нас и уже принимал непосредственное участие в литературной жизни города. Все мы преклонялись перед его умом, эрудицией, юмором, добротой и, разумеется, находились под его влиянием...

Итак, в ту весну в Тбилиси все время шли дожди. Я отлично помню, как в один из вечеров я поднимался по крутой улице Бесики, как дождевые капли барабанили по молодой листве акаций, как я подошел к воротам дома, где мы собирались, хотел было уже вступить в темную и длинную подворотню, и вдруг впервые обратил внимание на табличку на стене. «Ул. Котэ Месхи,

¹ Известный грузинский поэт (1917—1944).

² Критик, литератор (1928—1965).

№ 8», — было написано на этой табличке. Я замер, пораженный, — в памяти тотчас всплыла строфа из знакомого с детства стихотворения Мирзы Геловани: «С темной палитрой май появился, на алыче лишь белые метки. Дом, на который с детства молился, — дом № 8, улица Месхи»¹. ...Как только я до сих пор не замечал этой таблички!.. Я ясно увидел юного Мирзу, притаившегося вон под той акацией и не отрывающего глаз от одного из освещенных окон — не мелькнет ли в нем любимое лицо...

Потом мы сидели вокруг стола, говорили о трагической судьбе Мирзы Геловани и по очереди читали его стихи — долго звучали они в тот вечер в доме, на который он «с детства молился». Разумеется, Нодар и тут превзошел всех нас — поэзию Мирзы он знал блестяще. Он все не мог успокоиться, как могло случиться, что не он, а я первым заметил, что этот дом — «номер восемь». Потом вдруг глаза его заблестели, он серьезно посмотрел на меня и сказал: «Поскольку тебе принадлежит честь этого открытия, ты обязан сесть и написать книгу о Мирзе Геловани».

Это было в обычае Нодара — раздаривать идеи, побуждать друзей к творчеству. Остальные поддерживали

его и заставили меня торжественно поклясться, что я напишу эту книгу. С того весеннего вояго вечера прошло пятнадцать лет, но, как видите, клятва я все-таки выполнил. Хорошо или плохо — не мне об этом судить, но книга написана.

* * *

Я прекрасно помню, когда впервые услышал имя Мирзы Геловани. Руководительница литературного кружка Дворца пионеров показала нам маленькую книжечку в коричневом переплете — это был сборник стихов Мирзы. В книжке была и фотография поэта — юноша в шинели и «буденовке», откинув голову, напряженным взглядом смотрел перед собою. Тогда война только недавно окончилась, а в книге этой ощущалась с необыкновенной остротой... И еще в книге меня поразила неутолимая печаль по всему, что поэт оставил в Грузии... С тех пор Мирза Геловани поселился во мне, жил во мне... Потом пришел тот весенний дождливый вечер, о котором я уже рассказал и который поставил передо мною задачу — написать книгу о Мирзе.

В первую очередь я, разумеется, вспомнил о сестре и верном друге поэта — о Русудан Геловани. Я знал, что она живет в Тианети и преподает в школе грузинский язык и литературу. Не откладывая дела в долгий ящик, я написал ей.

Вскоре пришел ответ. Вот он:

¹ Стихи М. Геловани здесь и далее цитируются либо в переводах Ю. Ряшенцева, либо в подстрочнике.

«Уважаемый Теймураз!
Прошу прощения, что отвечаю Вам с опозданием. Я очень благодарна Вам за Вашу любовь к моему брату. Я с радостью помогла бы Вам, но один человек уже работает над биографическим очерком о Мирзе, и материалы собраны у него [он был товарищем брата]. Если это не изменит Ваших намерений, я к Вашим услугам.

С уважением. Р. Геловани».

Ответ обрадовал меня, но и нарушил мои планы — раз над биографией Мирзы работает его товарищ и все нужные материалы у него на руках, мне не оставалось ничего другого, как отойти в сторону и ждать. Ждать мне пришлось долго — биография Мирзы так и не появилась. Я и по сей день не знаю, кто собирался ее писать. Время шло, я был занят другими делами, и мысли о Мирзе отступили на второй план.

Прошли годы.

Потом я узнал, что умерла Русудан Геловани. Известна ее роль в жизни поэта, замечательная дружба сестры и брата. Если бы не Русудан, кто знает, дошли бы до нас многие стихи Мирзы. Я уже не говорю о его прекрасных письмах, адресованных ей, которые навсегда останутся украшением грузинской эпистолярной литературы.

Минувшим летом я был в Тианети, повидал дом Геловани. Гостеприимные мои тианетские друзья водили меня по тем местам, которые так любил Мирза. Под конец привели меня на кладбище.

где похоронены его родители, сестра Русудан и брат Теймураз...

А Мирза покоится вместе со своими боевыми товарищами далеко — в белорусской земле.

Была большая прекрасная семья — и нет никого. Так горько было думать об этом там, в Тианети. А сколько таких семей погубила проклятая война, сколько «моцартов убила» она, как говорил Экзюпери. Ведь и Мирза был одним из таких убиенных моцартов... И я понял, что дольше тянуть нельзя, что книга о Мирзе Геловани должна быть написана.

Есть у Мирзы Геловани одно стихотворение, присланное им в письме с фронта. Стихотворение это без названия, но по его первой строке оно может быть названо — «Там, где другие камням уподобились». Это стихотворение, может, и не принадлежит к числу поэтических шедевров, но оно дорого нам по другой причине — оно дает возможность заглянуть в душу поэта, открывает перед нами его личность, дает ключ к пониманию его жизни и творчества. Лирический герой этого стихотворения в страшную пору войны, когда «другие камням уподобились», смотрит на мир, на «пожарища, раскиданные в недрах ночи, на дороги, запруженные глыбами ночи», «глазами ребенка». Вот что отличало Мирзу Геловани от других — всегда и везде — в мирные дни и в дни войны: «глаза ребенка»...

В разное время я беседовал с родственниками Мирзы Геловани, с его друзьями, с людьми, просто знавшими его. Все они в один голос отмечали следующее: Мирза был рыцарем. Он был неутомимым ходоком по горным тропам, прекрасным охотником, пловцом, умел с достоинством снести собственные беды и в любой момент помочь ближнему — даже рискуя жизнью, вообще любил риск,

опасность, любил играть на пандури, любил петь, любил застолье... И, наконец, он писал прекрасные стихи.

Вот каким был Мирза. Книга, которую ты сейчас держишь в руках, дорогой читатель, не претендует на строгую документальность. Написать такую книгу сегодня невозможно, и я сомневаюсь: нужно ли! За фактами и документами я увидел своего Мирзу Геловани, и таким и попытался нарисовать его.

Часть I

«БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ»

(1926 — 1936)

«Поля, рощи, леса, дни, детства дни...»

Галактион

Глава первая

1.

МАЛЬЧИК особенно любил вечерние часы, когда в доме воцарялись теплые прозрачные сумерки и совершенно неповторимые тишина, покой и уют. В огромном камине ярко, с гудением горели ясеневые поленья, а на потолке и на стенах начинался фантастический танец теней. Игра теней всегда удивительна и непостижима — создаваемые ею картины сменяют друг друга: вот летит сказочная птица, во взмахе ее темных крыл есть что-то завораживающее и пугающее; вот

всадники гонят коней на приступ крепости каджей. В их скачке—неудержимый порыв, и кажется даже что слышны их голоса и топот конских копыт; а вот близкий равлиный клин тянется с печальным криком к окутанному туманом вершинам... Чего только не разглядят широко открытые голубые глаза мальчика в игре светотеней!.. В это время отец обычно отдыхает, лежа на тахте, подложив под голову пеструю мутаку с кистями. Он просматривает газеты. Совсем еще маленький Темо примостился рядом и во всем старается подражать ему—как он, закинуть ногу на ногу, изобразить на своем личике такое же как у него серьезное выражение, но ничего у него из этого не получается. Русудан, закутанная в большущую шаль домашней вязки и потому очень похожая на маленькую старушку, молча сидит у кровати старшего брата. Она такая же фантазерка, как и он, и ее головка тоже всегда полна самых невероятных идей. Вот почему брат и сестра и без слов отлично понимают друг друга. Самая старшая, Роэна, устроилась у ног матери... И вот наступает счастливейшая минута—мать берет старенькую, украшенную бантом гитару. Ее пальцы легко касаются чутких струн, звучит ее тихий, теплый голос. Спокойно, очень спокойно поет мама. Звонкий детский голосок Роэны сопровождает ее пение—она смело и высоко ведет первый голос. Степенный, низкий отцовский бас оттеняет пение жены и дочери, придавая ему особую прелесть и завершенность. Блаженные минуты—это чувствуют дети, это понимают и родители.

А время между тем идет...

2.

У ОТЦА была прекрасная библиотека. Для мальчика не существовало большей радости, чем получить разрешение порыться в книгах, заполнявших множество полок. Он забывал о еде, о питье, не хотел играть даже с Русудан. Так для него и осталось навсегда непостижимым это чудо из чудес, именуемое «книгой». Ты открываешь книгу, читаешь буквы, из них складываются слова, а за словами всегда — «нечто», и это

«ничто» действует на тебя — заставляет плакать, смеяться, возносит тебя в небеса или мчит через всю землю... Как происходит это? Как? Особенно он любит разглядывать большую книгу, украшенную орнаментами и виньетками. Это был «Витязь в барсовой шкуре» в издании Картвелишвили, с рисунками Зичи. Рисунки, конечно же, очень интересны, однако воображение мальчика больше волновала вязь строк. Озарение — как внезапный просверк молнии: слова так же нерасторжимы, сопряжены, как синие горы за окном. Мальчик читает, подхваченный и несомый могучим ритмом, он весь как в огне, только ногам и рукам почему-то холодно. Он прерывает чтение и закрывает глаза — прислушивается к тому, что звучит теперь в нем самом. Он чувствует, как в его голове теснятся слова, слова ищут выхода, мечутся, сталкиваются, стремятся соединиться, связаться воедино, но это им не удается... Мальчик не понимает, что с ним творится, он мучается и не может понять, что это в нем, в его душе, сам, независимо от него, зреет стих. Он поймет это позже, чуть позже, а пока он находится в блаженном плену созданного другими. Книги... Книги... Мальчик похож на Миндию Важа Пшавела. Он хочет сразу ко всему прикоснуться, сразу все прочесть, немедленно высвободить и постичь скрытую в каждой книге тайну, но для этого он еще мал и годами и разумом.

Помимо книг, у отца хранятся и комплекты дореволюционных журналов. Тут и «Иверия», и «Дрозба» («Время»), «Сахалхо газети» («Газета для народа»), «Тэатри да цховреба» («Театр и жизнь»), и многие другие. Мальчика влекут к себе их пожелтевшие от времени страницы. Они и пахнут как-то по-особому. Он может часами листать их, читать и перечитывать произведения Акакия, Важа, Василия Барнови... Однако представьте удивление и восторг мальчика, когда, просматривая «Сахалхо газети» за 1913 год, он наткнулся на большую — во весь «подвал» — статью, написанную: Геден Геловани. Статья называлась «Тушины, их нравы и обычаи». Он продолжает листать пожелтевшие страницы, и вот снова большая статья

отца — «Дорога к Архотскому перевалу». Конечно, затронутые в отцовских статьях проблемы не могут дать особой пищи уму его малолетнего сына, но тут другое: оказывается, его отец, перед которым он и так благоговеет, печатается в газетах. Еще бóльшая радость ждала мальчика на страницах журнала «Тэатри да цховреба». Тут он увидел не только статьи и корреспонденции за подписью Гедена Геловани, но и стихи! Боже мой! Оказывается, его отец пишет стихи!..

Слабое здоровье и частые болезни повлияли на характер мальчика — он сторонился своих сверстников, избегал их игр. Чрезвычайно азартный по натуре, он легко увлекался и терял власть над собою. К тому же в нем сильно было развито стремление к первенству, поэтому, убедившись, что недостаток физических данных не позволяет ему быть первым, он предпочитал быть в стороне. Он вел с сестрой Русудан не по возрасту серьезные разговоры о поэзии или проводил время в одиночестве. Пожалуй, оставаться наедине со своими мыслями он любил больше всего. Он мог часами сидеть на солнце у окна, зажмурившись, купаться в теплом золоте лучей. Ему казалось — это руки матери ласкают его, и он, замирая, шептал: «Солнце — мама моя...» Может быть, поэтому свои детские пробы пера он подписывал «Мзис швили» — «Сын солнца». Он любил бывать в маленьком огороде, который примыкал к дому со стороны балкона. Серебром отливала капуста, в воздухе стоял запах киндзы и разогретых солнцем помидоров. Здесь, в тени яблонь, ткемали и туты, его обычно охватывало блаженное оцепенение. Он опускался на колени и наблюдал за суетой муравьев вокруг муравейника, за тем, как с невероятным упорством тащут они груз в десять раз больших самих. Тут же стояла старая дуплистая осина. Ее гладкие, блестящие на солнце листья шелестели при малейшем ветерке и постоянно дрожали, дрожали. Чувство счастливого изумления, удивления и любви ко всему, что окружало его, ни на мгновение не оставляло мальчика. Он просыпался и удивлялся — вот снова наступило утро! — и уже любил это утро и птичку, раскачивающуюся на ветке и поющую, поющую;

птичку, которая вместе с веткой на фоне залитого солнцем двора была похожа на японскую гравюру; он любил воду, которая стекала по его рукам и лицу, когда он умывался, он собирал ее в горсти, смотрел на нее, любил ее... «Тише! Вот вступает в пренья голос иволги в листве. И отара в отдаленье — словно облако в траве. Сквозь листву, сквозь трели птички пробиваются лучи. Зной... Ага, и тень в наличье! Помолчи...»

Постепенно слова сделались покладистыми, они все легче выстраиваются в ряд. Теперь их уже невозможно разлучить, даже представить врозь, и мальчик испытывает счастье рождения стиха. Первый его слушатель, конечно же, Русудан, такая любимая и такая умная его сестричка. Русудан слушает, слушает, и ее глаза наполняются слезами радости. Она тут же, рядом, срывает с дерева несколько веток, собирает траву, полевые цветы, на скорую руку плетет венок и вешает его на шею брата, а сама кружится вокруг него в таше и хлопает в ладоши — такая красивая, такая тоненькая и гибкая, уже женственная... И этот венок — первая и, пожалуй, последняя настоящая награда, которую получит мальчик в своей такой короткой жизни за свои стихи.

А время между тем идет...

3.

Шакро Геловани был известен во всем Тианетском уезде. Если старший брат его Гедеон отличался молчаливостью и сдержанностью и за всю жизнь и мухи не обидел, он был совсем иного нрава. Среди всей родни Шакро выделялся богатырским сложеннем и необычайной физической силой. Своими лапищами он без труда гнул железо и ставил на колени разъяренного быка. Да, совершенно разными были братья Геловани — для Гедеона дороже всего на свете была хорошая книга, он был готов сидеть над нею день и ночь, для Шакро ничего не существовало, кроме охоты, рыбной ловли, скитаний по лесным чащобам. За хорошее оружие и за хорошего коня он готов был отдать ду-

шу. Равного ему знатока и ценителя не было во всей округе. Он пулей пробивал подкинутый в небо пятак, заброшенный им невод никогда не бывал пуст, в Брцо-Тианети и Ахмета не было коня, способного обогнать его скакуна, а про оружие и говорить нечего: когда Шакро надевал чоху цвета спелого кизила, червленого серебра пояс с кинжалом, а на бедро привешивал маузер в деревянной кобуре — вот это было зрелище! Сидя на некрупном хевсурском коне, он почти доставал ногами до земли, но в его огромном теле была легкость птицы и ловкость барса. Множество легенд ходило в Тианети о Шакро Геловани. Рассказывали, что однажды он пешком возвращался из города и в глухом Сабадурском лесу встретился с разбойниками. Те не узнали его, остановили и приказали: бросай, мол, оружие, да и кошелек тоже. Шакро оружие, разумеется, не бросил, но и не прибег к нему — голыми руками расправился с горе-разбойниками, да так, что они прокляли день своего рождения. Поняли они наконец, с кем имеют дело, и подняли крик: «Спасайся, ведь это тианетский Шакро! Тианетский Шакро!» Таких приключений у Шакро было столько, что не упомнишь. Когда же спрашивали его самого — правда ли то, что рассказывают о тебе люди, — он только отмахивался — мол, бездельники они, вот и чешут языки. В девятьсот пятом он ушел в лес и немало крови попортил начальнику Тианетского уезда — Джандиери. Крушение русской империи он принял с радостью, но меньшевистское правительство ему пришлось не по душе, и во главе восстания тушинских крестьян вместе с другими стоял и Шакро Геловани. С установлением власти Советов он связывал большие надежды, но и к ней быстро остыл. Во время событий 1924 года его чуть не поставили к стенке, но вспомнили об его участии в борьбе с меньшевиками, простили и строго-настрого предупредили: «Не зарывайся, помни свое место». Вот как оно было. Шакро навсегда порвал с политикой, не то что вмешиваться в нее, но и говорить на политические темы прекратил раз и навсегда. Он перестал скитаться, взялся за хозяйство. Однако время от времени на него все же находило, он прихватывал с собой своих старых товарищей, пускал-

ся с ними к истокам Иори, охотился, рыбачил. Возвращался он навьюченный добычей и на время утихонившийся, и потом целую неделю звучал на весь Тбилизи его звонкий первый голос: «Зимой роза вянет, облетают ее лепестки»... Единственный, воспитавший его старший брат и его семья были для Шакро дороже жизни. К тому времени он не был еще женат, и просящееся в нем отцовское чувство изливал на своих племянников. Он не возвращался с охоты, не принеся для них или птенцов дикого голубя, или зайчат, или даже лисенка. Однажды он привез им медвежат — два коричневых колобка с влажными черными носами и изумленными глазенками. Сколько же было тогда радости!.. Шакро сажал племянников себе на колени, называл их «золотыми цыплятами» и неумело, грубовато ласкал их. Конечно, он любил и Розну, и Русудан, и маленького Темо, но голубоглазого, задумчивого и молчаливого мальчика все же выделял, страдал из-за его частых болезней и хрупкости и постоянно твердил брату и невестке — ребенок, мол, здоров, отпустите его со мною в лес, пусть поплещется в реке, пусть поспит на голой земле, подложив под голову камень, и вы увидите, как он окрепнет, загорит — не узнать будет. Родители взвесили предложение дяди, признали его правоту и решили купить сыну охотничье ружье. Однако отец никак не решался произнести решающего слова, и мать взяла это на себя, сказав: «Сын, если он не станет мужчиной, мне ни к чему. Пусть он или умрет, или станет мужчиной». На этом и порешили. Эти слова матери, возможно, сыграли решающую роль в судьбе сына. Пройдут годы, и в день начала войны сын напишет матери: «Я так же спокоен буду в бою, так же тверда будет моя рука, как всегда на охоте на горе Икинчи. Как я благодарен Вам, мама, что Вы с детства привили мне любовь к оружию, к правде и к мужеству». О матери у нас еще не раз зайдет речь, поэтому тут на этом и остановимся. Скажу лишь, что эта необыкновенно благородная женщина была для сына не только матерью, но и другом... Так или иначе, мальчику было куплено одноствольное двадцатикалиберное

охотничье ружье, и в один прекрасный день в присутствии отца, дяди Шакро, сестер и братишки мать вручила его ему. Мальчик оцепенел. Как? Это новенькое сверкающее ружье — его? Сперва он даже не поверил такому счастью и подозрительно заглядывал в глаза взрослым, но наконец осознал, что никто не думает шутить над ним, что ружье действительно принадлежит отныне ему. Тогда он поспешно зарядил его, поднял одной рукой, нажал на спуск и выстрелил в небо. Сильная отдача чуть не опрокинула мальчика, но он мужественно устоял на ногах, жадно раздув ноздри, вдохнул горьковатый запах пороха, еще раз зарядил и снова выстрелил. Еще раз... В его глазах загорелся незнакомый стальной огонек. Поздно ночью, обходя, как обычно, спящих детей — кому поправить одеяло, кому подушку, — перед постелью старшего сына мать остановилась, как громом пораженная: ребенок спал, прижимаясь щекой к стволу ружья. Он походил на солдата, вздремнувшего на своем посту. Горделивая улыбка озарила лицо матери. Она попыталась осторожно отобрать у сына ружье, но он, не просыпаясь, забеспокоился и только крепче прижал его к себе... Откуда было знать тогда матери или сыну, что пройдет время и он по-настоящему сроднится с оружием, и от оружия и погибнет..

Глава вторая

I.

СОЛНЦЕ село за горы, и сразу стемнело. Тени деревьев сгустились, слились и куполом сомкнулись над головой. В лесу воцарилась непроглядная тьма. Резо не помнил, когда потерял тропинку, по которой начал свой путь. Теперь он шел, наугад прокладывая себе дорогу. Да и какая это была дорога? То он забредал в сплошной кустарник и с трудом продирался сквозь него, то перед ним оказывался овраг и он кубарем скатывался в него по мягкому ковру прошлогодней листвы, а то и по сухой, голой земле. Выбраться обратно не было смысла — ведь дороги он все равно не знал — и он поднимался и снова шел вперед — на-

угад. Так продолжалось долго. Мальчик страшно устал. Наконец он свалился под огромным вязом. Он лежал, прижавшись щекой к палым листьям, тяжело дышал, но какая-то необъяснимая, безудержная радость переполняла его, и он улыбался в темноту. Как же получилось, что Резо оказался в лесу один, ночью? А вот как. Учитель географии повел человек пятнадцать пионеров осматривать храм Ковладцминда (Всех святых), правда, директор школы говорил ему, грозя пальцем, лучше, мол, проведи с учениками атеистическую пропаганду, чем таскать их по церквям, брось эти глупости, не то придется ответ держать. Однако учитель стоял на своем и упорно твердил, что храмы, возведенные в минувшие века, являются неотделимой частью духовной культуры народа и изучение их так же необходимо подрастающему поколению, как изучение родной литературы и истории.

Трудное то было время — у государства было много проблем — и внутренних, и за рубежом. До культуры ли было в те годы? Воспользовавшись этим, распоясавшееся невежество принялось самочинно вершить свое черное дело. Древняя грузинская духовная литература была объявлена наследием попов и клерикалов-мракобесов, «Вепхисткаосани» — памятником феодальной аристократии, нашелся поэт, который назвав Мерани Бараташвили «паршивой клячей», а на брани в адрес Ильи Чавчавадзе грели руки подонки и проходимцы всех мастей. Превращение церквей и храмов в склады и конюшни было тогда в порядке вещей. И лишь те храмы, которые находились в труднодоступных местах — в горах или в лесу, избегли этой участи. В такое время рискнуть повести своих учеников-пионеров осматривать какую-то церковь было почти подвигом — ведь такой поступок мог быть расценен как серьезный проступок. Тем не менее учитель географии не желал отступать от своих принципов и убеждений. Итак, в один из майских дней человек пятнадцать пионеров веселыми криками огласили окрестности храма Ковладцминда.

Поросшую мхом ограду храма окружали вековые деревья. Вокруг, как на страже, высились горы, за ними — еще горы. Резо сразу же уединился. С восторгом и робостью рассматривал он тончайший орнамент на камне стен, затем, почему-то на цыпочках, вошел в храм. Через узкие окна желтыми столпами падал внутрь солнечный свет. Великолепные монументальные фрески смотрели с высоты. Мальчик стоял, запрокинув голову, и, потрясенный, не знал, на которой из них остановить свой жадный взор. В его душе звучали отрывки из древних грузинских песнопений и легкие, как шелест ветра, шаги давно ушедших предков. Испуганный, он огляделся — никого. Он снова смотрел на фрески, и снова звучало песнопение, звук шагов. Вздораженный, взволнованный вышел он из храма. Товарищи окликали Резо, но он, не глянув на них, ступил на тропу и устремился к вершине, величаво царящей над всем окрест. Куда шел мальчик? Он и сам не знал этого, но одно он знал — его зовут вершины, еще не виданные просторы, и он, как загипнотизированный, пошел вперед. Уже не слышно голосов товарищей. Теперь есть только лес и мальчик. Лес на тысячу разных голосов шепчет, свистит, щебечет. Мальчик слушает эти голоса и улыбается — счастливый, просветленный. Неожиданно он выходит к ручью, который, звеня, прокладывает себе дорогу среди пестрых цветов и разнотравья. Мальчик зачерпывает полную горсть воды, пьет, потом поднимает руки — и капли блестят на солнце — каждая как маленькая радуга. Затем он снова устремляется по тропе вверх, к вершине. «Есть время в мире, когда поет предмет любой, поет цветок, ночь поет, поет тропинка», — сказал один поэт. Подобное же чувство овладело мальчиком, идущим к вершине, и сделало его беспредельно счастливым. Диск солнца мягко скатился на белые облака, готовясь нырнуть за горизонт, когда Резо достиг вершины горы. Он вскарабкался на огромную глыбу и огляделся. Внизу, на лесистом склоне, брали начало и простирались вширь окрестности Эрцо — поля, луга, покосы, пашни, а среди них — тут и там виднелись деревни, утопающие в зелени. Мальчик вспомнил, что в одной из этих деревень живет его любимый дядя — Шакро, и, не задумавшись, пошел к нему.

мываясь, стал спускаться. Ему вдруг страстно захотелось увидеть дядю, двоюродных братьев и сестер.

Он шел и вспоминал, как минувшей осенью дядя Шакро брал его с собою на охоту на оленей. Начинался гон, и Шакро дни и ночи проводил в лесах, а племянник, как олененок, повсюду следовал за ним. В тот день дядя, как нарочно, без конца говорил о покровительнице зверья. Она, мол, часто является охотникам в образе маленькой девушки. У нее длинные распущенные волосы, в руке — посох, она идет то впереди своей паствы, то позади и тихонечко посвистывает. Дядя и племянник легли рано, чтобы еще затемно отправиться к месту, где паслись олени, но закутавшемуся в бурку мальчику не спалось — перед его глазами все время возникал образ юной, прекрасной девушки с распущенными вьющимися волосами — она с пленительной улыбкой манила его, широко расставленные маленькие крепкие груди ее были полуобнажены, голову украшал веночек из полевых цветов... Боже, как она была прекрасна!.. А дядя уже окликал его — пора, мол, вставать. Ключья туч скользили по небу и то и дело скрывали луну. Вокруг — тишина и покой. Только где-то далеко, очень далеко тоскливо кричал филин. Они шли по лесу, часто останавливаясь и прислушиваясь. Рассвело. Вскоре они набрали на след оленя. А вот и олений помет. Запах оленя шел и от кустарника. Так же пахнут трава и листья, которых касались губы зверя. Послышался шорох. Хрустнула ветка. Шакро подталкивает мальчика — ложись, мол, а сам прижимается к дереву с ружьем наготове. Сердце Резо готово выскочить из груди. Широко раскрытыми глазами смотрит он вперед. Вот — рога... голова... Какие рога! Как канделябры, светятся они в сумраке леса. Вот показалась грудь оленя. Сейчас дядя спустит курок и прозвучит выстрел. Но прежде, чем это происходит, мальчик вдруг видит: перед оленем стоит, прикрывая его собою, маленькая девушка в белом, ее широко расставленные крепкие, маленькие груди полуобнажены, голову украшает веночек из полевых цветов, золотые волосы сплошной массой ниспадают до щиколоток. Она

протягивает руки к мальчику и улыбается, улыбается ему... «Нет! Не стреляй, дядя! Не стреляй!» — кричит мальчик и бросается в ноги Шахро. Звучит выстрел, но пуля только взрывает черную лесную землю. «Что с тобой, детка?» Мальчик лежит лицом вниз и никак не может прийти в себя... Резо вспоминает все это и невольно улыбается — как он тогда умолял дядю не рассказывать никому о его позоре, и дядя утешал его — раз, мол, сама хозяйка зверья явилась тебе, ты будешь настоящим охотником. Только не сглазила бы она тебя. И смотри, ни в коем случае не вздумай полюбить ее — тогда наверняка пропадешь. Эти слова дяди мальчик вспомнит позже, когда в их доме временно поселится семья Ландиа из Тбилиси, — как громом пораженный, смотрел он тогда на их юную дочь Нани. Ее сходство с пригрезившейся ему в лесу покровительницей зверья потрясло Резо — те же золотые кудри, та же пленительная улыбка. И как нарочно на девочке было что-то ослепительно белое. И мальчик тут же понял, что она-то никогда не исчезнет из его жизни, как то видение. Предчувствие не обмануло его. Но об этом — потом...

Темнота чуть рассеивалась, когда Резо вышел из леса, перебрался через разлившийся ручей и, вконец измученный, подошел к просыпающейся деревне. Лаяли собаки. Кричали петухи. То тут, то там слышался стук топора. Мальчику никогда еще не было так хорошо. Он устал, продрог, проголодался, весь был исцарапан, но сердце ликующе билось в груди — ведь это было его первое самостоятельное путешествие. Не будем рассказывать, как мальчик вошел в деревню Толенджи, как разыскал дом дяди, как встретили его немного встревоженные взрослые и дети, как поспешно обогрели они его, накормили, уложили спать, и как, проснувшись, он увидел — дядя Шахро рубит блестящим кинжалом мясо для хинкали. Не будем рассказывать и о пережитом учителем географии, товарищами, семьей, соседями... Мгновенно были оседланы кони, и все пустились на поиски. Среди всадников была и мать. Как и положено пшавской женщине, она прекрасно сидела в седле и в свое время считалась хорошей наездницей. Наверное, сердце подказа-

ло ей, где искать сына. Не успела хозяйка подать первую порцию хинкали, а Шакро — благословить новый день рюмкой первача, как со двора послышалось: «Эй, родичи!», и рука мальчика с горячим хинкали застыла в воздухе. Больше всех на свете он любил и почитал мать. Между детьми и ею существовало такое взаимопонимание, при котором слова излишни. Достаточно было матери нахмурить брови, и они уже знали, что от них требуется. Мать же досконально знала характер, привычки и интересы каждого из детей и всегда старалась им угодить. Так было, когда они, как птенцы под крыло, прятались за ее подолом, так было и потом, когда они стали взрослыми и вылетели из родного гнезда. Примечательно, что в письмах с фронта Мирза Геловани обращается к матери на «Вы», делится с ней самыми сокровенными мыслями, а написанное им в 1941 году стихотворение «Матери» — одно из лучших в грузинской поэзии. В этом стихотворении есть такие строки: «Вот я в окопе, согрешившись огнем по ползущему немцу, слышу Ваш голос, как слышат биение собственной крови. Кто же и силы дает, чтобы Вашему, мама, младенцу выстоять в этом аду? Только Вы, кто же кроме!?» И тут поэт обращается к матери на «Вы». Мы вправе предположить, что в то утро в доме дяди матери и сыну не потребовалось много времени, чтобы понять друг друга. Мать сразу же почувствовала состояние Резо, поняла, что поступить иначе он не мог и что эта ночь, проведенная в одиночестве в лесу, дала ему больше, чем любой урок, преподанный любым учителем по всем правилам педагогики. «Если, сынок, в другой раз надумаешь что-либо подобное, предупреди заранее. Видишь, как мы переволновались», — сказала она ему, сдерживая улыбку. И только. Мальчик слушал ее, краснея и опустив голову. Затем все приступили к хинкали, а уж потом дядя Шакро пожелал невестке и племяннику счастливого пути. Он посадил мальчика на своего вороного — ведь от Толенджи до Тианети — путь немалый.

О чем говорили в дороге мать и сын? Не знаю, как тебе, дорогой читатель, но мне хочется думать, и я

почти уверен, что мать своим грудным, приятным голосом читала «Бахтриони» — негромко, как бы про себя, но так, чтобы сын мог ее слышать. И он слушал, как замороженный, а когда был прочитан сон Квирии, он взволнованно попросил прочесть этот отрывок еще раз. «Мне снилось: в поле незнакомом летел я, весел и могуч. Хлестала молния, и с громом неслась по небу стая туч. Земные вздрагивали недра, хрипенье слышалось коня. Казалось мне, что крылья ветра, а не скакун, несут меня. И вдруг крестом на щит упали лучи сверкающих небес, и три огня, блеснув на стали, меча украсили эфес. А поле без конца, без края, и ни души на нем живой, и лишь цветы, благоухая, стоят, качаясь над травой. И, как зловещее виденье, ползет дракон издалека, он лижет землю и растенья и сыплет искры с языка. Он сыплет искры, чует сечу, он видит всадника вдали, и рвется он ко мне навстречу, чтобы стереть меня с земли. Раскрыл он пасть, угрюмо воя, но я хватил его клинком, и он свалился предо мною, и поле вздрогнуло кругом. И, издыхая, ядовитой слюной он брызнул на меня. Упал мой конь, и, как убитый, упал я около коня. Очнулся, вижу: подо мною сверкает чистая постель, платан шумит над головою, воркует голубь, как свирель. Заря играет, из тумана восходит солнца чистый лик. Но увидав меня неожиданно, оно обратно скрылось вмиг. И только луч зари багровой печально глянул на меня, и я заснул в ночи суровой, на руку голову склоня»¹.

Важа Пшавела уже тогда занимал особое место в духовной жизни подростка. Резо с детства знал, что великий поэт и его отец, Гедеон Геловани, были друзьями, а старшая сестра, Роэна, считалась его крестницей. Да, он знал это, но тем не менее никак не мог осознать, что Лука Разикашвили и создатель этих божественных строк — одно и то же лицо. Ведь то был человек, а это — бог. Ничего из прочитанного или услышанного мальчиком никогда не потрясало так его душу, как сон Квирии, к тому же прочитанный матерью. И если вспомнить, что у него всегда была уни-

¹ Перевод стихов Важа Пшавела здесь и далее Н. Заболотского.

кальная память на стихи и что Важа Пшавела всю его недолгую жизнь неизменно был для него наставником, то мы не ошибемся, предположив, что и там, в огне войны, полный трагического пророчества сон сироты Квирии не покидал Резо, опьяняя его предчувствием собственного неизбежного и высокого конца.

2.

РЕЦЕПТ дяди Шахро пошел как нельзя больше на пользу племяннику: охота, рыбная ловля, верховая езда укрепили и закалили его тело и его характер. Более того — он вдруг как-то очень быстро повзрослел. Куда только девался бледный, слабый, изнеженный мальчик? Теперь, глядя в зеркало, Резо видел стройного, широкоплечего, мускулистого юношу с глазами цвета морской волны и с пшеничной копной волос. Он точно переступил через большую часть своего детства и отрочества и сразу же вошел в пору возмужания — в юность. Теперь ему уже было неинтересно общество сверстников, он даже стеснялся их. Его друзьями стали теперь пожилые охотники, пастухи, парни намного старше него — почти взрослые мужчины. Им по душе были его ловкость и сноровка, и они как равного приглашали его с собой на охоту. Позже в одном из писем он напишет: «Во мне — ничего нового. Все — как обычно. Только вот иногда думаю я о минувшем, и мне жаль его, — вот и все. Мне давно хочется на охоту. По утрам мы встаем еще затемно, и когда я беру в руки ружье, мне все кажется: меня ждут охотники, и мы пойдем, как всегда, туда, куда пожелает идти большинство». Еще позже он с печалью и сожалением вспомнит то время, когда ему пришлось волей-неволей «пропустить» свое детство. «Моя биография — без детства», — это строка из его стихотворения. А в письме, отправленном родителям с фронта в 1943 году, мы читаем: «Я порой думаю, но не могу понять: почему в моей жизни почти не было детства? Я так мало был ребенком, да и то очень странным. Меня никогда не привлекали игры сверстников. Желания, стремления

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

были у меня недетскими». Так он писал. Сам, ^{однако,} из детства он вынес очень многое, и как раз ^{о нем} можно сказать словами Экзюпери: «он пришел из ^{своего} детства». Ведь и страсть к стихам тоже была оттуда. Давно прошло время, когда свои детские пробы пера он подписывал — «Сын солнца». Несколько дошедших до нас стихотворений той поры отмечены пронзительным ощущением жизни, природы, всего прекрасного.

Читаешь эти стихи, и взор твой наполняет весеннее многоцветье, ты дышишь чистым, свежим воздухом — как после дождя, и беспричинная радость переполняет тебя. Впрочем, почему беспричинная? Тебя радует, что существует чудо природы и что поэт так щедро поделился с тобою этим чудом. Одним словом, теперь мальчик пишет уже и такие стихи. Пишет и подписывает их «Мирза». Мирза Геловани... При рождении нарекли его Резо, домашние называли его Резико. Но в один прекрасный день он захотел — а он всегда был упрям, когда хотел чего-то, — и назвал себя Мирза. Почему Мирза? Почему именно Мирза? Мне рассказывали, что он прочел в ту пору какую-то книгу, герой которой произвел на него сильное впечатление. Его звали Мирза... Раз так, то и мы отныне будем называть нашего героя Мирза.

Итак, все ясно: Мирза постепенно, но неуклонно идет к решению — его будущее навсегда связано с поэзией. Он, разумеется, и не представляет, как это будет на деле, но твердо знает: жить без стихов он уже не сможет.

Глава третья

1.

СНЕГ, обильный, щедрый снег покрыл все вокруг. Снег лег на высокие горы, и они стали похожи на белоснежные шатры, снег лег на крыши домов, на деревья, на дороги.. Снег, снег, снег везде, белое безмолвие и белое оцепенение. Грустный сидит у окна Мирза. На заснеженных перилах балкона — нахохлившиеся воробьи. Им холодно, голодно. Они жалобно чирикают. Из-под

навеса во дворе слышен глухой стук топора — там отец правит новые полозья для саней. Мать ушла к соседке. Братишка Темо ходит с шестом по саду — стравливает снег с фруктовых деревьев, чтобы их ветки не поломались под его тяжестью. Снег падает на голову, на плечи мальчика, и он весело смеется. Мирза слышит смех братишки и думает о том, что этот радостный детский смех вовсе не соответствует белой печали этого белого, как бы затаившегося дня. К столбу навеса привязана крупная овчарка — Джаврия. Ей тоже не по себе, она не находит себе места и время от времени, задрав морду, воеет в холодное, низко нависшее небо. Тогда отец прикрикивает на нее, и она, поджав хвост, но все же продолжая скулить, ложится.

В комнате пылает камин. Тот самый камин, смотреть в который так любил маленький Мирза. Много воды утекло с той поры, далеко позади безоблачное детство. Как опустел и затих их большой дом! Розна вышла замуж и теперь живет с мужем в Тбилиси. И Русудан вот уже третий год учится в университете и только на каникулы приезжает в Тианети. Разумеется, дома по-прежнему — мать, отец, Темо, но... Но душа юноши требует чего-то другого. Правда, в его жизнь вошла Нани (не было ли то колдовством хозяйки зверья?). Эта своенравная девочка появилась внезапно, как видение, и, как видение, исчезла — вернулась в свой Тбилиси — и оставила Мирзе боль, которая с тех пор так и живет в нем. Странно, за все время, что Нани была в Тианети, он так и не сумел понастоящему поговорить с ней. Каждый раз, оказавшись с глазу на глаз с девочкой, он страдал от какого-то непонятого смущения, не смел поднять головы и так, не поднимая головы, говорил ей о каких-то пустяках, а потом мучился еще больше, проклиная свою робость. Миниатюрная, живая и подвижная, как родник, она все видела, все понимала, но делала вид, что это ее вовсе не касается. Только вот посвященные ей стихи принимала охотно и хранила бережно... Наверное, сегодня мы должны быть даже благодарны Нани — поведи она себя иначе, большинство ранних сти-

хов Мирзы, скорее всего, вовсе не было бы написано. Сколько прекрасных поэтов посвятили стихи неразделенной любви! Не избежал этой участи и Мирза. В его раннем творчестве (ранними мы условно называем стихи, созданные в 1933 — 1936 гг., до окончательного переезда в Тбилиси) действительно преобладают любовные стихи. Если доверять сборнику «Белая земля», вышедшему в 1972 году (он представляется нам самым полным из всех изданных до сих пор, хотя в него и не вошли прозаические фрагменты), то до 1933 года, на заре своего творчества, юный поэт—16-ти лет—написал всего два стихотворения — «Сиди смирно» и «Лист». Сейчас, разумеется, трудно, да и невозможно угадать импульсы, которые послужили поводом для создания этих двух маленьких произведений. Правильнее всего будет предположить, что они навеяны прочитанным. В них чувствуется гришашвильевское настроение, хотя о прямом влиянии говорить здесь, пожалуй, несправедливо. В обоих стихотворениях присутствует «чистый воздух», своеобразная свобода и грация... Шестнадцатилетние писали стихи и получше, конечно же писали, и примеров тому множество, однако в тех двух стихотворениях Мирзы, о которых идет речь, хоть и смутно, но уже вырисовывается будущий поэт. Следующие годы — 1934 и 1935 — были плодотворнее. Большинство стихов, написанных тогда, как мы уже говорили, посвящено любви. Есть среди них несколько, интересных необычностью мышления их автора. На них пока и остановимся. Приведу целиком одну миниатюру без названия: «Мне холодно, колени мои подгибаются, кто-то отнимает у меня силу дэва. Вай, разрушили мой фундамент, уподобили меня Нарикале, сильнее болит мое сердце, меня охватывает дрожь и сотрясает мое тело». Это маленькое стихотворение, как сказал о нем Вахтанг Котетишвили¹, «подобно гемме, высеченной единым движением резца», которую печальным светом озаряет тень Гурамишвили. Нет сомнения, что семнадцатилетний юноша прекрасно был знаком с творчеством великого Гурамишвили. И не только знаком, но сумел уже постичь и оценить его. Интересно также

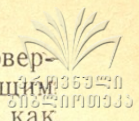
¹ Известный общественный деятель, писатель (1893—1937).

стихотворение «Четки Важа». Выше мы уже говорили о том, какое влияние оказали жизнь и творчество Важа Пшавела на формирование Мирзы как личности и поэта. Добавим к сказанному, что тема Важа Пшавела неотделима от всей поэзии Мирзы Геловани. Помимо стихов, непосредственно посвященных великому пшаву, у Мирзы есть и такие, которые подобны юным побегам на стволе могучего дуба — поэзии Важа Пшавела. Стихотворение «Четки Важа» — начало этого цикла — свидетельствует, что Важа Пшавела раз и навсегда стал властителем дум его юного автора. «Плакальщицам», «Лавина» и многие другие стихи цикла подтверждают это. В них есть чисто важапшавеловские строки, важапшавеловское чувство природы, строй, образность. Однако об эпигонстве тут не может быть и речи, хотя и это нельзя было бы счесть за грех для еще не сложившегося поэта. Просто мы имеем дело с могучим важапшавеловским началом, которое так сильно в грузинской поэзии и которое не на одного поэта последующих поколений оказало живое творное влияние. Теперь вернемся к стихам, написанным в 1934-1935 гг., которые условно можем назвать циклом, посвященным Нани Ландиа. Возвышенная душа видит мир сияющим всеми красками и стремится к тому, чтобы дорогое ей существо видело и чувствовало так же. «Взгляни на небо, как снежит, снежинки это или звезды падают?» — восклицает поэт восторженно, но что может быть горше, если на твой восторг отвечают равнодушным, холодным молчанием! Тогда одно спасение — забыть. Но как забыть? «Потому, что в самой мелочи мельчайшей... твой нрав упрямый вижу я все чаще. Так хочу забвенья, а выходит — помню! В лес, в ущелье, в тень! — настагаешь к полдню. Всякий холм — обитель мысли, трижды клятой: «Почему ушла ты? Почему ушла ты?». «Я десять нежнейших свечей отолью — зажечь и молиться во славу твою. Зажгу их, и долго, рассеявши тьму, с колен я не встану и слез не уйму. Так буду стоять я с молитвой простой пред ликом бледнеющим Нины святой». Потеряв надежду обрести покой в забвении,

юный поэт живет одними воспоминаниями: «В сердце твой облик, не на портрете... Тени ущелий, запах мимозы, сумрак проулков, свет Тианети, слезы и письма, письма и слезы». Или: «Все как прежде только грустно и темно. Кто-то шепчет за окном давным-давно. Это просто хлопья снега, — это зов твой, будто с неба! — Это хлопья — отворю-ка им окно. За-летайте, дорогие, я вам рад. Я вас жду, я жду вас столько дней подряд! Для чего же это надо — и от слуха, и от взгляда нам скрывать ответный зов и встречный взгляд. Снег на ветках, на воротах, на стогу. Голова моя горячая в снегу. Если ты добрей не стала, для чего же ты прислала эту теплую, как голос твой, пургу?»

Такой была первая любовь юноши-поэта Мирзы Геловани — так он ее осознавал, переживал, выражал.

А теперь вернемся к нему, грустно и задумчиво сидящему у окна родного дома в Тианети. За окном снег и белое безмолвие. Небо — белое. Земля — белая. Нани любила одеваться в белое... В белом была и привидившаяся ему когда-то в лесу покровительница зверья... Нани нет. Она уехала, исчезла, оставив боль. Боль. Тоска. Тоска по ней. В одну из таких минут и было, очевидно, создано стихотворение, ставшее одним из самых популярных стихов Мирзы Геловани. Мы имеем в виду «Белую землю». Любовь читателей к этому стихотворению понятна — в нем столько красоты, чистоты, целомудрия, искренности первого чувства. В нем юному поэту удалось достичь той высокой красоты, которая обычно доступна только зрелому мастеру... «Белой землей» Мирза словно выплакал окончательно свою безрадостную первую любовь, — во всяком случае так думал он сам! — а также завершил один период своего творчества и вступил в следующий. На самом же деле ему предстояло еще немало блуждать по петляющим тропинкам, прежде чем он вышел на прямую и открытую дорогу своей зрелости, да и прощание с Нани оказалось преждевременным! С каждым днем он все больше убеждался, что быть причастным к настоящей поэзии — это великий труд, вечное восхождение к недостижимым вершинам. А раз ты явился в этот сияющий несчетными красками мир, да

еще посмел писать стихи, то ты просто обязан совершить, создать нечто такое, что светило бы и грядущим поколениям. Как Руставели, как Бараташвили, как Илья.. Илья Чавчавадзе писал, что он, как «каменная скала», выдержит все, кроме «собственного ничтожества». Нет! Своего ничтожества не вынесет и Мирза! Но есть ли в нем на самом деле нечто такое, что дает ему право ждать от себя и от судьбы чего-то большего? Вот что мучило юношу. Ведь он ощущал, знал, что душа его мечется, рвется создать что-то великое. Но как? В пору этой уверенности или неуверенности было написано им одно маленькое, тоже без названия, стихотворение: «Хотя и пал на дорогу мрак, да и в небе — только мрак, ты, я знаю, не испугаешься, ты победишь в конце концов! В тебе гениальности на волос, а более — тумана. Тебя возвысила любовь, и любовь тебя спасет!».

Это стихотворение примечательно во многих отношениях. Во-первых, как мы видим, в нем четко проявилось стремление поэта к самохарактеристике. Тут и вера в свою миссию в поэзии, в свою сопричастность гению. Пусть гениальности в нем лишь «на волос», лишь искра, но именно эта искра гениальности, соединенная с любовью, рассеет туман, которого в нем «много», и вот тогда-то и придет настоящая победа... Одним словом, это маленькое стихотворение в определенном смысле явилось программным. Однако одно — когда ты сам для себя сочиняешь «программные стихи», предполагаешь в себе искру гениальности, и совсем другое, когда в плодах твоих переживаний и размышлений обнаруживается несомненная, общепризнанная ценность. Кто может поручиться, что в мучительных, опустошающих порывах его души есть нечто стоящее? Ему необходим суд человека, причастного к поэзии и одновременно способного понять его. Сестра Русудан далеко, в Тбилиси, мнение родителей ему известно, мнение товарищей — тоже, ведь сколько раз они говорили ему: ты — поэт! Нет, сейчас Мирзе необходим авторитет, подлинный, непререкаемый, и кто может быть им, если не Галактион Табидзе?! Уже тогда, мо-

жет, и не до конца, юноша чувствовал, что в грузинской поэзии не было другого поэта, с такой силой и глубиной выразившего все движения человеческой души, как Галактион... Вот кому поверит Мирза, поверит слепо, без тени сомнения! Эта мысль озарила все вокруг. И зачем только ждать чего-то, терять время? Он поедет в Тбилиси, найдет Союз писателей, встретится с Галактионом, передаст ему стихи, услышит его разговор и... все окончательно станет ясно! В том, что Галактион выслушает его, он не сомневался ни на секунду. Осуществление этого решения ускорило еще и следующее обстоятельство: отец, Гедеон Геловани, случайно обнаружил в одном глухом селении список словаря Сулхана-Саба Орбелиани. Все говорило за то, что рукопись эта была очень старой, и так как в Тианети не нашлось никого, кто мог бы определить ее научную ценность, следовало срочно доставить ее в Тбилиси и показать специалистам.

В один прекрасный весенний день Мирза простился с друзьями и отправился в Тбилиси.

2.

«НЕСМОТРЯ на то, что камин потух и потерял свою притягательность, мы предпочли по-прежнему сидеть подле него.

— Гиви, похоже, ты написал новые стихи, так почитай их нам, — сказал я ему, заметив в его руке несколько листов бумаги.

— Это не мои, но кто бы ни написал их, они прекрасны. Тем более, что их автор — еще почти ребенок, — ответил он, с видимым удовольствием пробегая глазами листки, вырванные из ученической тетрадки.

— А ну-ка прочти твое хваленое стихотворение, — обратилась к Гиви и Зейнаб.

— Сперва скажи, кто его автор, — вмешался и Гулбаат.

— Автору этих стихов лет 15-16.

— Ого, — изумился Паата.

— Три-четыре дня тому назад в Союзе писателей появился юноша. Вы бы его видели — настоящий олененок. Он принес рукописную копию словаря Сулхана-

Саба Орбелиани и очень вежливо спросил, не приобретет ли Союз писателей эту рукопись. Меня заинтересовали и рукопись, и сам юноша. Он оказался сыном свана, давно переселившегося в Тианети, учеником то ли восьмого, то ли девятого класса. Меня привлекла его внешность, манера держаться, и я разговорился с ним. Выяснилось, что он пишет стихи, много читает, много знает наизусть. Я подбодрил его, дал кое-какие советы, а потом отправил его со словарем в музей. А сегодня получил от него очень вежливое письмо и несколько стихотворений. Лучшее я принес, чтобы прочитать вам.

— Интересно, — проговорил Лаша.

— Читай, читай, — воскликнули мы все.

И Гиви своим спокойным, бархатным голосом прочел:

БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ

Шатрами кажется цепочка гор зубчатых,
Шатрами белыми. И вся земля бела.
Как ты тогда в снежки играла без перчаток!
Мне — только б рядом, остальное все — зола.

Желанье сильное и чистое, как выюга.
Твоя улыбка же — как пламя очага.
И это самая надежная порука,
Что ты, как прежде, мне, как прежде, дорога.

Гиви кончил и оглядел всех нас.

— Ничего тут нет потрясающего. Стихи так себе, ничего. Нужно только вовремя позаботиться об этом парне, не то погибнет, — заключил Лаша.

— Почему это погибнет? — с удивлением спросил Гиви.

— Его погубит влияние символизма, которое чувствуется в этих стихах.

— Нет, невыносимо больше слушать эти «сладкие» стихи, как бы талантливо они ни были написаны. И кому нужна теперь эта меланхолическая, сугубо личная лирика! Это вовсе не главное назначение лирики как

таковой. Ошибаются те, кто считает, что лирическое стихотворение не может отражать героико, здоровый дух, трезво описывать суть явлений и предметов, вызывающе заговорил Паата.

— В этом стихотворении вовсе нет ничего нездорового, — решительно возразил ему Гиви.

— Стихотворение, конечно, очень красивое, но что ни говори, не свободное от декадентства, — примирительно поддерживает Лашу Зейнаб.

— Оставьте дискуссию. Лучше расскажите о новостях, — советует нам Гулбаат».

Вы прочитали отрывок из нашумевшего в свое время романа Раждена Гветадзе «Лашаурские вечера». Речь в нем идет, как вы догадались, о Мирзе Геловани, а «Белая земля» — то самое его стихотворение, которое мы упоминали выше. Говорить о том, что мое мнение никак не совпадает с мнением персонажей романа Р. Гветадзе, разумеется, излишне. Для нас важно, что благодаря этому роману стихотворение юного поэта увидело свет, а его имя впервые дошло до читателей. Роман был напечатан в журнале «Мнатоби» в 1935 году, а в 1936 году вышел отдельной книгой. Когда же Мирза приехал в Тбилиси и явился в Союз писателей со словарем Орбелиани, он только создавался.

С замирающим сердцем обошел Мирза первый этаж, заглянул в украшенный зеркалами зал заседаний, увидел большие портреты Ильи и Акакия, потом вышел в небольшой уютный сад, оглашаемый звонким пением дроздов. Ему все казалось, что вот сейчас он столкнется с Галактионом.. На садовой скамейке сидели солидные мужчины и степенно беседовали. Чутье подсказало юноше, что Галактиона нет среди них, и он немного успокоился. На террасе, выходящей в сад, журчал фонтанчик, а над ним в стене — мраморная плита с высеченным на ней двустипшием Акакия: «Гость милый, незабвенный, пей! Пусть усладит тебя источник чистый сей». (Пройдут годы, и рядом с этой плитой появится еще одна, с именами грузинских поэтов и писателей, погибших в борьбе с фашистами, и первым в этом скорбном списке будет имя Мирзы Геловани). У известного мецената Сараджишвили, построившего се-

бе этот особняк, в котором теперь находится Союз писателей Грузии, воистину был превосходный вкус. Мирза с нескрываемым восхищением осматривал все вокруг. Наступит время, когда он освоится здесь, но сейчас ему было не по себе, и это еще больше смущало его. Он собрался было уже уходить, когда ныне покойный поэт Григол Цецхладзе остановил его. Он заинтересовался, зачем понадобился юноше Галактион Табидзе, не может ли он чем-нибудь помочь ему, не пишет ли он случайно стихов?

— Скажите, не стесняйтесь. Вот все они пишут и пишут никуда не годные стихи, а не стесняются,—говорил, смеясь, Григол Цецхладзе, указывая на группу молодых людей, расположившихся неподалеку.

В разговор включился еще один симпатичный человек. Как потом узнал Мирза, это был Ражден Гветадзе. Мирза, разумеется, читал его романы — «Тео» и «Чиаконна»¹. Он знал его книгу стихов, носящую несколько вызывающее название «Мессия ослов». Одно стихотворение, «Чочори» (ослик), ему очень нравилось, и он даже помнил его наизусть... Вообще Григол Цецхладзе и Ражден Гветадзе легко завоевали доверие смущенного юноши. Он показал им словарь Орбелиани, а потом даже признался, что пишет стихи, но с собою их у него нет. Тут он солгал — стихи были при нем, но ведь дать их он хотел только Галактиону. Поэты были очарованы внешностью Мирзы, его манерой держаться, говорить, тем врожденным аристократизмом, приобрести который невозможно. Они предложили ему прислать им свои стихи. Мирза, окрыленный, вышел из Дворца писателей. Он не помнил, как миновал улицу Мачабели, главную площадь, как шел по проспекту Руставели... Вернувшись в Тианети, он отправил Григолу Цецхладзе несколько своих стихотворений. Так попала в «Лашаурские вечера» «Белая земля», а остальное вам уже известно. Зато ничего об этом не было известно тогда самому Мирзе, и узнал

¹ Чиаконна — древний праздник, во время которого перепрыгивают через горящий костер.

он все, лишь когда однажды открыл очередной номер «Мнатоби» (к тому времени он уже окончил техникум и работал учителем в селе Симониантхеви). Он начал читать «Лашаурские вечера» и вдруг — о чудо! — наткнулся на свои стихи! Тут же скупое, но точно было описано его прихождение в Союз писателей. Нетрудно представить, какое волнение охватило юношу, жившего тогда в каком-то богом забытом селении. О, как необходимо ему было ласковое, дружеское слово, чтобы поверить в свои силы, и это слово пришло вовремя... Но не будем опережать события.

3.

«Дядя Григол!

Пишу Вам из Тианети. Я хочу хоть частично ознакомить Вас со своими стихами и услышать Ваше мнение о них.

Может быть, мне вовсе не стоит писать? Может быть, мои стихи — только пустая забава? Не знаю. Сам я этого не чувствую, а Вы можете справедливо сказать мне об этом. Тогда я прошусь с писанием стихов, хотя это мне будет очень трудно сделать. Мои взгляды, отраженные в этих стихах, унаследованы мною, как и большинством молодежи, из старой литературы. Может быть, они неправильны. Если это так, я изменю их! Изменяю их только тогда, когда пополню запас знаний (собственных знаний!) и уверюсь, что взгляды мои ошибочны.

Возможно, в моих стихах чувствуется и влияние некоторых поэтов. Я хотел бы, чтобы Вы указали мне и на это.

В поэзии я пока только дитя, но ни одно стихотворение я не написал, насилуя себя.

Остальные стихи по взглядам и мыслям совпадают с этими.

Может быть, их нужно сжечь. Не знаю!

Вы же должны знать, и напишите мне об этом. Мирза (Резо) Гедеванович Геловани.

18/II 35 г.

Р. С. О словаре мне ничего не известно...»

До нас не дошло ответное письмо Гр. Цецхладзе, но что оно было получено Мирзой, видно из его следующего письма:

«Дядя Григол!

Получил Ваше ответное письмо, чему по-детски обрадовался. Я уже не в силах был ждать, так как со дня отправления моего письма прошло много времени. Должно быть, я беспокою Вас, но все же хочу выслать Вам несколько стихотворений из написанного мною.

Два последних могут быть напечатаны. Вообще я не знаю, куда нужно посылать стихи или какие органы могут печатать меня.

Да, кстати: тут я обнаружил одну старинную рукопись (год в ней не указан, но она очень старая). Она походит на «Эфремверди», и в ней только заговоры, лекарства от различных болезней и толкование снов.

Сейчас я пишу о жизни Ваша Пшавела — в прозе и собираю его неопубликованные стихи.

Когда закончу, пошлю Вам.

Всего Вам хорошего.

С уважением. Мирза Геловани»

Таково было настроение Мирзы незадолго до окончания техникума. Затем, после окончания, как мы знаем, он учительствовал. Но несколько месяцев преподавания были для него сплошной мукой. Об этом периоде жизни Мирзы можно было бы сочинить множество беллетристических пассажей, но пусть лучше говорит он сам.

«Дядя Григол!

Наверно, Вы знаете, какое заброшенное и всеми забытое место Тианети. Ничего не приходит сюда вовремя. Вот и шестой номер «Мнатоби» только вчера дошел до меня.

В продолжении «Лашаурских вечеров» я прочел свое стихотворение «Белая земля». Меня не так обрадовала сама публикация стихотворения, как то, что Вы и уважаемый Ражден сделали для меня это. Я не был достоин такой вашей заботы. Но, дядя Григол! Я хочу признаться Вам, что публикация эта меня и огорчила. «С самого же начала понадобилась тебе

чья-то поддержка», — подумал я с горечью. (Детское самолюбие!) Но я утешил себя следующим рассуждением: чтобы научиться ходить, необходима поддержка другого человека. А когда научишься ходить, нужна дорога.

Да, так я подумал и именно ради «дороги» написал балладу «Плач коня» и отправил в редакцию «Мнатоби». Думаю, эту вещь напечатают¹.

До сих пор я работал учителем в начальной и неполной средней школе в Симиантхеви (в средней школе я преподавал только военное дело). Таким образом, у меня было 47 часов в неделю. Это было для меня колоссальной нагрузкой, и у меня не оставалось ни часа времени, чтобы отдохнуть, а тем более чтобы писать.

Тем не менее я сумел написать поэму в семь глав — «Грузия», несколько стихотворений и новеллу². Я знаю, эта поэма никогда не сможет быть напечатана, но вы ведь помните легенду «О серой птичке» или Шкловского?

С 1 ноября я распрощался с преподавательской деятельностью и сейчас — без места.. Мне предлагают работать в «Заготмясо», и я собираюсь так и поступить, но, дядя Григол, не смешно ли все это?

Посылаю Вам одно мое новое стихотворение.

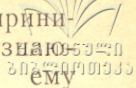
Пишет Вам Мирза Геловани.

Р. С. Здесь довольно большой снег, и я, смеясь, восклицаю: пустыня... пустыня...»

Из этого небольшого письма можно вытянуть много «нитей»: обратите внимание, с какой сдержанностью говорит Мирза о радости в связи с публикацией его стихотворения, с каким достоинством благодарит и даже не скрывает того, что его самолюбие уязвлено тем, что «с самого же начала ему понадобилась чья-то поддержка». Но он понимает и то, что на первых порах эта поддержка необходима, а потом, если ты чего-то стоишь, сам должен найти свою доро-

¹ Баллада «Плач коня» была напечатана не в «Мнатоби», а в «Чвени таоба» («Наше поколение») в №№ 5—6 1936 г.

² Судьба этой поэмы, стихотворений и новеллы по сей день неизвестна.

гу... Одним словом, письмо это пишет вовсе не прини-
женный и растерянный юнец, а молодой человек, знаю-
щий себе цену и умеющий оценить оказанную ему
помощь. Он не из тех, кто чванливо думает: я того до-
стоин, потому-то ко мне так внимательны. Заметим
и следующее — тот, кто был связан со школой, знает,
что такое для учителя нагрузка в 47 уроков в неделю.
Это — труд, способный свалить слона, а человека про-
сто-напросто свести с ума. Написать при такой работе
поэму в семь глав, стихи и новеллу — истинный твор-
ческий подвиг. Жаль, что нам, очевидно, так и не су-
ждено прочесть упомянутую поэму (да и новеллу!),
тем более, что сам автор написал о ней: «эта поэма ни-
когда не сможет быть напечатана...» Что до «легенды
о серой птичке», я, в отличие от Гр. Цецхладзе, не пом-
ню, вернее, не знаю ее содержания, а не то можно
было бы хотя бы предположительно составить пред-
ставление, о чем же была поэма Мирзы Геловани
«Грузия». Упоминание же о Викторе Шкловском, этом
чрезвычайно интересном писателе, свидетельствует о
широте литературных интересов молодого человека,
живущего в таком «всеми забытом и брошенном»
месте, как Тианети. Как выяснилось из письма, Мирза
Геловани оставил педагогическую деятельность, од-
нако его подстерегала другая, еще худшая опас-
ность: он намеревался работать в «Заготмясе». Что мог-
ло дать это душе поэта? Однако, к счастью, обстоя-
тельства сложились иначе...

«Дядя Григол!

Наверное, я беспокою Вас своими бесконечными
письмами, но я хочу сказать Вам: «Я от Вас не от-
стану» и добавить: «все равно не отстану!». Я с Вами
познакомился слишком легко и просто, без всяких це-
ремоний, и, возможно, именно поэтому моя откровен-
ность может быть оценена как развязность и навяз-
чивость.

И я думаю: откровенность унижает человека в
глазах другого (во всяком случае — иногда). Тем бо-
лее в наш век!

Есть, конечно, и исключения.

Вас я первым бы записал в список этих исключе-
ний.

Вот почему мне так хочется сказать Вам все, что
больше не в силах жить среди этих ничтожных люди-
шек, и если бы Вы спросили меня: «Ты бы уничтожил
их?», я бы ответил Вам: «Да, дядя Григол!».

В предыдущем письме я писал Вам, что распро-
щался с работой в школе.

Недавно в газетах было опубликовано постановле-
ние — об учителях-дезертирах. И меня как «дезерти-
ра» передали райпрокуратуре. Скоро меня «привле-
кут» к ответственности. Меня сняли с работы в «За-
готмясе» и, в соответствии с постановлением, лишили
права на всякую работу. Не знаю, как быть. Вся эта
история ничего хорошего мне не сулит.

Где же выход?

Пока я ничего не предпринимал.

На этих днях и Вы, наверное, прочтете в газетах
имена учителей-дезертиров Тианетского района. Не
представляю, чтобы когда-нибудь имела место боль-
шая нелепость, чем эта, — разве можно быть педаго-
гом из-под палки?

Какой я педагог!? Немыслимо!

Но что поделаешь? Оказывается, и так бывает —
путем угнетения к уничтожению угнетения.

С наилучшими пожеланиями

Мирза Геловани.

4/XII—35 г.»

Мы должны быть благодарны ныне покойному
поэту Гр. Цецхладзе, бережно сохранившему несколь-
ко писем юноши из Тианети. Не сделай он этого, мы
бы сегодня ничего не знали об очень важном периоде
жизни Мирзы Геловани. В частности, мы ничего не
знали бы о том, что непосредственно перед переездом
в Тбилиси ему пришлось пережить серьезные непри-
ятности, что жизнь «среди ничтожных людишек» уже
настолько была невыносима для него, что он говорит
даже о своей готовности «уничтожить их». Как же бы-
ло нелегко ему тогда!.. Наверное, мы не знали бы и о
том, что его собирались привлечь к ответственности
как педагога-дезертира... Однако, как говорится, «нет

худая без добра». Кто знает, как сложилась бы дальнейшая жизнь поэта, если бы он остался в «Заготмясе». Возможно, его понесло бы по течению, время притупило бы в нем духовный голод, страсть к поэзии... Я не утверждаю, что так случилось бы непременно. Но — могло случиться и случалось не раз!

Так или иначе, в результате всего происшедшего Мирза пришел к убеждению: в Тианети ему делать нечего, тут все пути для него отрезаны! Он должен уехать, как можно скорее уехать отсюда!

Был май. Май 1936 года. Цвели сливы, персики, вишни, яблони, и узенькие улочки Тианети заливал их головокружительный аромат, а на маленькой площади, которая считалась центром городка и где высилась двухэтажная гостиница, на огромных старых липах появились молодые листочки. Между липами горели электрические фонари, а вокруг них кружились бесчисленные желтые бабочки. Молодые листочки на деревьях издали тоже казались желтыми бабочками. Мирза долго наблюдал за их неустанным кружением вокруг фонарей и думал: «Все живое, даже эти желтые бабочки, самоотверженно стремится к свету. Кто же посмеет упрекнуть меня, если я поеду в Тбилиси? Сегодня только в Тбилиси возможно причаститься к настоящему свету...» С этими мыслями он поспешил в библиотеку. Был май. Май 1936 года.

4.

НА ДЛИННОМ, покрытом красным сукном столе разложены новые журналы и газеты. Пусто и тихо. Старенькая библиотечка сидит в своем углу. Мирза почтительно здоровается и начинает просматривать прессу. Вдруг ему на глаза попадает незнакомый журнал — «Чвени таоба»... Он с интересом берет его, перелистывает... Вот здорово! Оказывается, журнал этот создан для молодых, начинающих авторов. Об этом извещает редакционная статья, помещенная на первой же странице:

Теймураз Маглаперидзе. Мирза Геловани.

«Чвени таоба» будет широко представлять художественную продукцию молодых писателей. В то же самое время он попытается оказать молодому писателю всестороннюю помощь в теоретическом обучении и в творчестве. Редакция намерена организовать свою работу так, чтобы помощь эта была по возможности более конкретной и практической...»

«Журнал «Чвени таоба» с большевистской бдительностью и со всей непримиримостью будет бороться против всяческого проявления пережитков идеологии классового врага в нашей литературе...»

В этом номере Мирза нашел стихи Г. Каландадзе, Г. Абашидзе, С. Чиковани, И. Бурчуладзе, А. Саджая, рассказы Д. Шенгелая и М. Гвасалия... Итак, отныне выходит журнал, в котором в первую очередь должны печататься произведения молодых авторов. Радости Мирзы не было границ. Он представил себе Союз писателей на улице Мачабели, где, наверное, помещается и редакция журнала «Чвени таоба», лица молодых поэтов и писателей, с которыми он не был знаком, но дружба с которыми была его заветной мечтой... Беседы о литературе, о театре, о живописи, обо всем том, что составляло жизнь его души... Боже мой, какое это было бы счастье! Неужели и вправду когда-нибудь Мирза окажется в кругу людей, близких ему по духу?..

...По воскресеньям в Тианети, на берегу Иори, на пологом поле устраивались ярмарки. С раннего детства Мирза мог видеть здесь хевсуров в национальной одежде со щитами и короткими мечами, хевсурок, продающих сыр и топленое масло, лезгин в мохнатых шапках — непревзойденных оружейников, тушинских пастухов, опаленных солнцем крестьян из Кизики¹, лениво дремлющих на горах арбузов. Здесь устраивались скачки, звучала грузинская гармонь, тушины плясали свои огненные пастушеские танцы. Нередко разгоряченные вином хевсуры, повздорив, обнажали свои мечи. Мирза ходил среди этой пестрой толпы, боясь что-нибудь пропустить — не увидеть или не услышать. Он смотрел, слушал, выпитывал, запоминал, и душа его постепенно наполнялась гордостью. Ведь и он — гру-

¹ Одна из исторических провинций в Восточной Грузии.

96.035040
192-110133

зин, кровь от крови, плоть от плоти древнего народа, ведь он и сам может складывать стихи на грузинском языке, как вон тот старик, что сидит под липой и поет уже ослабевшим голосом. Мирза долго стоит, замерев, около старика, стоит и слушает. А тот пропоет стих, умолкнет ненадолго и запоет другой, новый. Потом по узеньким, извивающимся крутым улочкам Мирза поднимается к крепости Цхракара, что возвышается над Тианети. Тут, на замшелых плитах, в тени одичавших, охваченных алым пламенем цветения гранатовых деревьев, Мирза может сидеть часами и бормотать стихи. Внизу как на ладони — весь Тианети, протянувшийся вдоль ущелья, а вдали, в голубой дымке — белоснежные вершины Кавкасиони. Кто знает, сколько стихотворных строк произнес тут Мирза, сколько мечтаний и желаний доверил он молчаливым развалинам?! Помните его стихотворение «Цхракара?» «В детстве моем, там, где склоны девяти гор, на высокой горе крепость стояла, называлась она Цхракара¹, и перед девятью ее воротами лежало по девять каменных глыб, подобных девяти братьям². В крепости был молчаливый зал, разбитый, безъязыкий колокол, и из ночи в ночь девятиликий ветер дул, поднявшись из девяти ворот. Я каждое утро шел по подъему, беспричинно грустный и притихший, садился у обрушенной арки и прислушивался к молчанию прошлого. Я думал, ветер, как в старой сказке, сообщит мне что-нибудь удивительное, укажет дорогу к могиле Тамар или к ненаписанной еще поэме «Витязь в тигровой шкуре».. Но постепенно я постиг, что, оказывается, трудно следовать за молчаливыми тенями, каждый день из стены выпадало по одному камню, и с болью вздыхала крепость. Так рухнули врата Цхракары. Однако, когда я прохожу мимо руин, меня встречает у арки мое дет-

¹ Цхракара — имеющая девять ворот.

² Девять братьев Херхеулидзе, героически сражавшиеся плечом к плечу и погибшие в Марабдинской битве. Погребены в одной могиле.

ство — как прекрасный белый цветок. Меня встречает и ветер и, как облако, мчит меня в прошлое. Стены встают, и у меня на широкой груди (за пазухой) прячется молчаливая крепость».

Кончилось детство. Завтра Мирза простится с этими родными, любимыми с детских лет местами и отправится в Тбилиси. Что ждет его впереди? Он не знает! Из развалин крепости выходит босой, длиннобородый Антон Геловани в монашеском облачении, «муж мудрый и разумный, визирь и мдивантухуцеси» царя царей Тamar. Он протягивает руку к своему далекому потомку, поворачивает его лицом к солнцу, и звучит его повелительное:

— Гряди!

Часть II

«КОГДА ВПЕРЕДИ — ПУТЬ, НИКЕМ НЕ ХОЖЕННЫЙ» (1936—1939)

«Очарования, восторги юных лет,
прощайте, навсегда прощайте...»

Галактион

Глава пятая

1.

НА НЕМ — старомодная черная сатиновая блуза - косоворотка, застегнутая на ряд мелких, часто нашитых пуговиц, перетянутая узким наборным серебряным поясом, галифе с напуском, плотно облегающие икры мягкие сапоги, сванская шапка. Он высок, тонок в талии, широк в плечах, и поэтому этот наряд особенно идет ему. У него привычка ходить чуть боком — правое плечо слегка выдвинуто вперед. Шаг легкий, размеренный. Во всем облике — стремительность и ловкость рыси. Если он оказывается в толпе, то выделяется на ее фоне, как стрела, выпущенная из лука. Кисти рук — изящные, нервные, но в то же время и сильные. У левого виска — пульсирующая си-

неватая жилка, извилистая, как корень дерева, и время от времени он прикладывает к ней кончики пальцев, как бы прислушиваясь к ее таинственному трепету. 46
1935
222110333 ворит он мягким грудным баритоном, степенно и убедительно. Вообще умение убеждать — одно из основных его качеств, и берет оно начало в удивительной искренности и прямоте. Что бы он ни делал — говорил или писал, он предельно правдив (даже если ошибается!) и поэтому сразу же подкупает и собеседника, и читателя. Ты ему веришь, не сомневаешься, что этому человеку можно довериться, нет, не можно, а непременно нужно довериться. Скоро ему исполнится двадцать. Он легок на ногу, крепок на руку, а в душе его неутолимая жажда знания и любви. Вот такой юноша ходит по Тбилиси тридцатых годов, ходит и никак не может насытиться обрушившимися на него новыми впечатлениями. Он и раньше бывал здесь — раза два. Один раз совсем недавно, но те посещения были эпизодическими, теперь же все его существо проникнуто радостью сознания, что отныне он — житель этого удивительного города...

Не простым и не легко познаваемым городом был Тбилиси. Но Мирза очень быстро понял главное: Тбилиси для Грузии нечто большее, чем просто столица, а понять это — значило понять очень многое. С утра и до сумерек бродил он по улицам, дышал искрящимся золотом майским воздухом и смотрел, внимал, постигал...

Он мог без конца любоваться старинным храмом Анчисхати, ласкать взглядом его замшелые стены, потом по улице Шавтели или Чахрухадзе выходил на Салакбо¹ и наблюдал за азартно игравшими в кочи, чикори и лахти² мальчишками, смотрел на увешанных бубенчиками потных лошадей, запряженных в фаэтоны... Он любил слушать звон колоколов Сионского собора и повторять строки знаменитого стихотворения Иэ-

¹ Салакбо — одна из площадей древнего Тбилиси, дословно — место бесед и развлечений, ныне — площадь Ираклия.

² Кочи, чикори, лахти — излюбленные игры тбилисских ребят.

тима Гурджи: «Здравствуй, мой Тбилиси-град». Потом пройти удивительный «Вирис хиди» (Ослиный мост), который обессмертил Пиросмани (и который впоследствии был разрушен по недомыслию). За мостом — монолитная крутая скала, а на ней — Метехский храм богоматери, возведенный царем Дмитрием Самопожертвователем в XIII веке... Нигде так не стеснено течение Куры и нигде не кипят так ее волны, как здесь, у подножия Метехи. Особенно по весне... Пройдет семь лет, и под кровавыми дождями войны Мирза напишет стихотворение — «Не пиши мне...» — одно из прекраснейших в грузинской поэзии. В нем будут строки: «Мтквари вздыхает (громко), как всегда, когда проходит вблизи Метехи».

Значительно позже, уже в наши дни, критик Гуррам Асатиани так оценит эти строки: «Настоящего творца можно узнать не только по голосу, но и по его слуху, по тому удивительному дару, благодаря которому он распознает среди бесчисленных голосов земли те, что недоступны нам. Только чуткий слух истинного поэта мог уловить этот вечный, удивительный звук — голос. Как много сказано этими немногими словами, как просто, естественно и как точно!.. Этот таинственный голос, подслушанный Мирзой Геловани, навсегда войдет в число голосов, вечно звучащих в грузинской поэзии...» В двух шагах от Ослиного моста — тоже уже не существующая ныне, красивейшая Голубая мечеть — напоминание о минувшем лихолетье. Вверх от знаменитого Майданского базара — узкие, извилистые, мощенные камнем улочки взбираются к разрушенным зубчатым стенам крепости Нарикала. Поднимается Мирза по этим уступам и бормочет: «Тбилиси!.. Удивительно многоцветное совершенство старого Тбилиси!..»
 Ход времени раскрыл душу этой тайны. Тут в глубине ее возник родник — прозрачный ключ — источник волшебной-прекрасной поэзии. Я пью из этого родника, черпая обеими руками, и горжусь, что в моих жилах течет его благословенная кровь... Я — современный человек, гордый, алчущий красоты! И я говорю: друзья, писатели, поэты, не уступим Тбилиси археологам. Сами будем изучать его, дышать его воздухом, улицами,

развалинами, и будем любить и беречь его, как свой первый стих...»¹

За стенами Нарикалы — Ботанический сад, теплый и таинственный, дальше, над ним — раскаленные солнцем обнаженные скалы, лениво взирающие на пересохшее русло реки, летом почти не существующей, но такой буйной по весне.

Мирза быстро освоился в этих местах и полюбил их. Особую радость и вдохновение дарили ему посещения пантеона на Мтацминда. Каждый раз, отворяя тяжелую чугунную калитку, он мечтал, чтобы никого, кроме него, не было в этом святом месте. Тут он искал уединения, чтобы всецело отдаться своим мыслям вблизи святых могил.

Вот скорбная женская фигура. Это — Грузия, оплакивающая Илью. Рядом покоится не так давно почивший светлый старец — Василий Барнови, затем — Давид Клдиашвили, Акакий... Долго стоит Мирза у могилы великого пшавы, чувствуя себя не только подданным поэзии Важа, но и близким, родным человеком Луки Разикашвили. Перед могилой Бараташвили он преклоняет колени...

Миновала пора юности! Сейчас он со страхом и трепетом взирает на Тбилиси и отчетливо сознает: в этом городе должна решиться его судьба — тут он или найдет свое место в жизни, или навсегда должен будет забыть свои честолюбивые мечты. Но как найти это свое место? Солнце склоняется все ниже. Окрестности замирают как бы в ожидании чуда. Нисходит вечер, зажигаются звезды, сперва редкие, потом частые и яркие. Наступает ночь. А Мирза все не уходит. Ему кажется, он слышит голоса великих сынов Грузии, обретших вечный покой здесь, на груди этой святой горы.

2.

К СЕМИ часам небольшой зал Дома писателей начал заполняться. Среди собравшихся и Мирза. К этому времени, кроме «Белой земли», была уже опублико-

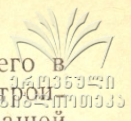
¹ И. Гришашвили. «Литературная богема старого Тбилиси».

вана его прекрасная баллада «Плач коня», и он, казавшись бы, обрел некоторое право находиться среди поэтов и писателей. Однако молодой человек и не помышлял пользоваться им и по-прежнему чувствовал себя неловко. Скорее всего, и в этот вечер он ушел бы никем не замеченный, если бы не тот же Григол Цецхладзе, который с присущей ему сердечностью обнял его за плечи, ввел в зал и посадил рядом с собой... Появился Тициан Табидзе с неизменной красной гвоздикой на лацкане пиджака. Он уже утратил юношескую живость, однако падающие на лоб волосы, большие голубые глаза и полные чувственные губы придавали его лицу что-то неистребимо детское. Он занял место прямо перед Мирзой и закурил. Его удивительно изящные пальцы с такой естественной грацией держали папиросу, что одного лишь этого было достаточно, чтобы любоваться им. Мирза, сидя за его спиной, смотрел на него и думал: «Как я люблю тебя, о, если бы ты только знал, как я люблю тебя»... Вошел Шалва Дадиани — красивый, представительный; Лео Киачели — крупный, медлительный, с потрепанным кожаным портфелем, сквозь толстые стекла очков ласково и чуть растерянно смотрели его вдумчивые глаза.

Между тем из смежной с залом комнаты вышли Михаил Джавахишвили, Ражден Гветадзе и Бесо Жгенти и сели за стол президиума. Бесо Жгенти открыл дискуссию и предоставил слово Михаилу Джавахишвили.

Михаил Джавахишвили был худ и жилист... Тронутое оспой лицо. Высокий лоб, коротко подстриженные усы и маленькая бородка. Пенсне. Острый, пронизательный взгляд, все понимающий и ничего не упускающий...

...«—Объем «Лашаурских вечеров» вдвое меньше объема «Тео» и «Чиаккона». Он равен всего шести формам. Однако формально — художественный вес этого произведения вдвое больше», — начал свой доклад Михаил Джавахишвили. Как всегда, он говорил скупно, лаконично. Сказал несколько слов о жанре, упомянул «Тысячу и одну ночь» и «Декамерон» Боккаччо, затем снова вернулся к Раждену Гветадзе. «Советская литература должна показать нового человека в индивиду-

альной и социальной его конкретности, показать его в реальной действительности социалистического строительства. Читателю нужен роман, достойный нашей эпохи. Прежние писатели-реалисты (Сервантес, Бальзак, Шекспир, Л. Толстой, И. Чавчавадзе) смело выдвигали величайшие проблемы своего времени и так же смело разрешали их. С точки зрения социалистического реализма вы не найдете в романе Гветадзе широкой общественной панорамы нашей действительности, с точки же зрения классического эпического романа конструкция «Лашаурских вечеров» расплывчата. В основе каждой из новелл, вплетенных в ткань романа, лежит обыденное событие или случай»...

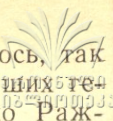
Мирза пытается слушать рассказчика, но невольно его внимание рассеивается. Он замечает в дверях двух поэтов, сотрудников редакции «Чвени таоба» — высокого, элегантного Александра Саджая и Габриэла Джабушанури. Они уже были довольно известны и приняты в литературных кругах. Не то что Мирза, у которого и напечатано-то всего два каких-то стихотворения! Всего-навсего! Вот если бы было можно, он хоть сейчас с радостью распахнул бы свою душу и излил бы целый водопад стихов, чтобы все, кто находится в этом зале, — Тициан Табидзе, Михаил Джавахишвили, все услышали их. А оратор тем временем продолжал: «Ражден Гветадзе — искусный фабулист. В ходе повествования и в развитии сюжета ему не изменяет чувство пропорции. Ни один эпизод у него не перегружен лишним, посторонним материалом». Тут М. Джавахишвили приостановился и обернулся к автору:

— Батоно Ражден, кстати, я хочу спросить вас: эпизод с Резо Геловани и его стихотворением вымышленный или взятый из действительности?

— Взятый из действительности, батоно Михаил.

— Я так и предполагал. Если не ошибаюсь, недавно в «Чвени таоба» было опубликовано еще одно стихотворение этого юноши.

— Да, батоно Михаил, «Плач коня».

— Да-да, «Плач коня». Оно мне понравилось, так же как и «Белая земля». Однако суждение ваших героев мне показалось слишком суровым, батоно Ражден. Помилуйте, что декадентского нашли вы, мой дорогой, в «Белой земле»? Просто изящное, красивое любовное стихотворение. Неужели и влюбляться мы не позволим нашей молодежи! А где сейчас этот Геловани?

Григол Цецхладзе крикнул с места:

— Здесь он, батоно Михаил! — и подтолкнул локтем покрасневшего Мирзу, заставив его подняться.

Пронзительный взгляд сквозь стекла пенсне ненадолго задержался на смущенно потупившемся юноше и, казалось, проник в самую его душу. Кто-кто, а Михаил Джавахишвили не мог не понять сразу же, с кем он имеет дело. Он сердечно улыбнулся.

— Да благословит тебя бог! Садись, сынок, — сказал он и вернулся к своему выступлению.

Мирза чувствовал себя так, точно из-под него убрали стул и он парит в воздухе. Под устремленными на него взорами окружающих он совсем растерялся. Но постепенно из смешавшихся и расплывшихся лиц выделилось одно: Тициан Табидзе! Он улыбался своей светлой, детской улыбкой и протягивал ему руку:

— Приветствую тебя, я — Тициан Табидзе.

— Знаю, батоно, — пробормотал Мирза и робко принял теплую, несколько вялую руку. «Приветствую тебя, я — Тициан Табидзе» — эти так сердечно произнесенные простые слова Мирза запомнит на всю жизнь. Он часто будет вспоминать их и в радости, и в горе, а когда Тициана не станет — так трагически, так страшно! — он напишет стихи, пронизанные горечью и болью...

Внимание зала вновь сосредоточилось на докладчике, и он продолжал: «У автора была полная возможность свободнее действовать кистью и создать более широкое эпическое полотно. Но он не использовал эту возможность. Почему? Что же произошло? Во-первых, произошло то, что автор решил эпико-социальную тему в лирическом ключе. Поэтому я и назвал бы «Лашаурские вечера» трагико-лирическим романом. Поэт-лирик наблюдает трагическое событие и лирически ощущает и воплощает эпический материал».

Мирза честно старался понять и осмыслить все, что говорил Джавахишвили, но никак не мог сосредоточиться. Шутка ли? Сам автор «Обвала» и «Арсена из Марабды» заметил его стихи. Они понравились ему! Шутка ли? Под конец докладчик обрушился на автора рецензии на роман Гветадзе, напечатанной в газете. Сказал он ему приблизительно следующее: «Ты — молодой человек, и запомни, что я тебе скажу. Не годится писать так зло и оскорблять трудписателя. В романе и вправду есть художественные недочеты, но разве нет в нем и достоинств? И кто писал безупречно, кроме гениев? А поэтому, как говорится, нельзя вместе с водой выплескивать и младенца...»

В перерыве Джавахишвили подзвал к себе Мирзу, обласкал его, расспросил о его житье и сказал: «Ты из хорошего рода-племени, сынок, о том свидетельствуют и твоя внешность, и поэтический дар! Знай, с сегодняшнего дня я не пропущу ни одного твоего стихотворения. Пусть тебе никогда не будет стыдно за самого себя, а мне — за тебя. Если тебе что-то будет нужно, не стесняйся, разыщи меня!» — и с этими словами он протянул счастливому Мирзе свою визитную карточку.

Продолжение следует

МЕЧТА

Победно и резко гремит «Марсельеза»,
Скрежещущих кровель клокочет железо,
И голуби тучей взмывают, звеня.
И речь президента, и холод портала,
И вялые залпы ложатся устало
В горелое золото рыжего дня.

И видятся смутно мансарды Тбилиси,
Где жадно стремится к полуденной выси,
Берется за кисти и лепит слова
Мечта о Париже, разлитая в зное,
И жизнь прорезает движенье сквозное,
В горячих дворах шевеля дерева.

ЗА УЛЫБКУ ТВОЮ

За улыбку твою
Вечный мрак отдаю,
Безысходный, пустой, населенный.
Только стал мне родней мир, улыбкой твоей
Через тысячи дней озаренный.

И все чаще одну вызываю весну,
Новизной наполняя повторы,
И в потоке тону, и теряюсь в лесу,
Как немую вину, изумленье несу
Все к тебе через годы и горы.

Тает каменный лед, и дорога ведет
И торопит и топит виденья,
И в расселине дикая вишня цветет
В белый год твоего рожденья.

ТВОЙ ГОЛОС

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Словно жажды утоление — этот голос, этот звук,
Приближенье, отдаленье жарких глаз, незримых рук.

Он окликнет, и очнуться, оглянуться не могу,
Сердце тонет, мысли вьются мотыльками на лугу.

Целый мир испепелится, станет космос пустотой,
Но твои сольются лица в этот отзвук золотой.

Льется звон, подобный чуду, пробужденье или сон,
И смеется отовсюду и зовет со всех сторон.

Словно смерть проходит мимо и за ней летит, как
Голос дивный серафима, продлевающего день.

тень,

ФАУСТ

Пять, полшестого, шесть... А встреча — здесь в
четыре!

И голова пуста и на висках седа.
Возникшая во сне, чтобы исчезнуть в мире,
Ты все-таки на миг приходишь иногда.

Я знаю, за тобой безумец волочится
И топором грозит и ломится к тебе,
В диспансерном досье отчеркнута страница,
Где ты уличена в преступной ворожке.

Прости меня, прости, и, если ты — святая,
Хоть помолись за нас, пока живешь с людьми,
И, если ведьма — ты, на шабаш улетаю,
Взамен его души возьми меня, возьми!

ФЕОДОРА

Растет обиды пламень тонкий
Сквозь холод восковых ланит
Улыбкой томной македонки
И, угасая, пламенит.

Глядят надменно и прогоркло
Окаменелые глаза,
Обугленная бирюза,
Смесь равнодушья и восторга.

Сквозь легкий дым увеселенья
Неразделимые глядят
Гордыня горного селенья
И Византии вертоград.

ДЕРЕВНЯ ГЛУХОВО

Через великое горнило сомнений моя
осанна прошла.

Ф. М. Достоевский

В деревне Глухово, где снеговые ели
Привстали на сажень так лет за тридцать пять,
В сорок втором году дитя на штык недели.
Состарились леса, старухой стала мать.

Торчат углы платка. Сцепились пальцы зябко.
Зубов почти что нет, да надо есть и пить.
Мы в горницу вошли, и в погреб лезет бабка,
И в воздухе дрожит невидимая нить.

В тот погреб, где она скрывала партизана,
Чтоб сала для меня достать на три рубля.
И в мерзлых небесах твоя стоит осанна,
Морозные стволы неслышно шевеля.

ИЗ ЦИКЛА «В ЗИМНЕЙ ИНДИИ»

МЕНЯЛА

Меняла отрывает взгляд
От горстки серебра.
Я был здесь много лет назад,
Я приходил вчера.

Как много призабытых лиц
И стершихся монет!

Улыбки медных танцовщиц,
Сапфиров нежный свет.

Я что-то приносил в заклад
И на закате дня
Менялы утомленный взгляд
Припоминал меня.

Меня тревожил жизни зов
И это солнце жгло,
Чей луч в дрожание весов
Ложился тяжело.

ИЗ НОЧИ В НОЧЬ

Покуда звездная река
Течет своим путем,
Мы с Индией издалека
Сквозь детский плач бредем.

Не разомкнуть извечный круг
Любви и нищеты,
Прикосновеньем детских рук
Всегда измучен ты.

Чья тень в ночной горячей мгле
Идет, почти летя?
И млечный отсвет — на челе,
И на плече — дитя.

И через тысячи смертей
С неведомых высот
Своих бесчисленных детей
Из ночи в ночь несет.

МЕЛЬКАНИЕ

Швыряет приказчик шелка,
Куски златоткани,
И краски текут и века,
Мельканье, мельканье.

Три жизни твои протекли
За эти минуты,

И льется, и льется в пыли
Мельканье Калькутты.

РИКША

Поскольку, разменяв мечту,
Я только улицу мету
У маленького храма,
Я вижу дно людской реки,
Босые ноги, каблуки
И рикши красные плевки,
Летающие упрямо.

Он знает, городом больной,
И жизни жар, и смерти зной,
И, словно бы в угаре,
Он убегает в мир иной,
И реет за его спиной
Богиня в белом сари!

Что смерти дым и жизни мгла,
Пока тележка тяжела!
И ночь, волнуясь, протекла,
И день струится сизо,
И сам хочу сквозь быстроту
Две эти палки на лету
Схватить и с бетелем во рту
Бежать в живую пустоту
За пригоршнею риса.

ТИБЕТСКИЙ РЫНОК

Пусть обезьяна вытянет билетец
Здесь, на развале трав, латуни, кожи,
Где в каждой лавке — беженец-тибетец,
На доктора Бадмаева похожий.

И я увижу берег именитый,
Где от потопа не было спасенья,
И деда кровь на финские граниты
В Кровавое упала воскресенье.

ЛУННЫЙ СВЕТ

...И дверь открыл в ночную синеву
Владелец кучи медной и латунной.
Я выбежал. И вижу наяву
Сад Бенареса под ладьею лунной.

Ладья дрожит. Деревья тут и там
Вскипают, голоса тысячелисто,
И велорикша едет по пятам,
Браня работодателя-буддиста.

Пора буддисту сдать велосипед
И возвратиться в темную лачугу.
Но поздний пешеход, но лунный свет,
Но жалоба неведомому другу!

НИЩИЕ

Ограды усажены битым стеклом,
Но черные нищие смотрят в пролом,
И нет ли какого излишка?..
Старик улыбнется раздавленным ртом.
И с визгом запляшет мальчишка,
Собака взмахнет шелудивым хвостом,
Беззубая кобра взовьется винтом
И руку протянет мартышка.

В РАССКАЗЕ моем речь пойдет об ангелах. Однако хочу сразу же успокоить читателя: с парой херувимов я встретилась всего лишь во сне. Такое может случиться с любым человеком независимо от того, думал ли он когда-нибудь об ангелах или не думал. Я как раз не думала. А потому зрелище, открывшееся передо мной в коротком сне, поразило самое меня необыкновенно. Я прекрасно запомнила то чувство ошеломления и восторга, с которым проснулась и которое потом долго не проходило. Должно быть, в обществе ангелов я могла бы оставаться и дольше. Но именно это безмерное удивление тотчас породило суетное желание нестись куда-то прочь, с тем чтобы как можно скорее рассказать об увиденном другим (Кате, например, пусть немедленно запечатлеет на полотне). А потому, едва успев рассмотреть красочные подробности своего сновидения, я, как водолаз на дне моря, дала сигнал к всплытию, поднялась на поверхность и открыла глаза.

Галина КОРНИЛОВА

ГОСТИ НА ВЕРШИНЕ

Р а с с к а з

Разумеется, поторопившись проснуться, я многого не досмотрела и многое упустила. Но зато прекрасный пейзаж с двумя ангелами в центре его ясно и отчетливо встал передо мной в сумраке холодной и сырой апрельской ночи. Тем не менее, и этот сон, несмотря на всю его живописность, со временем должен был потускнеть и исчезнуть из памяти за полной его ненадобностью, как это бывает со всеми нашими сновидениями. Так бы оно, наверно, и случилось, если бы не некоторые вполне реальные события, происшедшие несколько месяцев спустя, поздней осенью того же года.

Но прежде вернемся к ангелам. Когда я их увидела, они стояли неподвижно на пологом склоне холма, заросшего густой, короткой, чуть уже желтеющей травой. За спинами ангелов виден был ряд невысоких деревьев с оливкового цвета стволами и медными, обожженными на солнце листьями. Неподалеку от меня из травы высывался и тускло поблескивал на солнце серый, с остро заточенной верхушкой камень.

Сама я в этой картине помещалась где-то в ее правом верхнем углу, а потому и на происходящее глядела как бы несколько сбоку и сверху (можно было предположить, что склон в том месте продолжал круто подниматься). Таким образом, лучше всего мне был виден левый ангел, а точнее—его профиль, плечо, правая, лежащая на рукоятке высокого посоха рука и еще крылья. Еще лучше могла я рассмотреть густую гривку травы, подбирающуюся под самые мои ноги, желто-бурая окраска которой отзывалась в медной листве деревьев и в красноватых пятнах сухой земли, обнажившейся в тех местах, где чуть расступался травяной покров. Хочу подчеркнуть, что во всем пейзаже в целом присутствовала некоторая суховатость гризайля, почти суровость. В нем, например, начисто отсутствовали яркие краски — синие или ярко-зеленые. Зато на этом благородно-сдержанном фоне замечательно рельефно выделялись светлые фигуры ангелов.

Разделенные расстоянием метра в три или четыре, они стояли в совершенно одинаковых позах, опираясь на длинные — какие носят с собой пастухи-

горцы — посохи, и сосредоточенно, внимательно разглядывали что-то, находящееся прямо перед ними. Поразительный покой исходил при этом от них — от их фигур, чуть склоненных голов, внимательных, серьезных лиц. Ощущение глубокого покоя передавали, кажется, даже прямые складки их одежд, имевших оттенок сурового полотна, и их гигантские, мирно сложенные сейчас за плечами крылья.

Крылья эти — уместнее было бы употребить здесь слово «крыла» — и были как раз тем, что прежде всего привлекло мое внимание. Дух захватывало от их величины, мощи и красоты. Огромным светлым полукружьем вздымались они над головой ангела и оттуда, с высоты, текли вниз плавным, постепенно сужающимся потоком, чтобы потом в самом низу, окончательно истончившись, почти упереться в землю твердым, заостренным как наконечник копья концом.

Цвет их вовсе не казался, как это можно было ожидать, снежно-белым. Скорее они были палевыми, желтоватыми, с редкими прочерками светлой охры где-то у наружного края овала и еще в том месте, где этот овал, выпрямляясь, переходит в бегущую вниз линию.

Во сне, поглощенная лицезрением замечательных крыл, я не успела столь же внимательно разглядеть и лица ангелов, запомнить их черты. Я смогла лишь заметить, что ближайший ко мне ангел выглядит моложе второго, что он темноволос, что взгляд его, устремленный вперед, был ясным и задумчивым одновременно. Но помнится, что точно такое же выражение задумчивости и покоя было и на лице второго, дальнего ангела.

Так они стояли, целиком занятые разглядыванием чего-то мне невидимого, и не обращали никакого внимания на мое присутствие. Со своего места я попыталась было также увидеть то, что так занимало их внимание. Но в той стороне, куда смотрели ангелы, ничего примечательного обнаружить мне не удалось. Там виднелся всего лишь противоположный, текущий как бы навстречу нашему склон холма, и на нем словно удерживалось с трудом, соскальзывало и цеплялось судо-

рожно растопыренными сучьями за траву небольшое черное дерево.

Ангелы смотрели туда, я глядела на них все более и более удивляясь поразительной естественности, или, как мы теперь говорим, раскованности их поз. Вид у них был такой, будто в самом факте их появления здесь, на склоне холма, среди обычной земной флоры ничего особенного не было. Они явно чувствовали себя здесь как дома. Но кто знает, быть может, поросший травой склон, окаймленный рядом зеленоствольных деревьев, и в самом деле был их домом?

И вот что еще важно: несмотря на кажущуюся неподвижность моих ангелов, вся картина в целом отнюдь не выглядела застывшей, мертвой. Едва уловимое дуновение, дыхание не то тихого ветра, не то чего-то еще струилось постоянно в воздухе, доносилось и до меня и свидетельствовало о том, что все, увиденное мной, — настоящее, пульсирующее и плещущее живой жизнью...

Сонники — старинные толкователи сновидений твердят нам: сон несет человеку вести о его будущем. Современные врачи-психиатры категорически утверждают, что это всего лишь безответственная и хаотичная работа коры головного мозга, которая известить может разве что о нарушении психики. Мы же, простые, мало сведущие в психологии и физиологии люди, склонны относиться к нашим снам скорее как к забавным кинофильмам, крутящимся по ночам совершенно бесплатно. Которые, разумеется, никакого касательства к нашей реальной жизни иметь не могут. Примерно так же отнеслась и я к своему странному сну с задумчивыми херувимами. Смешно было предположить, что он мог бы хоть как-то перекликаться с той моей жизнью, где я до этого вполне обходилась без ангелов. «Совершенно очевидно, — говорила я себе, — что нет и не может быть никаких мостов, никаких переправ между тем призрачным миром, который мы рассматриваем, зажмурив глаза, и этим, по которому мы ходим и ездим с открытыми». Так я думала и рассуждала до тех пор, пока не наступил день, заставивший меня убедиться в обратном.

Осенью того года у меня выдалась командировка на юг. Поездка была вполне деловой, однако дел в конце концов оказалось не настолько много, чтобы они полностью исключали и кое-какие развлечения. Одним из таких развлечений и оказалось наше восхождение, а вернее — въезд на вершину горы, где находится древний монастырь Зедазени (одна тысяча триста пятьдесят метров над уровнем моря). Замечу только, что идея этой поездки возникла у моих друзей совершенно случайно, и по чистой случайности сама я приняла в ней участие.

Насколько я помню, ехать куда-либо с веселой компанией в тот день мне не очень хотелось. С новыми местами — городами, весями или горами следует, по глубокому моему убеждению, знакомиться один на один, в отсутствие каких-либо друзей или гидов. Только тогда, не отвлекаясь на посторонние досужие разговоры, ты сможешь что-то понять и прочувствовать.

Но едва я попыталась уклониться от намеченного мероприятия, как друзья воскликнули хором:

— Как? Ты не хочешь ехать?! Да ты даже не представляешь, какие там замечательные места! А кто нас туда повезет, знаешь? Совершенно замечательный человек!

«Только этого не хватало! — уныло подумала я. — Замечательные места—это, надо полагать, какой-нибудь душный ресторанчик на перевале, осаждаемый моторизованными любителями экзотики. А замечательный человек, голову даю на отсечение, — неумеренно жизнерадостный толстяк-сангвиник, способный, не закрывая рта, веселить всю дорогу компанию».

Но (к счастью, наверное) мы мало что можем предугадать даже в ближайшем нашем будущем. Человек, севший за руль нашей машины, был высок, худощав, скорее сосредоточенно печален, чем беззаботно весел и к тому же чрезвычайно скуп на слова. Прозносив он их только тогда, когда для этого возникла насущная необходимость. Его чеканный бронзовый профиль хорошо был виден мне с заднего сиденья. Что же касается обещанных мне «замечательных мест», то о них как раз следует рассказать подробнее.

Мы выехали из города в тот час, когда над крышами домов поднималось бледное, будто несправшееся солнце, а утренние длинные тени телеграфных столбов и деревьев густо исчертили сизый асфальт шоссе. Желтая, быстрая, ведомая уверенной рукой машина наша превратилась в глухо рычащего зверя, едва это шоссе взметнулось с долины вверх, ставши горной, туго намотанной на скалы дорогой. Яростно завывая, почти вставая на дыбы, она упрямо вползала все выше и выше, пока наконец не опустилась вновь на все четыре колеса на вершине.

Там, где обрывалась дорога, тянулась длинная, сложенная из грубо отесанных камней стена. Справа виднелись и ворота — овальный, слеplенный из таких же камней свод.

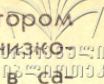
— Здесь, — кивнул на стену наш немногословный гид, — когда-то был монастырь...

Следуя за ним, мы прошли в ворота и оказались на просторной, покрытой мягкой нетоптанной травой лужайке. В дальнем ее конце росли раскидистые, явно посаженные рукой человека деревья, а посередине сверкали на солнце белые плиты небольшого храма.

На один миг что-то щемяще знакомое почудилось мне в открывшейся за монастырской стеной панораме. Где-то уже мне доводилось видеть и этот опушенный густой травой склон, и очень похожие деревья с полублетевшей красноватой листвой. Но только где это могло быть? В Коктебеле, возле Кара-Дага? На Урале, близ подножия горы Яман-Тау? Или где-то еще?..

Со смутным чувством узнавания я медленно прошла по траве, потрогала изукрашенный прозеленью мха ствол дерева и повернула к храму, чтобы полюбоваться вблизи безукоризненными пропорциями белокаменной базилики. Железная ее, покрытая ржавчиной дверь была заперта на тяжелый висячий замок. Я обошла вокруг церкви, остановилась под ее южной стеной, откуда снова открывался вид на поляну с деревьями. И в этот же момент все вспомнила.

В моем теперь уже давнем сне я помещалась как раз в этой самой точке, откуда и сейчас оглядывала травянистый склон. В двух шагах от меня торчал из травы темно-серый, заостренный вверху камень, а справа,

поодаль, виден был склон другого хребта, на котором распростерлось клубящееся черными сучьями низкое рослое деревце. Теперь я заметила, что оно и в самом деле удерживалось в почве из последних сил, корни его обнажились и висели в воздухе, а простертые над травой ветви напоминали протянутые в немой мольбе руки.

Туда в моем сне устремлены были взоры задумчивых ангелов. Но самих их сейчас здесь не было. А от того и весь пейзаж в целом выглядел странно пустым, в нем недоставало чего-то очень важного. Можно сказать, что он напоминал красивую раму, из которой вынули и унесли куда-то самое главное — драгоценный холст.

Гораздо позже, вспоминая события того дня, я с удивлением констатировала: поразительное открытие, сделанное мною на горной вершине, не повергло меня в страх или особенное изумление. Чувства, охватившие меня в ту минуту, были совсем другими. Я ощутила вдруг опьяняющую радость, почти восторг. Словно бы вдруг сбылось нечто такое, на что втайне от самой себя я надеялась и уповала, чего ждала, не отдавая себе в том отчета. А теперь оставалось только веселиться и радоваться, заходиться в детском ликовании и отворачивать при этом свое расплывающееся в счастливой улыбке лицо от моих спутников. Ибо они вряд ли поняли бы меня, начни я им объяснять все по порядку с самого начала. Возможно, что они бы даже почувствовали себя здесь, на вершине, не очень уютно, узнав о странной особенности этих мест.

Мне же самой, впавшей в необъяснимую эйфорию, казалось: мое открытие не только не говорит о каких-то смещениях и нарушениях привычного нам порядка вещей, но скорее наоборот — подтверждает этот порядок, является доказательством наличия в нем смысла и гармонии.

Догадавшись об этом, я внезапно ощутила прилив совершенно необыкновенных сил. Внезапно стало ясно: любое, самое невозможное дело сейчас скажется мне по плечу. Стоит лишь только захотеть, и в короткий

миг я смогу перевернуть горы, все равно, в переносном или же в буквальном смысле.

Как я сейчас понимаю, в том необычайном состоянии, которое я пережила на горе Зедазени, ничего сверхъестественного не было. Можно предположить, что в жизни каждого без исключения человека рано или поздно наступает момент, когда он, минуту назад еще ничем не отличающийся от других, чувствует в самом себе необыкновенное могущество, силы его и возможности расширяются беспредельно, и он легко и просто совершает то, что, казалось, не под силу никому из смертных. Не в этом ли разгадка тех удивительных, похожих на чудо подвигов, которые донесли до нас из древности легенды, мифы и сказки?

Очень важно при этом не проглядеть и не проворонить этот свой звездный час, не упустить момент, поверить в свое внезапное всеисилие и отважно, без оглядки броситься вперед.

Охваченная радостным возбуждением, я бросилась вперед по тихо шевелящейся под ветром траве. Но пробежав всего несколько шагов, вдруг остановилась как вкопанная, ибо увидела наконец то, на что с таким вниманием смотрели в моем сне безмятежно спокойные ангелы. Травянистый пологий склон за рядом деревьев неожиданно обрывался, повисал над пустотой глубокой и широкой пропасти. Из глубины ее вырвался и задышал мне в лицо холодом ветер, и уже одно это его могучее дыхание заставляло догадаться о том, как много места было ему дано для разбега вниз.

Туда, вниз, уходило отвесно гранитное, изрезанное морщинами разломов тело горы. Точно такие же отвесные склоны близстоящих отрогов образовывали стенки гигантской естественной чаши. Дном же ее была затянута голубой дымкой долина. Там можно было различить темные квадраты полей, коричневые выступы холмов, между которыми серебряной насечкой змеились русла рек. На склонах гор тут и там виднелись яркие оранжевые пятна, это ползли по скалам октябрьские горные леса.

Огромная чаша у моих ног не казалась пустой, она была заполнена вся сгустившимся до дымчатой непрозрачности, плотным воздухом. Солнечные лучи за-

ставляли это сгущение отливать то голубым, то бледно-лиловым светом. Иногда же оно как граненый хрусталь вдруг вспыхивало на секунду всем многоцветием радуги. Надо полагать, что воздух, налитый в эту огромную расщелину, сжатый со всех сторон твердой горной породой, и в самом деле успел затвердеть и превратиться в некое подобие гигантского кристалла.

И внезапно я поняла: данным мне в этот день могуществом я смогу смело отправиться в путешествие над пропастью, и при этом ни один волос не упадет с моей головы. Я смогу пройти над ущельем, добраться до того склона, где терпит бедствие обреченное на гибель черное деревце, привалить землей его корни, подпереть наклонившийся ствол камнями. А потом тем же путем вернусь обратно. Плотная дымчатая масса воздуха — я была уверена в этом — только спружинит под моими ногами как болотная кочка, однако выдержит мой вес. Так что, не рискуя абсолютно ничем, я смогу сейчас прогуляться над долиной, словно канатоходец в цирке к вящему удивлению и восторгу зрителей.

Веселый азарт толкнул меня вперед, заставил ступить на край бездны. И только лишь мысль об этих самых зрителях удержала от последнего шага. «Ведь здесь, на вершине, — успела я подумать, — я всего лишь гость. И, очевидно, в этом качестве должна вести себя несколько скромнее. Неизвестно еще, как отнесутся к моей экстравагантной выходке наши вежливые и сдержанные хозяева. Не сочтут ли они мой поступок всего лишь тщеславной попыткой поразить их воображение, любой ценой привлечь к себе внимание, выделиться из толпы? Ведь совершенно ясно, что никто другой последовать моему примеру не сможет, прогуливаться над бездной мне придется в одиночестве».

Боязнь быть обвиненной в нескромности заставила меня в конце концов с некоторым сожалением отойти прочь от пропасти и присоединиться к остальной компании, сгрудившейся в этот момент под стеной монастыря.

Там на невысоком холме уже начинался пир. Несметные богатства в виде тугих, густой киноварной окраски помидоров, словно запотевших сизо-черных виноградных кистей, благоухающих дымком ломтей копченого мяса, золотых, как солнце, лепешек, зеленых стогов киндзы и петрушки, дымчатых связок чурчхел и еще чего-то, чему пока нет аналогий и названий в русском языке, сияли и сверкали в обрамлении густых зарослей травы. Четыре развернутые газеты заменяли на этом пиру скатерть-самобранку с сокровищами, извлеченными словно по волшебству нашим щедрым хозяином из багажника желтой машины.

Теперь наконец у меня появилась возможность рассмотреть как следует сидящего на траве прямо против меня «замечательного человека». Оставалось признать, что друзья, давшие ему такую характеристику, скорее всего были правы, лицо его невольно притягивало к себе выражением спокойного достоинства, сдержанной силы и еще какой-то затаенной горечи. Оно напоминало скальную породу, над которой успели поработать стихии. Те же самые ледяные ветры, что чеканят гранитные глыбы, выбивают на них рельеф, придают им последнюю форму, коснулись и этого лица, придав чертам его окончательную завершенность и значительность.

На память мне невольно пришла история его жизни, услышанная еще в Москве. Она была полна драматических моментов и свидетельствовала о бесстрашии и мужестве, с которыми этот человек вышел из таких испытаний, какие мало кому дано было вынести, не сломившись.

«А что если, — шевельнулась сейчас же во мне робкая мысль, — что если свой, открывшийся сегодня дар употребить вот на что: стереть с души этого человека черную память о прошлом, снять груз тех лет, которые лежат у него за плечами вечной тяжелой ношей? Пусть останется с ним только легкое и светлое, пусть с лица его исчезнут навсегда эти следы испытаний и лишений. Пусть это лицо делается моложе, яснее, красивее...»

Однако он ведь и так красив. Да и не в красоте, пожалуй, тут дело. Как-никак, мы находимся сейчас в

той благословенной стране, где прекрасные лица, как мужчин, так и женщин, можно увидеть всюду, куда ни бросишь взор. Дело было скорее в особой выразительности его лица, отчетливо отпечатавшейся на нем силе духа. И имею ли я право что-нибудь менять в этом? Вмешаться в чужую судьбу, поправляя и подновляя ее по собственному усмотрению? Зачеркивать в картине все темные тона, оставляя одни только светлые? Не исчезнет ли вместе с ними и тот свет одухотворенности, который сейчас освещает это лицо?

Так я сидела, полная нерешительности, прислушиваясь машинально к посвисту прилетевшего из пропасти ветра. На бреющем полете с лязганьем портновских ножниц он проносился над травой, которая послушно пригибалась, валилась плашмя на землю, будто и в самом деле подрезана была под корень. И пока я размышляла и колебалась, время было упущено, настала пора собираться в обратный путь.

С веселыми возгласами участники недавнего пиршества принялись убирать остатки трапезы, и вскоре пиршественный наш стол вновь превратился в ничем не примечательный низкорослый холм. И уже двигаясь вслед за своими спутниками к воротам, я оглянулась, чтобы в последний раз окинуть взглядом место, которое мы покидали. Там все оставалось прежним. Чуть покачивались под ветром ветки деревьев с зеленоватыми стволами, отсвечивал искорками кварца в лучах опускавшегося солнца серый камень в траве. Ни одна деталь не изменилась в знакомом пейзаже. Но я была уверена: едва лишь распрямится примятая нашими ногами трава, едва на дороге за стеной умолкнет рев нашей машины, как они снова встанут там, на склоне под деревьями, чтобы внимательно и спокойно разглядывать с высоты божий мир. В вечерних сумерках их одежды сурового оттенка и их крылья цвета слоновой кости, должно быть, покажутся ослепительно белыми. Как снег, что лежит, не тая, вон там, на дальних пиках гор...

Желтая машина на спуске резко изменила свой характер, уподобившись теперь не рычащему хищнику,

трубы какого-то завода втыкаются в небо рядом с темно-фиолетовыми зубцами гор, а вместо красного солнца горит воспаленный глаз светофора.

Повинуясь ему, наша машина застывает неподвижно посреди шоссе, застывают в ней утомленные долгим путешествием и долгими разговорами пассажиры. Усталость и опустошенность сменяют теперь и в моей душе недавние неумеренные восторги и пылкую готовность к прекрасным поступкам. С тоской прислушиваюсь я к самой себе в надежде отыскать хотя бы след недавней дерзкой смелости и счастливой уверенности в собственных силах. Но, увы, не нахожу ничего. Мучимая запоздалым сожалением, я все-таки пытаюсь разобраться в причинах своего столь странного поведения. Что же в конце концов помешало мне реализовать мои благие порывы, откуда взялись все эти сомнения и колебания? Отчего я не сделала ровным счетом ничего из того, что могла и намеревалась совершить?

Багряный солнечный диск, спрятавшийся было за темной грядой гор на горизонте, неожиданно на короткий миг снова показался в расщелине между двумя вершинами. словно в узком окошке наглухо запертого терема явилось ясное лицо царевны. В одно мгновение на землю хлынула и затопила ее всю волна густого золотистого света. Подняв голову на эту ослепительную вспышку, я растерянно огляделась по сторонам и внезапно догадалась о самом главном. О том, что мир, в котором мы живем, прекрасен. Со всем, что есть в нем, — бедами и болезнями, изменой и ложью, жестокостью и равнодушием он все равно совершенен и не нуждается ни в каких переделках и исправлениях.

...Конечно же, многим такая мысль может показаться нестерпимой банальностью. Но что поделаешь, неизменяемая чернота земли и постоянная синева небес тоже могут показаться банальностью. Да кроме того, ни на какую оригинальность я тут и не претендую. Я хочу лишь сказать, что в тот осенний день в предместье большого города, озаренного последней вспышкой уходящего на покой солнца, мне открылось что-то такое, о чем следует помнить и в дальнейшей, потекшей за этим днем жизни.

ДЭВИ СТУРУА

НАША СЛАВА, СИЛА И ОРУЖИЕ...

 К 80-ЛЕТИЮ
 II СЪЕЗДА РСДРП

ПРОШЛО 80 лет со дня созыва II съезда РСДРП, на котором фактически была основана Коммунистическая партия Советского Союза. II съезд РСДРП подвел итоги многолетней борьбы российских марксистов за создание высшей формы классовой организации пролетариата, его боевого штаба.

Как известно, во второй половине XIX столетия почти во всех развитых капиталистических странах распространяется марксизм — идеология самого революционного и прогрессивного класса в истории — пролетариата. В этот период рабочее движение (стихийная классовая борьба против эксплуататоров) и теория научного коммунизма существовали раздельно. Задача революционных марксистов состояла в том, чтобы соединить рабочее движение с теорией социализма, придать стихийной борьбе пролетариата, являвшейся выражением отчаяния и мести, сознательный и организованный характер. В России это произошло в середине 90-х годов и связано с именем Владимира Ильича Ленина, с ленинским, пролетарским этапом революционно-освободительного движения.

Распространение марксизма и рост рабочего движения в России выразились в возникновении ряда рабочих организаций, марксистских кружков и групп в различных уголках Российской империи, в подъеме стачечного движения в промышленных центрах страны.

На долю В. И. Ленина выпала историческая миссия возглавить борьбу за объединение разрозненных марксистских кружков и групп в единую партию российского пролетариата. Зародышем такой подлинно революционной марксистской партии являлся созданный В. И. Лениным в 1895 году «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В Грузии марксистские кружки возникли в первой половине 90-х годов прошлого столетия. В декабре 1892 года на конференции грузинских марксистов была основана социал-демократическая группа «Месаме даси» («Третья группа»). Параллельно с «Месаме даси» по инициативе ссыльных русских революционеров были созданы марксистские кружки и группы на предприятиях промышленности и транспорта. Со второй половины 90-х годов грузинские марксисты имели связь с социал-демократическими организациями пролетарских центров России и, в первую очередь, с ленинским «Союзом борьбы». Видимо, и это обстоятельство имел в виду С. М. Киров, когда образно говорил, что закавказские социал-демократические организации были связаны с В. И. Лениным с пеленок.

На пути создания подлинно революционной марксистской партии В. И. Ленину и его соратникам пришлось вести непримиримую борьбу не только с открытыми врагами пролетариата, но и с подвизавшимися в рабочем движении и революционной борьбе народниками, легальными марксистами, экономистами и различными мелкобуржуазными партиями. Российские экономисты, меньшевики и некоторые другие мелкобуржуазные партии, течения и группы явились местными отрядами международного оппортунизма и ревизионизма. Поэтому борьба против них имела большое международное значение.

В. И. Ленин разработал план создания марксистской партии российского пролетариата и направлял всю деятельность революционных марксистов на претворение его в жизнь.

В ленинском плане создания единой марксистской партии центральное место занимает нелегальная общерусская политическая газета.

С декабря 1900 года за границей стала выходить организованная В. И. Лениным общерусская политическая газета «Искра», сыгравшая значительную роль в образовании Российской социал-демократической рабочей партии. Фактическим руководителем «Искры» был В. И. Ленин, превративший

ее в боевой орган российских марксистов, в грозное оружие борьбы против «экономистов» и других оппортунистов в рабочем движении.

РАБОТА
202.001033

«Искра» проделала громадную работу по разработке идеологических и организационных основ партии, по выработке единой политической и тактической линии российских марксистов, программы и устава партии, по подготовке II съезда РСДРП.

С выходом ленинской «Искры» закавказские революционные марксисты твердо встали на ее позиции. В сентябре 1901 года стала выходить первая грузинская нелегальная марксистская газета «Брдзола» («Борьба»), сыгравшая большую роль в пропаганде ленинско-искровских организаций в Закавказье.

В ноябре 1901 года состоялась I конференция Тбилисской организации РСДРП, которая оформила Тбилисскую ленинско-искровскую организацию во главе с первым выборным комитетом.

На II съезде произошло размежевание внутри российской социал-демократии, появились фракции большевиков и меньшевиков. Но в этом разделении по существу не было ничего нового; меньшинство образовалось из правого оппортунистического крыла партии, меньшевики заняли место «экономистов» и других отступников от марксизма. По этому поводу в книге «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин писал:

«Меньшинство составили **наименее устойчивые** теоретически, **наименее выдержанные принципиально** элементы партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось, не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет»¹.

II съезд РСДРП сыграл величайшую роль в истории развития нашей партии и всего международного революционного движения. Он заложил фундамент подлинно марксистской партии российского пролетариата, партии нового типа. В

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 330.

1920 году в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал:

«Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России»².

Международное значение II съезда РСДРП состоит и в том, что на нем восторжествовал ленинизм, то есть марксизм эпохи империализма, пролетарских революций и коммунистического строительства.

Руководимый ленинской партией российский пролетариат, прошедший сквозь горнило буржуазно-демократических революций 1905 и 1917 годов, в октябре 1917 года в результате победоносной социалистической революции сокрушил ненавистную власть капиталистов и помещиков и создал первое в мире государство рабочих и крестьян.

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся Страны Советов отразили первый натиск объединенных сил внутренней и международной контрреволюции, в условиях жесточайшей политической и экономической блокады восстановили разрушенное интервенцией и гражданской войной народное хозяйство, осуществили индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства, культурную революцию, построили основу социалистического общества, отстояли завоевания Октября, разгромив ударные силы международного империализма — фашистскую Германию и милитаристскую Японию, в неслыханно короткий срок залечили раны, нанесенные войной, и построили развитое социалистическое общество.

«Мы отчетливо видим, — указал в своем докладе «Шестьдесят лет СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов, — что все наши достижения и победы неразрывно связаны с деятельностью ленинской партии коммунистов. Именно партия была и остается той могучей творческой, мобилизующей силой, которая обеспечивает непрерывное движение вперед на всех направлениях общественного прогресса»³.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41, с. 6—7.

³ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР, М., 1982 г., с. 28.

Компартия Грузии, старейший боевой отряд КПСС, на всех этапах борьбы за осуществление социалистической революции и строительства нового общества шла в авангарде гигантской преобразующей деятельности партии, мобилизуя трудящихся республики на выполнение сложных социально-экономических и политико-воспитательных задач.

Особенно значительных успехов добились партийные организации, рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция Грузии за последнее десятилетие, после принятия исторического для нашей республики постановления ЦК КПСС о работе Тбилисского горкома партии. 70-е годы были отмечены последовательной, бескомпромиссной борьбой Компартии Грузии за восстановление, утверждение и дальнейшее развитие ленинских норм и принципов партийной и государственной жизни, против всех и всяческих негативных явлений, за преодоление отставания республики от среднесоюзных показателей.

В своем докладе на IX пленуме (июль 1982 г.) ЦК КП Грузии кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии товарищ Э. А. Шеварднадзе отметил, что цель всех постановлений ЦК КПСС по партийной организации Грузии «состояла прежде всего в том, чтобы... **коренным образом оздоровить обстановку в республике, укрепить ее экономический потенциал, помочь трудящимся успешнее решать задачи коммунистического строительства.**

Сегодня можно с удовлетворением отметить, что **сделано действительно многое, чтобы утвердить позитивные процессы в экономической и социальной жизни Советской Грузии. Теперь наша задача — сделать все эти процессы необратимыми!»⁴**

XXVI съезд нашей партии, июльское (1982 г.) постановление ЦК КПСС по грузинской партийной организации дали исключительно высокую оценку всей организаторской и политико-воспитательной деятельности Компартии Грузии за последние годы.

Опыт работы Компартии Грузии по претворению в жизнь исторических решений XXIV, XXV и XXVI съездов партии, постановлений ЦК КПСС ярко и убедительно иллюстрирует

⁴ Газ. «Заря Востока», 23 июля 1982 г.

то положение, что в переходный от социализма к коммунизму период руководящая роль партии еще более **возрастает**, что объясняется усложнением социально-экономических и политических задач, характерных для нынешнего этапа усовершенствования развитого социализма.

* * *

Исключительно важным этапом в жизни нашей партии и всего советского народа явился июньский (1983 г.) Пленум Центрального Комитета партии.

Еще XXVI съезд КПСС поставил задачу **коренной перестройки** многих сфер и участков идеологической работы с тем, чтобы ее содержание стало более актуальным, а формы отвечали современным запросам и потребностям советских людей.

В своей программной речи на июньском Пленуме ЦК товарищ Ю. В. Андропов подчеркнул, что «всю нашу идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу необходимо решительно поднять на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма»⁵.

В комплексе проблем, которые предстоит решать всем нашим идеологическим институтам, Ю. В. Андропов отделил задачи общественных наук, литературы и искусства. Он указал, что должен быть обеспечен новый, значительно более высокий уровень идейно-теоретической работы в области общественных и прежде всего экономических наук, работы наших научных учреждений и каждого ученого в отдельности. Необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач.

Ю. В. Андропов отметил, что по мере роста культурного уровня народа усиливается воздействие искусства на умы людей. Тем самым растут и возможности его активного вмешательства в общественную жизнь. «А значит, — указывает Ю. В. Андропов, — в огромной мере увеличивается ответственность деятелей искусства за то, чтобы находящееся в их

⁵ «Правда», 16 июня 1983 г.

руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма»⁶.

В речи товарища Ю. В. Андропова еще раз подтверждено то положение, что партия бережно, уважительно относится к талантам, к творческому поиску художника, не вмешиваясь в формы и стиль его работы. «Но партия не может быть безразличной к идейному содержанию искусства. Она всегда будет направлять развитие искусства так, чтобы оно служило интересам народа»⁷.

В нашей идейно-воспитательной работе недостаточно учитывается **сфера эмоций** как дополнительный, но исключительно важный фактор восприятия тех или иных идей и установок, особенно в молодежной среде.

Еще в 1926 году, в стихотворении «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», Владимир Маяковский, описывая героическую гибель своего друга, коммуниста-дипкурьера, писал:

**В коммунизм из книжки
верят средне.**

**«Мало ли
что можно
в книжке намолоть!»**

**А такое —
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма**

естество и плоть.⁸

Показывать «коммунизма естество и плоть» нельзя сухо и казенно, не затрагивая сферу эмоций, души молодого человека, да и не только молодого. Вспомним, какое огромное воздействие на всех без исключения оказал церемониал захоронения в Парке Победы неизвестного солдата, следование траурно-торжественного кортежа по городам и селам Грузии. Этого никогда не забыть.

Выдающийся советский писатель Петр Павленко писал, что пропаганда — самый поэтический участок партийной работы.

⁶ «Правда», 16 июня 1983 г.

⁷ Там же.

⁸ Маяковский В. В. Полн. собр. соч., т. 7, с. 163.

Во всяком случае так должно быть. В данном вопросе необходимы конкретные социологические исследования, которые дадут ответ на вопрос — как воздействует наша пропаганда на различные социальные слои населения, каково сегодня соотношение сфер интеллекта, разума и эмоций, чувств в восприятии тех или иных идей, общественно-политических установок.

Как известно, литература и искусство — особое отражение, особая форма восприятия действительности. С момента возникновения советской культуры как качественно новой, отличной от культуры буржуазной, она несла в себе утверждающее начало. Это, конечно, не значит, что литература и искусство 20-х и 30-х годов не несли в себе критического заряда. Вспомним острейшие сатиры того же В. В. Маяковского (пьесы «Клоп», «Баня»), повести И. Ильфа и Е. Петрова, фильм Г. Александрова «Волга-Волга» и т. д. Но партийная, гражданская позиция авторов в данном случае не вызывает никаких сомнений — она направлена не против, а в защиту социалистических устоев. Недостатки, вскрытые в данных и многих других произведениях, типизированы как аномальные, противоречащие социализму пережиточные явления, а не как обусловленные нашей действительностью.

В нашей жизни немало недостатков и негативных явлений. Против них надо бороться последовательно и беспощадно, в том числе и орудием сатиры, средствами художественного творчества. Однако эта критика должна быть направлена не на размывание, а на упрочение социалистических устоев, советского образа жизни. Художественное произведение не фельетон и не критическая корреспонденция. Оно обладает силой обобщения, типизации. Поэтому гражданская позиция автора, его мировоззренческое, общественно-политическое credo имеет решающее значение при художественном воспроизведении теневых сторон нашей действительности. Взять к примеру обстановку, которая сложилась не так давно в нашей республике. Не секрет, что стали распространяться такие явления, как протекционизм, взяточничество и т. д. Коррупция приняла опасные формы, ибо затронула довольно высокие инстанции. В республике нашлись силы, которые решительно выступили против такой ненормальной, антиподной социализму ситуации. После известного постановления ЦК КПСС о работе Тбилисского горкома партии Компартия Грузии провела

колоссальную очистительную работу, в том числе в области нравственности. Что же является наиболее типичным, самым важным и определяющим в художественном отображении данного процесса? Конечно же, тенденция борьбы, изжития этих аномальных явлений, а не смакование тех безобразий, которые тогда имели место. Кстати, в романе Н. Думбадзе «Закон вечности», в фильме Р. Чхеидзе «Твой сын, земля!» типизирована именно логика борьбы и победы над негативными явлениями. В этом исторический оптимизм и нравственная ценность упомянутых произведений.

Рецидивы безыдейности, их проявления в публикуемой литературе, в произведениях искусства, если брать теоретический, идеологический аспект данной проблемы, связаны с некоторой путаницей, вносимой в когда-то совершенно ясный и решенный вопрос — о классовой сущности демократии. В. И. Ленин в канун и особенно после Великой Октябрьской социалистической революции посвятил ряд трудов данной проблеме, постоянно подчеркивая, что нет ничего ошибочней в теоретическом плане и вредней практически, чем говорить вообще о демократии, не уточняя классового содержания этого понятия, что внеклассовой, надклассовой демократии не существует в природе; что есть или буржуазная или социалистическая демократия, которые противостоят и взаимоисключают друг друга. «Чистая демократия», — указывает В. И. Ленин в своем гениальном полемическом труде «Пролетарская революция и ренегат Каутский», — есть не только **невежественная** фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия... никогда не будет «чистой» демократией⁹. Таким образом, В. И. Ленин подчеркивает, что не то что при социализме, но и при коммунизме не может быть речи о демократии вообще. Тем более в эпоху невиданного обострения противоборства двух противоположных экономических и социально-политических систем говорить о демократии вообще и проповедовать какую-то «всеобщую» демократию есть глубочайшая ошибка, наносящая большой вред. А ведь не секрет, что отдельные представители научной и творческой интеллигенции ратуют именно за такую

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 251.

«внеклассовую» и «вневременную» демократию (по существу за буржуазную демократию), и не всегда эти попытки внести путаницу в данный вопрос встречают должную партийную оценку. Нас как бы порой толкают на соревнование с буржуазным миром в области «чистой» демократии, намекая на многопартийность в капиталистических странах и на другие примитивно бутафорные аксессуары буржуазной демократии. Было бы непростительной политической беспечностью, если бы мы проходили мимо того факта, что часть нашего общества, особенно в среде учащейся молодежи, не прочь скопировать, пересадить на советскую почву некоторые западные нравы и порядки.

В данном вопросе, как ни в одном другом, нужна полная ясность и недвусмысленность. Пока существует капиталистическое окружение, пока существуют внешние и внутренние силы, противостоящие социализму, ни о какой «чистой», «всеобщей» демократии не может быть и речи. Так же как самая развитая западная демократия есть не что иное как диктатура буржуазии, так и советская, социалистическая демократия есть диктатура рабочего класса, трудящегося большинства, противостоящая мировой буржуазии и остаткам антисоветских сил внутри страны.

В конечном итоге пресловутое диссидентство, если сорвать с него удобную маску «инакомыслия», есть попытка под ширмой демократизации жизни советского общества **легализовать** антисоветскую пропаганду, подрывную работу против СССР и других стран социалистического содружества. «Инакомыслящие», которые давно превратились в инакодействующих, — пятая колонна внутри нашей страны.

Хорошо написал про них поэт Сергей Смирнов:

**И пока смердят сии натуры,
Призывая в помощь вражью рать,
Дорогая наша диктатура,
Не спеши слабеть и отмирать!**

В своей статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», опубликованной в журнале «Коммунист», товарищ Ю. В. Андропов отметил:

«Советская демократия, встретившая особенно ожесточенное сопротивление контрреволюционных сил, как внутренних, так и внешних, входила в жизнь честно, не скрывая своего

классового характера, не останавливаясь перед тем, что бы узаконить привилегии людей труда по отношению представителей эксплуататорских классов, борющихся с ней властью. По сути своей она есть и всегда будет демократией, гарантирующей самые широкие права и защищающей интересы трудящихся, готовой призвать к порядку тех, кто поднимает руку на социалистические завоевания народа»¹⁰.

За последнее десятилетие идеологическая работа в нашей республике была решительно улучшена, чему способствовала самоотверженная борьба Компартии Грузии за восстановление и утверждение ленинских норм и принципов партийной и государственной жизни, против всякого рода негативных явлений. Значительные успехи в развитии экономики и культуры республики, достигнутые за последние годы, явились хорошей основой для оздоровления всей духовной жизни общества. Благодаря усилиям Центрального Комитета Компартии Грузии, его обновленного руководства были восстановлены в своих правах социалистические ценностные ориентации. Центральный Комитет Компартии Грузии за последние годы накопил ценный опыт работы с научной и творческой интеллигенцией именно в плане органического сочетания помощи, заботы, терпеливого отношения с высокой требовательностью и партийной принципиальностью. Результат — всесоюзное и, можно без преувеличения сказать, всемирное признание последних достижений грузинской науки, искусства и литературы.

Июльский (1983 г.) Пленум ЦК КП Грузии, исходя из положений и выводов, содержащихся в речи товарища Ю. В. Андропова на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, поставил перед всеми идеологическими институтами республики новые возросшие задачи по дальнейшему улучшению всей политической, идейно-воспитательной работы.

Теперь главное — претворить в жизнь историческое постановление июньского Пленума Центрального Комитета нашей партии, так перестроить всю идеологическую работу, чтобы она более эффективно обеспечивала выполнение тех грандиозных предначертаний партии, которые приближают нас к торжеству коммунизма.

¹⁰ Журн. «Коммунист», № 3, 1983 г., с. 17.

Нодар КИКВАДЗЕ

РЕАЛЬНОСТЬЮ НАШЕЙ ЖИЗНИ ДОКАЗАНО...

**ТОРЖЕСТВО
ЛЕНИНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В ГРУЗИИ
И БАНКРОТСТВО
БУРЖУАЗНОЙ
СОВЕТОЛОГИИ**

В ДОКЛАДЕ «Шесть-
десять лет СССР» на
совместном торжественном
заседании Центрального Ко-
митета КПСС, Верховного
Совета СССР и Верховного
Совета РСФСР 21 декабря
1982 года Генеральный се-
кретарь ЦК КПСС товарищ
Ю. В. Андропов указывал:
«Реальные качественные из-
менения, происшедшие за
60 лет в национальных от-
ношениях, свидетельствуют
о том, что национальный во-
прос в том виде, в каком
он был оставлен нам эксплу-
ататорским строем, успешно
решен, решен окончательно
и бесповоротно. Впервые в
истории многонациональный
состав страны превратился
из источника ее слабости в
источник силы и процвета-
ния».¹

Могучая сила марксизма-
ленинизма, жизнеутверждаю-
щих идей Великой Октябрь-
ской социалистической рево-
люции ярко и убедительно
доказывается исторической
судьбой каждого из народов
СССР, в том числе и грузин-
ского народа, обретшего по-
длинную свободу и счастье
в великой семье братских со-
ветских народов.

¹ Ю. В. Андропов, Шесть-
десять лет СССР, М., 1982, с. 9.

Именно поэтому в условиях обострившейся идеологической борьбы между социализмом и капитализмом идеология уделяет особое внимание национальным отношениям, решению национального вопроса в СССР. По своей сути такой интерес негативен и преследует лишь едва прикрытую диверсионную цель — способствовать ослаблению могущества Советского Союза, социалистического содружества в целом. Этому должен служить, например, «углубленный и беспристрастный анализ» специфики развития закавказских народов, «извечной» якобы этно-расовой розни между ними, что в преддверии великого юбилея 60-летия образования СССР дважды подряд — в 1979 и 1980 годах — становилось предметом «научных конференций по Советскому Закавказью», проведенных Международным агентством по связям, Институтом перспективных исследований России имени Дж. Кеннана при Вильсоновском центре Смитсоновского института и другими организациями Соединенных Штатов Америки.

Отсюда и наша задача, задача работников идеологического фронта республики, — последовательно, научно обоснованно и в наступательном духе разоблачать националистические диверсии буржуазной идеологии, вести борьбу против попыток возрождения реакционной идеологии национализма, любого отклонения от животворных принципов ленинской национальной политики.

Жестоко терзали чужеземные поработители истекающую кровью, разобщенную Грузию вплоть до начала XIX века. Под угрозой физического и духовного уничтожения Грузия обратила свои взоры к великой единоверной России.

По заключенному в 1783 году Георгиевскому трактату — хартии дружбы и братства грузинского и русского народов, 200-летие которого мы празднуем в этом году, — Грузия вступила под протекторат России, а в 1801 году добровольно вошла в состав Российского государства. Логика истории доказала, что, несмотря на эксплуататорскую политику царизма, присоединение Грузии к России явилось прогрессивным событием огромного значения — оно спасло грузинский народ от физического и духовного уничтожения, избавило от беспрестанных междоусобиц, создало благоприятные условия для развития экономики и культуры.

В отличие от некоторых современных западноевропейских и американских «радетелей», льющих, наподобие Д. М. Ланга и У. Э. Аллена², крокодиловы слезы по силственно утерянной окраинами Российской империи «независимости», благотворность присоединения к России прекрасно понимали прогрессивные мыслители, известные общественные деятели Грузии XIX века, приобщившиеся к российскому освободительному движению, идеям декабристов и революционных демократов. Вот что писал в ознаменование столетия вступления русского войска в Тбилиси классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе:

«Грузия давно не переживала столь блистательного дня. Сердца всех, от мала до велика, жен и мужей, наполнились желанной надеждой на то, что вступление в Грузию русского воинства принесет Грузии тот мир, тот покой, то покровительство и заступничество, ту счастливую и здоровую внутреннюю жизнь, за которую на протяжении стольких веков так самоотверженно, так беззаветно боролись сыны Грузии, поливая кровью каждую пядь своей отчизны. С этого памятного дня Грузия добилась мира. Страх перед врагом был рассеян покровительством единоверного народа.

Успокоилась издавна страждущая, уставшая страна, избавилась от разрушения и опустошения, от войны и борьбы. Умолк звон сабель и мечей, занесенных рукою врага над нами и нашими родными. Угас огонь, сжигающий дом наших предков, наш очаг. Наступил конец разорению и унижению. Все это кануло в прошлое и осталось лишь ужасающим, страшным воспоминанием. Настала новая пора, пора отдохновения, пора жизни без страха для истекающей кровью, распятой на кресте Христовом Грузии, созданной богом для райского жития человека, чуть не ставшей огромным кладбищенским покоем для ее безвестных сыновей, которые беспомощно, безутешно, вдали от всех, одиноко умирали во славу веры Христовой, во славу и спасение собственного существования. Воцарился мир. Миротворческая жизнь была обрамлена гранью, и никто уже не мог преступить сию грань огнем и мечом...»³

² Lang D. M., A Modern History of Soviet Georgia, New York 1962, pp. 37–46; Allen W. E. D., A History of the Georgian People, Second ed., London, 1971, pp. 206–221.

³ И. Чавчавадзе, Сто лет тому назад. Полн. собр. соч. (на груз. яз.), т. 4, Тб., 1955, с. 216–217.

Борьба против царизма, против проводимой им политики эксплуатации и угнетения, борьба за национальное возрождение вписала яркие страницы в историю дружбы и братства русского и грузинского, а также других народов. С особенной силой эта дружба проявилась с наступлением ленинского этапа российского революционного движения, когда на арену героической борьбы выступил самый революционный класс общества — пролетариат России, его отряды, в том числе и пролетариат Закавказья, рабочий класс Грузии. В совместной борьбе выковывалось интернационалистское мировоззрение трудящихся, формировалось их классовое самосознание, готовились грядущие битвы за освобождение от ненавистных оков царизма и буржуазии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся Грузии более трех лет неустанно боролись против объединенных сил иностранных интервентов и их жалкой марионетки — буржуазно-националистического меньшевистского правительства, стремившегося подавить революционное движение, оторвать Грузию от Советской России.

Буржуазные историки и здесь стремятся исказить истинное положение вещей, огульно утверждая, что на окраинах бывшей Российской империи вообще отсутствовала классовая дифференциация и классовая борьба, а если даже таковая и имела, то решающую роль в ней играли национальная рознь и межнациональный антагонизм.⁴

Но победоносное шествие Великого Октября было невозможно остановить. Как известно, 11 февраля 1921 года началось вооруженное восстание, охватившее всю Грузию, а уже 25 февраля над многострадальной землей Грузии занялась заря Октября, заря социализма — повстанцы и части пришедшей им на помощь легендарной 11-й Красной Армии освободили Тбилиси и провозгласили Грузинскую Советскую Республику.

Это была подлинно пролетарская, интернационалистская помощь, и напрасно буржуазные идеологи до последнего времени тщатся извратить историческую реальность, как это, например, делает в книге «Нации и государства» даже такой

⁴ Rescheta J. S., The Soviet Policy, New York/Toronto, 1971; Suny R. G., The Baku Commune 1917-1918. Class and Nationality in the Russian Revolution, New Jersey, Princeton, 1972.

признанный «мэтр» историографии, как член Британского королевского общества Х. Сэтон-Уотсон: «Грузия оставалась независимой до 1921 года, когда войска Советской России просто вошли в страну и захватили власть в свои руки».⁵

Победа Советской власти в Грузии, покончившая с эпизодическим верховенством мелкобуржуазных националистов-меньшевиков, оптом и в розницу продававших природные богатства страны и интересы собственного народа чужеземным, на сей раз европейским поработителям — германским и английским империалистам, вызывала и вызывает злопахательское брюзжание остатков меньшевистского отребья, окопавшегося во Франции и ряде других капиталистических стран. Все эти К. Канделаки, П. Сарджвеладзе, А. Бадридзе и иные с ними, стоящие на откровенно антинародных, антикоммунистических позициях, стремясь обелить деятельность обанкротившегося меньшевистского правительства, утверждают, как некий М. Тугуши, что «большевизм был специфически русским явлением», предопределившим в дальнейшем все процессы, связанные с образованием Союза ССР.⁶

Фальсификаторская оценка образования СССР стала одним из основных стереотипов западной «советологии». Тот непреложный исторический факт, что постоянное внимание и забота В. И. Ленина, ленинской партии, вступление Грузии в Союз Советских Социалистических Республик, бескорыстная дружеская помощь трудящихся России, Украины, а также других советских народов дали возможность грузинскому народу преодолеть экономическую и социальную отсталость, успешно осуществить индустриализацию и коллективизацию, строить социализм, стал бельмом на глазу у подобных идеологов. Ведь со строившимися антинаучными концепциями «насилованной большевизации» окраин России никак не согласуется реальность, а именно то, что в предвоенные годы в Грузии неуклонно повышался объем промышленного производства, что общий уровень валовой продукции крупной промышленности в Грузии в 1940 году по сравнению с 1913 годом увеличился в 26 раз, что тем самым Грузия стремительно вступала в ряды развитых индустриальных стран!

⁵ Seton-Watson H., Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism, Boulder, Colorado, 1977, p. 311.

⁶ Tougouchy M., Le Problème de Nationalités en URSS — in: «Socialisme», Bruxelles, 1970, N 99, pp. 334—336.

Такое злопыхательство является особой отличительной чертой небезызвестного Р. Пайпса — бывшего руководителя Русского исследовательского центра Гарвардского университета, бывшего ведущего сотрудника Совета национальной безопасности при президенте Р. Рейгане. В его наукообразном пасквиле «Образование Советского Союза. Коммунизм и национализм. 1917 — 1923», неоднократно переиздававшемся и ставшем бестселлером антисоветчины, огульно утверждается, например, что Советский Союз — обычная империя, находящаяся под господством одной нации — русской, что Октябрьская революция принесла народам окраин Российской империи не ликвидацию национального и социального гнета, а «новую и гораздо более тяжелую форму национального угнетения... пролетарский колониализм».⁷ По сути дела, писанина Р. Пайпса и ему подобных является не чем иным, как яростной клеветнической атакой на ленинскую национальную политику со стороны горе-ученых, за фасадной «научной объективностью» которых прячется элементарная ненависть к тем гигантским экономическим, социально-политическим и культурным переменам, которые свершились в нашей стране за 60 лет. Стоит ли после этого удивляться недавнему наглому заявлению сего антисоветского зубра о том, что Советскому Союзу либо придется менять свою социально-политическую систему, либо в «наказание» война США против СССР станет неизбежной?

Историческим испытанием силы социалистического общества, дружбы и сплоченности народов СССР стала Великая Отечественная война.

Германские национал-социалисты, охваченные бредовыми идеями создания «тысячелетнего рейха», готовили советским людям рабское будущее. Путем тяжелого подневольного труда, угона населения в Германию, жестокого террора войск и полиции советские народы должны были подвергнуться беспощадной экономической эксплуатации. Культура и наука этих народов подлежала уничтожению, численность завоеванных следовало постоянно и постепенно сокращать посредством планомерного сокращения деторождаемости. При этом с циничной откровенностью указывалось, что это «...относится,

⁷ Pipes R., The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism 1917-1923, New York, 1968, p. 191.

Нодар Киквадзе. Реальностью нашей жизни доказано...

между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа».⁸

Современные буржуазные фальсификаторы истории, среди них и западногерманские, игнорируя указанные планы, с заведомым бесстыдством утверждают в своих сочинениях, что гитлеровская Германия шла на Восток чуть ли не «освободителем» поработенных Москвой народов, жаждущих якобы сбросить подневольное иго с помощью национал-социалистских «благодетелей».⁹ П. фон цур Мюлен, например, стремится обнаружить доказательства «всеобщего недоброжелательного отношения» нерусских народов к русским, противоречия между ними, стремление этих народов к сепаратизму. Другой западногерманский автор, И. Гофман, выдавая желаемое за действительное, утверждает, что национальные меньшинства в СССР не обладали подлинной независимостью, что они испытывали «... всю жестокость русского колониального господства, на этот раз одетую в идеологическую тогу»,¹⁰ постоянно боролись за сохранение своих религиозных и национальных обычаев, против коллективизации сельского хозяйства и поэтому... добровольно сотрудничали с немцами.

Исторические факты, однако, не оставляют камня на камне от этих клеветнических построений. Более 650 тысяч воинов послала Грузия на фронт. Почти половина из них пала в боях за свободу и независимость нашей великой Родины. 138 воинам из Грузии было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Сыны и дочери Грузии вместе со своими братьями русскими, украинцами, азербайджанцами, узбеками и другими плечом к плечу боролись с врагом у Бреста и Смоленска, Москвы и Ленинграда, Одессы и Киева, Севастополя и Новороссийска. Знамя Победы, водруженное 30 апреля 1945 года над рейхстагом двумя Героями Советского Союза — рядовым М. Егоровым и сержантом М. Кантария, стало символом не-

⁸ «Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР», М., 1967, стр. 119.

⁹ M ü h l e n P. v o n z u r. Zwischen Hakenkreuz und Sowietstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg, Düsseldorf, 1971; H o f f m a n n J., Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer, Freiburg, 1976.

¹⁰ H o f f m a n n J., Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945, Freiburg, 1974, s. 165.

только победы над фашизмом, но и нерушимой дружбы советских народов.

Это в конце концов не мог не признать даже отпетый «еврокоммунист», как Ж. Эллейнстейн, отрицающий в целом достижения реального социализма. В третьем томе своей «Истории СССР» — «СССР в войне (1939—1946 гг.)» он пишет, что в основе побед на фронтах Великой Отечественной войны лежала «глубокая преданность народов СССР советскому строю, спаянная воедино с их безусловным патриотизмом».¹¹

Стремителен взлет экономики и культуры Грузии в послевоенный период, особенно в последнее десятилетие. Закаленные в горниле войны, беспредельно преданные социалистической Родине, принципам социалистического интернационализма, делу Ленина, коммунисты, комсомольцы, все трудящиеся Грузии вместе со всем советским народом добиваются новых впечатляющих успехов в мирном строительстве, в строительстве общества зрелого, развитого социализма.

В результате принципиальной борьбы партийной организации республики за укрепление партийной и государственной дисциплины, против негативных явлений улучшилась социально-психологическая обстановка, значительно возрос экономический потенциал ГССР. Как отметил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе, за десятилетие с 1972 г. объем промышленного производства в республике удвоился, совокупный общественный продукт и национальный доход увеличились по сравнению с 1971 г. в 1,9 раза, выше средних по стране стали темпы роста производительности общественного труда.¹²

Грузинская ССР успешно участвует во всесоюзном разделении труда. Данные союзного межотраслевого баланса производства и распределения продукции показывают, что в материальном производстве республики используется продукция более 100 отраслей всех союзных республик. Со своей стороны выработанная в Грузии продукция идет на нужды 82 отраслей экономики других республик.¹³

¹¹ Elleinstein J., Histoire de l'URSS, T. 3, L'URSS en Guerre (1939—1946), Paris, 1974, pp. 71—72.

¹² «Вопросы истории КПСС», 1982, № 12, с. 4.

¹³ Э. А. Шеварднадзе. Советская Грузия, М., 1982, с. 27.

Однако наши «сердобольные» оппоненты с усердием, достойным лучшего применения, доказывают, что централизация экономики, ее общесоюзный плановый характер ущемляет якобы «естественное» развитие экономик отдельных республик. Х. Сэтон-Уотсон, например, писал: «Экономика была... в высшей степени централизована. Решения принимались в центре, исходя из интересов экономики всей страны. Это, безусловно, согласуется с общеэкономической рациональностью, однако часто идет вразрез с интересами нерусских национальностей».¹⁴

Утверждать подобное означает не что иное, как зрячими глазами не видеть света!

Именно в этом закономерном процессе социалистической экономической интеграции, развитии единого народнохозяйственного комплекса, в основе которого лежат объективные потребности развития производительных сил в интересах всей страны и каждой республики в отдельности, — залог могущества нашей Родины, которое так пугает и так озлобляет и практических политиков, и идеологов империализма.

Расцвет духовных ценностей — один из характерных признаков развития наций на этапе зрелого социализма. Это зримо демонстрирует духовная жизнь Грузинской ССР, являющейся, как известно, государством полиэтническим. О сложной этно-социальной структуре республики говорит тот факт, что в ней бок о бок живут и трудятся представители 70 наций и народностей. Однако комплексный подход к решению проблемы межнациональных отношений, отличающий продуманную, системную работу партийной организации республики по воспитанию трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, обеспечил то, что все они живут и трудятся в условиях национального мира, дружбы и братства. На положительный опыт, накопленный в республике в этом направлении, указывало принятое в преддверии 60-й годовщины образования СССР постановление ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе партийных организаций Грузинской ССР по подготовке к 60-летию образования СССР».¹⁵

Одним из стереотипов, набивших оскомину бесконечным варьированием, в сущности бесперспективным, является миф о «направляемой сверху русификации» духовной жизни наций

¹⁴ Seton-Watson H., Op. cit., p. 314.

¹⁵ «Правда», 20 июля 1982 г.

и народностей Советского Союза. Подобные инсинуации встречаются, например, в сочинениях профессора Иельского университета Ф. Каземзаде, выступившего со специальным докладом о Закавказье¹⁶ на одной из вышеуказанных конференций в США, и профессора Высшей школы социальных наук Парижского университета Э. Каррер д'Анкосс, кстати говоря — дочери грузина-эмигранта, чья книга «Расколота империя» в свое время стала сенсацией в западной политологии и которая договорилась до того, что в Советском Союзе — этом «конгломерате народов» с точки зрения «русификаторской» политики ничего не изменилось от империи вплоть до наших дней.¹⁷

С другой стороны, в последних советологических сочинениях по национальному вопросу прослеживаются новые тенденции, которые могут быть определены как «эффект отрицания отрицания» — если раньше буржуазные идеологи безуспешно обвиняли «Москву» в попытках «русификации» экономической и культурной жизни, навязывании своей воли национальным республикам, то сейчас, не имея возможности огульно отрицать огромные народнохозяйственные, культурные и научные достижения республик, они столь же безуспешно пытаются подтолкнуть советские нации к сепаратизму, к «этническому фаворитизму». К этому стремится, например, лишь едва завуалированно профессор Оберлинского колледжа, «специалист» по Грузии Р. Г. Сани, который на вышеуказанной конференции по Закавказью в 1979 г. заявил: «...тенденции к «рениационализации» привели к углублению чувства сепаратизма и возрождению этнического национализма как в официальной, так и в неофициальной формах».¹⁸

Страдая «малые» нации Советского Союза «непредвидимым будущим» в многонациональном государстве, Р. Г. Сани провокационно выдает желаемое им за сущее.

Действительность Грузинской ССР являет собой полное опровержение подобной лжи.

¹⁶ Kazemzadeh F., The Caucasus Region and relations with the central Government, Occasional paper, 1979, pp. 7, 11.

¹⁷ Carrère d'Encausse H., L'empire éclaté. La revolte des Nations en URSS, Paris, 1978, pp. 58, 224.

¹⁸ Suny R. G., Soviet Georgia in the Seventies, Occasional paper, 1979, p. 1.

В республике, как известно, огромное внимание уделяется развитию языков народов СССР, равноправие и расцвет которых, полная свобода для каждого советского гражданина говорить, воспитывать и обучать детей на любом языке провозглашаются и гарантируются Программой КПСС, Конституцией СССР и ГССР.

Об отсутствии всякого следа этно-расовой дискриминации говорит проявляемая забота о развитии каждой нации и народности, которые в силу некомпактности расселения не могли обрести автономное государственное формирование. Так, например, принят ряд постановлений об улучшении работы среди курдского населения республики.

Наряду с улучшением преподавания родного языка особое внимание уделяется русскому языку — языку В. И. Ленина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Горького, М. Шолохова, языку Великой Октябрьской социалистической революции, языку межнационального общения советских людей.

В школах и вузах республики преподаются также многие языки народов мира — английский, французский, немецкий, испанский, арабский, турецкий, персидский, хинди и т. д.

О какой же «русификации», о каком «сепаратизме» может идти речь, если в республике ежегодно издается около 2.000 наименований книг и брошюр тиражом примерно 14,4 млн. экземпляров, ежегодно печатается 130 наименований учебников тиражом более 4 млн. экземпляров на грузинском, русском, армянском, азербайджанском, абхазском, осетинском и других языках народов СССР!¹⁹

* * *

В докладе на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 г. товарищ Ю. В. Андропов подчеркнул: «Каждая из союзных республик — Российская Федерация, Украина и Белоруссия, Узбекистан и Казахстан, Грузия и Азербайджан, Литва и Молдавия, Латвия и Киргизия, Таджикистан и Армения, Туркмения и Эстония, —

¹⁹ Э. А. Шеварднадзе, Советская Грузия, М., 1982, с. 73—77.

каждая, повторяю, из союзных республик вносит незаменимый вклад в общий подъем экономики и культуры Советского Союза. И это, товарищи, не просто сложение, это многократное умножение наших творческих сил».²⁰

Так, вопреки злопыхательским потугам советологов разных мастей, опровергаемым самой реальностью нашей жизни, под животворящими лучами ленинской национальной политики расцвела и идет к новым вершинам Советская Социалистическая Грузия — равная среди 15 равных братских республик великой Страны Советов.

²⁰ Ю. В. Андропов, Шестьдесят лет СССР, М., 1982, стр. 8.

Сосо СИГУА

МНОГОЛИКОСТЬ ЕДИНОГО МИРА

Перевод Нелли СОЛОД

НОВЕЛЛИСТ, романист, публицист, редактор, общественный деятель, глашатай нового стиля и новых идей — в таких ипостасях знает Гурама Панджикидзе широкая масса читателей. При этом не просто знает, но чутко внимлет слову писателя и — что главное — верит ему, ибо Гурам Панджикидзе — один из тех, кто утвердил в искусстве современное мышление, созвучное ритму и переживанию эпохи. Конечно, осмысление этого процесса — явление сугубо индивидуальное. Для одних он носит символически-аллегорический характер, озарен светом поэтичности, другим представляется окрашенным иронически-пародийными тонами. Так продолжают, одновременно претерпевая изменения, традиции К. Гамсахурдиа и М. Джавахишвили, Л. Киачели и Н. Лордкипанидзе.

Литературе не избежать вечных моделей, так же как грузинскому писателю не выйти за рамки 33 букв алфавита. Подобно шахматам, где неизбежно повторяются одни и те же ходы, в стихе и романе возникают претерпевшие модификацию старые идеи и формы. Однако художественная новация подразумевает не перестановку, а

перемену декораций, поиски и нахождение личности в ареале своего времени, восполнение знакомого незнакомым, известного неизвестным. В сознании читателя наиболее четко запечатлевается не художник-актер, а художник-творец, ибо второй созидает, открывает, находит, тогда как первый лишь исполняет роль. Мир Г. Панджикидзе зиждется именно на принципе открытия, находок.

Уже в первых рассказах Г. Панджикидзе намечаются контуры его будущей прозы, эскизные образы героев, этические воззрения писателя, его стремление к простоте и правдивости, приверженность принципам и традициям Хемингуэя и Ремарка (что вообще было характерно для молодых грузинских прозаиков 60-х годов). В некоторых рассказах Г. Панджикидзе изображает дельцов, у которых имя писателя не вызывает ровно никаких чувств, разве что иронию («Грязное небо», «Жаркий день августа»). Особенно удался писателю «Снежный день» — сплав печали и юмора. Отар Сирадзе, Резо Диасамидзе, Гурам — в каждом из этих персонажей фрагментарно проявляется природа будущих героев Г. Панджикидзе.

Можно сказать, что его романы в структурном отношении представляют собой развертывание, совершенствование и универсализацию первых художественных опытов, которые в буквальном смысле слова не были первыми, так как им предшествовали публицистические статьи и очерки. Специфическое же качество подлинного журналиста — живой отклик на острые проблемы современности, простота подачи материала и лаконичность стиля. И хотя по специальности Г. Панджикидзе не журналист, полученное им техническое образование, любовь к динамическому и красочному миру спорта и чуткое ощущение темпа современной жизни привели его именно к журналистике.

Итак: металлургия (техника) — журналистика — литература. Вот ориентиры устремлений Г. Панджикидзе. И при таком разнообразии интересов писателю удалось не только не изменить ни одному из них, но и синтезировать их в своих романах в единую модель, признаки происхождения которой прослеживаются с достаточной очевидностью, да автор и не пытается это скрыть.

Рациональность стиля и эмоций, любовь к технической интеллигенции, интерес к «сильной личности» и точным наукам берут начало в профессии Г. Панджикидзе и удивительно

соответствуют преобразенным научно-технической революцией образу жизни и психике индивида.

Однако за этими техническими знаниями стоит — ищущий, беспокойный, даже неугомонный, равнодушный, в сознании которого — чтобы претвориться в творчество — должны были запечатлеться яркие воспоминания детства, узкие тбилисские улочки, грохот металлургических заводов, суета международных аэропортов, неприютность гостиничных номеров, холодное высокомерие небоскребов и стремительность лайнеров, лица любимых и нелюбимых людей...

Все это должно было стать частью души и разума писателя, слиться в единый замысловато-криптографический кадр современности, поддающийся расшифровке и проявлению лишь посредством слова. Можно сказать, что проза Г. Панджикидзе — отражение в самых разных вариациях биографии и сознания писателя. Это и позволяет провести четкую прямую между его первыми литературными опытами и последним романом.

Так называемое «потребительское общество». Основа прозы Г. Панджикидзе — конфликт между так называемым «потребительским обществом» и «сильной личностью», лишней, чужой, вносящей в тишину и спокойствие обывательского мирка волнение и тревогу, не желающей мириться с трясинной мещанского быта, где растлевается нравственность, мораль, продается честь и совесть, господствует культ «комфортабельной» жизни и поддерживаются неискренние, показные отношения, где не в почете духовные ценности, где весь образ жизни несовместим с принципами социалистического общества, с понятием человечности. Герои Г. Панджикидзе активно борются с девальвацией интеллектуальных ценностей, за то, чтобы жизнь не утратила окончательно своего смысла и человек не превратился в вещь. Но и сами они не безгрешны и совершают ошибки: ведь эти герои — плоть от плоти, порождение той действительности, против которой борются. Поэтому главных героев Г. Панджикидзе никак нельзя безоговорочно отнести к числу положительных, идеальных, «голубых». Они лишь носители идеала. Им присущи не только чисто человеческие слабости и недостатки, но и нечто гораздо более важное — жизненная сила и упорство, верность своим принципам, стремление к справедливости. Им чужда «мировая скорбь», не свойствен демонизм. У них будто вовсе нет прошлого, ибо всем своим существом они устремлены в будущее.

Так возникает новая вариация так называемого «лишнего» человека, «постороннего», ибо каждое время, каждая эпоха отражает вечные идеи, неизменные модели человеческого бытия по-своему, по-новому, сообразно с собственной природой. Эти идеи и модели меняются, облекаются в новые покровы, подобно самой природе, окружающей среде и человеку. Все три романа Г. Панджикидзе воспринимаются как трилогия, единая панорама современности, развернутая на сегодняшнем материале, объединенная единством стиля и концепции, действие которой разворачивается в Тбилиси, крупном современном городе, и главные герои которой — интеллигенты, в большинстве своем представляющие мир техники.

Поэтому и рисует писатель индустриальный ландшафт, атмосферу большого города с его специфическим рациональным духом и четким, строгим ритмом. Машина, телефон, гостиница, институт, киностудия, металлургический комбинат, самолет, коньяк, стихи — атрибуты этой неповторимой городской атмосферы. Здесь почти не предаются раздумьям, сам стиль жизни требует действия, движения, ссоры решаются не кулаками, а плетением тонких интриг, здесь не любят, а лишь удовлетворяют похоть. Во всем проявляются эгоистические мотивы, невротические комплексы. Человек аннигилируется, превращается в винтик гигантской машины. Сохранить себя, избежать нивелировки каждый старается по-своему. Однако стремительный темп НТР обезличивает не только кварталы, корпуса, интерьеры, но и людей, их характеры, мысли, души. Одурманенные головокружительной каруселью эпохи, горожане озабочены только собственным благополучием, стремятся выжать пользу из каждой минуты, из каждого мгновения.

Г. Панджикидзе пишет концептуальные романы, требующие целостного восприятия. При этом с великим тщанием и точностью он выписывает и отдельные детали, вернее — систему деталей, ведущую к сюжетному развертыванию основной мысли, к основной болевой точке. Так мысль писателя, его пронизательный глаз находятся в постоянном движении между действительностью и сознанием: первая возвращает нас ко второму, представляя в неразрывном единстве реконструированный НТР уклад жизни, детища и движущие силы НТР, самое душу этой калейдоскопической действительности.

(Читателю следует напомнить, что в этом отношении Левана Хидашели сравнивают с Алексеем Чешковым И. Дворецкого, не принимая во внимание тот факт, что хронологически «Седьмое небо» предшествует пьесам как И. Дворецкого, так и А. Гельмана).

В «потребительском обществе» господствует культ денег, открывающих путь к власти и процветанию. Это общество не интересуется ни искусством, ни наукой, ему чужды духовные устремления и ценности, более того — они вызывают у него враждебное отношение. Конечной целью его является вещь, превращенная в смысл жизни. Семья Миндадзе («Седьмое небо») — воплощение мещанства, обывательского благополучия. В этой семье часто бывает Леван Хидашели, однако его отношение к привечающим его хозяевам проникнуто иронией и цинизмом, смешанными с нарочитой сдержанностью и плохо скрытым недоверием к этим людям, кичащимся своим достатком и благодаря ему всплывшим на поверхность (вспомним его отношение к Гиви Микадзе).

Деньги — это не только комфорт, квартира, машина, мебель или светские манеры. Они преобразуются во власть, в символ собственного могущества. Опьяненному богатством человеку все представляется возможным и дозволенным. Проникнутый тотальным эгоизмом дельец одновременно зол и отвратителен, его нельзя сравнить даже с животным («Камень чистой воды»).

Миша требует от официанта, чтобы тот отрезал свой мизинец, поджарил его на большой сковороде и подал это изысканное блюдо распоясавшимся кутилам. За это он предлагает официанту пятнадцать тысяч рублей — сумма огромная! Собутыльники пытаются урезонить Мишу. Ошарашенный неслыханным предложением официант — в полной растерянности. Не выдержав этой омерзительной сцены, Отар Нижарадзе велит официанту убираться восвояси, отвешивает Мише две увесистые оплеухи, бросает его, как мешок, на стул и покидает застолье. Этим дельцам все дозволено — они могут задавить человека и преспокойно откупиться от закона, хотя их вина ясна как божий день.

Грозная сила денег торжествует свое всемогущество. Арчил Гавашели взъялся на Отара Нижарадзе только за то, что тот отверг домогания его похотливой супруги, не утратил своего мужского достоинства. В науке дела обстоят также не лучшим образом: профессор Какабадзе выкидывает Тамаза

Яшвили с кафедры за то, что он отрицательно отозвался о способностях сына профессорской любовницы. Другой, с позволения сказать, деятель от науки, профессор Ясе Дидидзе пытается использовать Тамаза Яшвили, чтобы свести личные счеты, превратить молодого ученого в орудие своих интриг. Всячески превознося Тамаза вначале, он моментально меняет тон, когда тот выражает ему свое возмущение, в лицо называет «психом и идиотом». Луч света не проникает и в среду студенчества. Здесь тоже не в почете знания и элементарная порядочность. Семнадцать молодых людей смотрят на Тамаза Яшвили как на заклятого врага. Поэтому пощечина, которую Тамаз закатывает Силе Георгадзе, нанесена, собственно говоря, не ему лично, а всему взрастившему этого иждивенца обществу.

Однако если Левану Хидашели удастся свести счеты с потребительским обществом, то героям «Камня чистой воды» это не под силу. Для этого оказывается недостаточно ни таланта Тамаза Яшвили, ни энергии и проницательности Отара Нижарадзе. Здесь вопрос уже ставится не только в плане исправления этого порочного общества. Главное — сохранить личность, оградить ее хрупкую природу от посягательств комбинаторов, защитить добро и красоту, присущие лишь единицам. Отара Нижарадзе на студии экспериментальных фильмов недолюбливают, хотя и сдают должное его бескорыстию, порядочности, уму. Все, кроме него, здесь одержимы какой-то манией. Арчил Гавашели как будто лучше других, однако он человек безвольный и целиком под башмаком своей развращенной тем же потребительским обществом половины.

В «Годе активного солнца» расчетливостью и бюрократизмом разъедена не только научная псевдоэлита, но и люди, занимающие ответственные административные должности и призванные служить народу (например, первый заместитель министра Вахтанг Геловани).

Нодар Геловани окружен карьеристами, дельцами от науки. Кончает жизнь самоубийством академик Леван Гзиришвили. Освобождается место директора. Смерть Левана равносильна смерти бога. Первого больше нет, поэтому первыми хотят стать все. Все — кроме Нодара, ибо его не прельщает административная карьера. Главное для него — наука, поиски истины, исследование первооснов материи. Только таким

путем он может выразить себя, проявить свою природу. Такова воля providения. Зураб Гомартели же и Мамука Торадзе используют науку в личных интересах, они не служат науке, а заставляют ее служить себе.

Герои Г. Панджикидзе противостоят не только обществу. Признаки растления и перерождения они находят прежде всего в собственной семье. Поэтому и уходит Тамаз Яшвили из отчего дома, от «богобоязненного» родителя и поселяется один в мрачном, заброшенном, пользующемся недоброй славой доме. Семейная атмосфера отравляет душу Эке, и она восстает против норм общепринятой морали, сознательно нарушает их. У Нодара Геловани поведение отца, его нарочитая пунктуальность, театральность, бьющий в глаза комфорт вызывают иронию, ибо все в родной семье лишено для него смысла, ограничено узкоэгоистическими интересами. С иронией относится он и к брату Вахтангу — первому заместителю министра. Леван также не в ладах с семьей, общение с родителями тяготит его, он постоянно ссорится с братом, стремится к одиночеству. Персонажи Г. Панджикидзе бегут из семьи, от «отцов», ибо считают их членами того круга, идолом которого является только комфорт и собственное благополучие.

«Потребительское общество» — это лишь часть человеческого общества, в котором ярче всего проявились отрицательные последствия НТР, мещанские интересы, растление нравов, жажда быть на виду, карьеризм и эгоизм. Большая же часть общества сохраняет верность высоким идеалам, служит правде и справедливости. Поэтому и трудятся в адовой жаре мартеновских печей герои-металлурги; поэтому академик Давид Боцвадзе создает Тамазу Яшвили все условия для плодотворной работы; поэтому приносит свою жизнь в жертву науке академик Леван Гзиришвили; поэтому и сохраняют свою чистоту Ната, Натия Кипиани и Нана Джандиери, как голубые цветы романтиков, будто они не живые женщины, а бесплотные, ангелоподобные существа (их антиподами являются Маринэ, Магда, Медея, олицетворяющие собой банальную повседневность). Именно эти люди воплощают в себе все лучшие человеческие качества. Главные же герои Г. Панджикидзе занимают промежуточное положение между ними и «потребительским обществом». Так вырисовываются, проступают на наших глазах три различных этических пласта.

«Сильная личность». А теперь обратимся к бунтующим героям, главным персонажам Г. Панджикидзе, дающим обиль-

ный материал для размышлений. Они изображены писателем так отчетливо, будто существуют в действительности — живут, совершают поступки, думают, борются.

Г. Панджикидзе обладает особым даром — умением делить своих персонажей убедительностью, жизненностью, реальностью. Основная мысль автора, как правило, сконцентрирована на природе и характере его героев. Каждая деталь, связанная даже с эпизодическим персонажем, служит выявлению, раскрытию основной авторской мысли.

Хидашели—Нижарадзе—Геловани — три ипостаси одной идеи. Они схожи между собой и в то же время не похожи друг на друга. Однако сходство это — глубинное, тогда как различия — внешние, поверхностные. Леван Хидашели («Седьмое небо») — законченный тип «солдата индустрии», инженер-металлург, человек дела, непримиримый фанатик. Свой талант, энергию, работоспособность он стремится использовать во имя большой цели, хотя что это за цель, не совсем ясно ему самому. Тем не менее он твердо знает одно — только так, служа этой цели, он сможет выделиться из окружающего общества, стать личностью — единственной и исключительной. Диссертация и звание Героя Социалистического Труда — конкретный, зримый залог и подтверждение этого его превосходства над окружающими.

Писатель неоднократно подчеркивает, что Леван всегда старается быть выше толпы или, во всяком случае, в отдалении от нее, хотя для этого ему не приходится ни бороться с кем-либо, ни подавлять кого бы то ни было. И тем не менее его поведение, его стремление быть первымстораживают друзей: Левана включили в сборную института по футболу. Он сыграл в двух играх, но, поняв, что его дублер, Отар Гордадзе, играет лучше него, забросил тренировки, отговорившись нехваткой времени. На курсе Леван считался лучшим студентом, единственное место в аспирантуре предназначалось ему, но он предпочел поехать работать в Магнитогорск, потом перевелся в Донбасс, оттуда — в Жданов, на «Азовсталь». Тем самым Леван изменил теории, но зато в совершенстве овладел разными способами плавки. И вдруг совершенно неожиданно для всех, уже работая в Рустави, он сделал диссертацию. На Руставском заводе своим самоотверженным трудом и преданностью делу Леван завоевал любовь и уважение как подчиненных, так и

начальства: его представили на звание Героя Социалистического Труда.

Цель Хидашели как будто достигнута; его талант, преданность делу не пропали впустую, получили отдачу. Однако цель эта узкоэгоистична, не служит интересам общества, ибо достигнута ценой нарушения нравственных, человеческих норм. Прагматические соображения Левана Хидашели идут вразрез, сводят на нет его собственные слова: как в окопах солдат не может предать солдата, так и на металлургическом заводе сталевар не должен предавать сталевара. Так получает разгадку «задача Хидашели», «уравнение со многими неизвестными». Индивидуализм, «тотальный эгоизм» Левана Хидашели выявляют его «машинное» сознание, расчетливую, технократическую природу. Можно сказать, что Леван Хидашели воплощает собой энергию, не попавшую в истинную цель, отклонившуюся или, точнее, уклонившуюся от нее.

Корректирование или совершенствование характера Левана Хидашели — образ Отара Нижарадзе («Камень чистой воды»). У Отара много общего с Леваном: та же сильная воля, то же увлечение спортом — плаванием и боксом, та же способность вести дипломатическую беседу, та же ненависть к практицизму потребительского общества, к его бездуховности и бездушию, к людям, превратившимся в придаток к должностным креслам. Однако к характеру Отара добавлен один немаловажный штрих: он писатель и журналист, а это уже подразумевает гуманность и душевность, которых так явно недостает Левану Хидашели.

Отар Нижарадзе — борец в полном смысле этого слова, борец за правду и справедливость, хотя оружием в этой борьбе ему часто служат ирония и цинизм. Втайне от друга Отар идет к профессору Какабадзе и вынуждает его не увольнять Тамаза, а перевести на другую работу, «обменять» на сотрудника другого научного учреждения. Красавица Манана Гавашели назначает Отару свидание в батумской гостинице «Интурист». Отара влечет к этой женщине, но он пересиливает себя, ибо в отличие от Левана Хидашели для него честь и нравственность — выше биологического инстинкта. Тем не менее порядочность Отара приводит к парадоксу: именно благодаря ей он впадает в немилость у начальства и вынужден уйти с работы. Человек защищает нормы нравственности и терпит поражение. Нарушает их во имя формальной справедливости и — опять-таки терпит поражение. Возникает вопрос: где же выход?

Ответ прост: побеждает тот, кто прав не только фактически, но и юридически. Однако здесь встает новый вопрос: бывает ли так в жизни? Существует ли возможность такого совпадения или гармонии? Эта дилемма и стоит перед героями Г. Панджикидзе.

Физическая сила Отара Нижарадзе, его мужество и прямота служат защите и охране справедливости. У него нет тяги к «красивой жизни». Будь у него эта тяга, он без колебаний принял бы немалую сумму, предложенную ему дельцами и комбинаторами. Однако талант и энергия Отара Нижарадзе расходуется впустую, ибо ему не выбраться из заколдованного круга. Заложённая в нем потенция не находит проявления. Конец героя трагичен: он заболевает белокровием. Ему не дано сказать свое слово, а ведь Отару было что́ сказать людям!

В отличие от Хидашели и Нижарадзе Нодар Геловани («Год активного солнца») достигает своей цели. И не потому, что он доктор наук, талантливый ученый. В результате длительных экспериментов ему удается обнаружить нейтральный мезон (существование которого немного позднее было подтверждено и другими исследователями). Это практический вклад в науку. Человек, терзающийся поисками смысла бытия, болезненно переживающий псевдоидеалы мещанского общества, карьеризм окружающих его дельцов от науки, достигает намеченной цели. Одиссея Хидашели — Нижарадзе — Геловани завершается победой. Личная цель Нодара Геловани сливается с общественными идеалами. Достижение этой цели приносит больше пользы другим, чем самому герою. Геловани также не отличается мягкосердечием, добротой и хрупкостью природы. Он тоже бывает жесток, суров, нетерпим. У него также сильная воля, большой талант и обширные знания. Однако если для Хидашели истинно то, что полезно, для Геловани идеалы чистой науки превыше самой жизни.

Здесь уже намечается новый конфликт. Результаты исследований Геловани нужны обществу, науке. Беда в том, что не нужен он сам. Его не прельщает карьера — должность директора института, за которую упорно боролся бы Хидашели, ибо перед Геловани открывается подлинная карьера — постижение научной истины, гораздо менее эфемерная и гораздо более привлекательная. По существу здесь происходит трансформация внутренних устремлений, адекватная реализации бессо-

Сосо Сигуа. Многоликость единого мира.

знательных импульсов. Нодар, так же как и Леван и Отар, личность не эмоциональная, скорее — нервическая. Внешне флегматичный темперамент этих героев может дать мгновенную вспышку, но — под диктовку не сердца, а разума, в защиту собственного достоинства, морали, этики.

Таким образом, писатель разрабатывает три модификации одной идеи, развернутые в одном времени и пространстве, но в разных ситуациях. Исток этой идеи — сильная воля личности, соединенная с физической энергией и высоким интеллектом. Сексуальная экспансивность — проявление внутренней несдержанности, вернее, «власть» и «секс» сливаются друг с другом, как унаследованная индивидом от предков энергия. Однако к понятию «сильная личность» добавляется понятие «герой духа», хотя персонаж, подпадающий под это двойное понятие, гибнет в столкновении с жизнью. Он по природе своей — творец, не обладающий практическими навыками борьбы. Он создает ценности, на которых зиждется цивилизация и культура. Плодами его трудов пользуется практицист, «человек земной», которого не интересует сам процесс поисков истины или его цель, но который зато хорошо понимает все значение полученного результата. Поэтому он убивает мечтателя тем оружием, которое подготовил для него сам мечтатель. Вот почему и борются друг с другом, сталкиваются насмерть «земной человек» и «герой духа», безотносительно к тому, происходит ли это сознательно или бессознательно. Это извечная дилемма бытия, которую Г. Панджикидзе раскрывает с помощью конкретных реалий, в конкретной пространственно-временной среде.

Таким «героем духа» является Тамаз Яшвили, блестящий математик с богатой фантазией, с легкостью вычисляющий в уме сложнейшие цифровые комбинации. У него есть все данные для того, чтобы стать выдающимся ученым, внести значительный вклад в науку. И тем не менее он ничего не достигает в жизни, ибо, чтобы добиться чего-то, надо бороться, а бороться он не умеет. Его талант никого не интересует. Таким, как Нико Какабадзе или Ясе Дидидзе, Тамаз нужен для достижения их практических, эгоистических целей. Яшвили недостает дипломатической гибкости, которой щедро наделен Отар Нижарадзе, чтобы с ее помощью пробить себе путь в кругу дельцов от науки, выпутаться из сети интриг, защитить свои идеалы. Тамаз художав, близорук. Подобной конституцией обусловлен его темперамент, слабость характера, нервическая природа. Чтобы почувствовать себя человеком, ему необходима поддержка

Отара Нижарадзе, внимание академика Давида Боцвадзе, их помощью ему удастся вернуться в любимую сферу творческого мышления, но вот на его пути встает его детская мечта—Медея Замбахидзе, и снова рушится обретенное с таким трудом равновесие. И это тогда, когда он думает, что наконец-то обрел счастье. Хотя именно минутная радость и помогает ему найти верный путь решения сложнейшей научной проблемы.

Таким образом, Тамаза Яшвили погубила любовь, толкнувшая его на самоубийство. Однако та же любовь, сконцентрировавшая все его личностные, духовные силы в одной точке, и привела к научному открытию.

Герои Г. Панджикидзе не нуждаются материально, деньги у них есть, живут они в полном достатке хотя бы потому, что выросли в обеспеченных семьях. Отец Левана Хидашели — профессор, мать — врач; у Нодара Геловани отец тоже профессор; отец Тамаза Яшвили — «скромный», знающий меру, не зарывающийся делец. Леван Хидашели имеет «Волгу», квартиру в Рустави; у Нодара Геловани — «Жигули» и тоже отдельная квартира. Одним словом, их жизнь не отягощена житейскими проблемами. Если они и не купаются в деньгах, то во всяком случае имеют гораздо больше прожиточного минимума. Поэтому деньги и имущество не занимают их мысли. Однако они противостоят именно тем, у кого всего этого в избытке. Это обусловлено различием жизненных интересов, конфликтом бытия и сознания, поисками смысла жизни.

Критицизм прозы Г. Панджикидзе имеет несколько истоков. Писатель в первую очередь борется с «некультурной цивилизацией», а не только с дельцами и бизнесменами. Он дифференцирует социальное и индустриальное, ибо именно за счет техники, стремительные темпы НТР и разрушают старую этику, нравственность, жизненные нормы. Он выявляет новую разновидность человеческой психики, разоблачает безвольных индивидов, комбинаторов и стяжателей, рабов вещей и трусливых мещан (таков, например, отец Тамаза Григол Яшвили).

Наряду с этим писатель создает образы сильных людей, которым присуща система взглядов, соответствующих веяниям нового времени. Вместо старой романтики они утверждают новую, рациональную, соответствующую требованиям технократи-

ческой эпохи (Леван Хидашели, Отар Нижарадзе, Тамаз Яшвили, Нодар Геловани), тем самым пытаюсь преодолеть кризис духа и интеллекта.

Однако и они не свободны от пороков и уродств «потребительского общества», которые отвергают разумом, но бессознательно носят в себе. Это проявляется прежде всего в духовной сфере. Хидашели и Геловани — технократы (первый целиком, второй — в меньшей степени), то есть их образ мыслей берет начало в глубинах не психики, а сознания. Поэтому их рассуждениям, поведению и взглядам — логическим, аргументированным, убедительным — недостает эмоциональности, доброты, человеческого тепла. На первый взгляд это сухие и рассудочные люди, которым претит всякое проявление чувств.

Тем не менее на деле это не совсем так. Достаточно Хидашели оказаться перед мучительным выбором, как он признает формальную истину, принимает ее сторону. Подобно мещанам и бюрократам, также считает, что за деньги можно купить все на свете. Поэтому и приносит крупную сумму денег получившему тяжелую травму Лексо Арчемашвили. Однако семья пострадавшего отвергает эту щедрую благотворительность, возвращает деньги Левану.

Образ Хидашели задуман писателем как «сильная личность», неотделимая от преступления, исповедующая принципы собственной морали, мнящая себя единственной, обладающей «сверхчеловеческой» природой. Но для обыкновенного честного рабочего человека эта «сильная личность» так же неприемлема, как бизнесмены и бюрократы.

Гуманности, человеческого тепла недостает и Нодару Геловани. Смерть отца и матери не вызывает у него сильных переживаний, будто умирают какие-то посторонние для него люди. Его эгоистическая природа полностью проявляется в отношении к Эке. Он не хочет потерять ее не потому, что любит, а чтобы она не принадлежала никому другому. Как некая драгоценность, Эка должна принадлежать только ему, быть его собственностью. Знания, энергия, талант Хидашели и Геловани нужны производству и науке. Их вполне достаточно для этих сфер общественной жизни, но совершенно недостаточно для сферы человеческих взаимоотношений. Эти герои носят в себе и утверждают идеалы, которые не могут полностью воплотить в жизни опять-таки в силу исключительности своей природы и давления со стороны мещанской среды. Поэтому в их характерах следует различать свойства врожденные и благоприобре-

тенные. Это же различие вызывает дилемму бытия: будь они людьми тихими, спокойными, ни на что не претендующими, могли бы вызвать у нас симпатию, утратив при этом свои духовные и жизненные идеалы, перестав быть прогрессистами. Ведь Фемиды, держа в одной руке весы, чтобы взвешивать наши грехи и добродетели, в другой сжимает охраняющий справедливость меч! Поэтому и естественен цинизм этих героев: их ирония, вечные эксцессы, эгоистические мотивы, ибо именно эгоизм придает им силу — важно только, на что эта сила направлена.

Отар Нижарадзе также не отличается особой чувствительностью и сентиментальностью. Он может спокойно войти в морг и без содрогания, без трепета душевного смотреть на тело погибшего друга. У него нет никакого желания понять нивелированных цивилизацией людей, проникнуть им в душу. Отар также рационалист, человек здравомыслящий, скорее рассудочный, нежели эмоциональный. Конечно, он не технократ. Писатель не может быть технократом, оставаясь положительной личностью.

Слово и предмет. Писательство оправдано лишь в том случае, если пишущему есть что сказать и он умеет это выразить. Научиться писать можно, хотя и ценой немалых усилий, а вот тому, что писать, научиться невозможно. Это должно быть заложено в самой природе писателя. И если там пустота, литература превращается в краснобайство, в плетение словес, в «милую чепуху», как сказал бы Лев Толстой. Но и в том случае, если писателю есть что сказать, это «что» требует литературного оформления, облачения в соответствующую форму. Только при этом возможно превращение в художественную структуру, в новую действительность. Проза Г. Панджикидзе, как мы уже убедились, содержит обширную информацию. Писатель будто стремится собрать в едином фокусе современности все житейские и интеллектуальные проблемы, чтобы мотивировать и осмыслить их художественно и тем самым завладеть сознанием читателя. Посмотрим же, каким путем достигает он реализации своего замысла, воплощения своей идеи.

В первую очередь Г. Панджикидзе уделяет внимание событию. Роман, не обладающий четким, стройным сюжетом, не сумеет передать все богатство жизненного материала, а следовательно, заинтересовать читателя. Читателя у него попро-

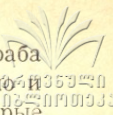

сту не будет. Чем напряженнее сюжет, тем четче вырисовываются характеры. Тем более в том случае, когда они подчинены интеллектуальной модели автора. Г. Панджикидзе подходит к прозе, как режиссер к спектаклю: он не вмешивается в развитие действия, не предается лирическим отступлениям, не перегружает сюжет лишними деталями. Интерес читателя не ослабевает, подогреваемый ожиданием того, что будет дальше. Писатель не чурается и детективных мотивов. Однако при всем при этом драматическое событие являет собой и смысловой узел, в нем находит выражение основная идея (соблазнение Маринэ, трагический случай на металлургическом комбинате, автомобильная катастрофа и т. д.), точнее — сюжет вытекает из концепции автора, мысль претворяется в драматизированный жизненный материал, и все это необходимо хотя бы потому, что кино, телевидение и эстрада почти лишили книгу аудитории. «Галактика Гутенберга постепенно превращается в галактику электроники».

Г. Панджикидзе — прозаик с эпическим видением мира, изображающий жизненные коллизии. Ему чужды лирическая манера письма и сентиментальное мягкосердечие. Главное — четкая мотивация сюжета, его драматизация, неуклонное стремление к цели, функциональное отношение к слову. Герои Г. Панджикидзе, борясь с «потребительским обществом» и отстаивая свое достоинство, свое «я», часто впадают в иронию и цинизм, идущие от мысли и обусловленные общей концепцией. Однако написанные в этой манере пассажи обладают и независимой ценностью, будучи образцом не только остроты мысли, но и остроумия.

Следует отметить, что ирония и цинизм большей частью проявляются в речи персонажей, в диалоге, которым автор владеет мастерски. Динамизм прозы Г. Панджикидзе в небольшой степени обязан именно сжатости и точности диалогов. При этом диалог — это не только рассуждения о происшедшем событии и его драматизация, но и средство создания психологического портрета персонажа, пружина развития действия.

Следует также отметить, что Г. Панджикидзе отказывается от традиционного, классического метода развития сюжета. Особенно это проявляется в «Годе активного солнца». Композиция этого романа основана на свободных ассоциациях. В нем переплетаются, переходят друг в друга воспоминания и реальность, сновидения и интеллектуальная беседа, прошлое и настоящее. Со строгой логикой сочетается фатальность, рок, как

мираж. Когда Нодар Геловани слушает отца, Эку или Зураба Гомартели, его интересует не только то, что они говорят, но и биография собеседника, те бессознательные мотивы, которые управляют сознанием и формируют природу личности. Поэтому реальный план восполняется воображением, воссоздающим то, что могло бы быть. В результате складывается развернутая картина-метафора поведения или характера персонажа.

Г. Панджикидзе — принципиальный противник поэтизации языка. Для него слово — средство, а не цель. Поэтому слово писателя сливается с предметом и имеет значение лишь постольку, поскольку способствует развитию сюжета, выражению идеи. Стиль простой, лаконичный и точный! — вот девиз писателя. Однако это отнюдь не означает, что он не создает художественные образы и довольствуется сухой информацией. Система его художественных образов — плод урбанистического окружения и обладает теми же атрибутами, а соответственно зиждется на рациональных и сознательных ассоциациях.

Г. Панджикидзе смотрит на мир глазами физика-поэта. Это и обуславливает использование технической терминологии, специальных названий, превратившихся в неотъемлемую частицу нашей жизни. Поэтому машина, электрон или мезон не содержат в себе самостоятельной эмоции, как, скажем, конь, ястреб или сокол. В силу этого и моделировать мир из таких понятий значительно сложнее, поскольку это подразумевает создание новой традиции. Однако здесь не мешает вспомнить слова самого писателя: «Вначале тематическая или терминологическая новизна непривычна и трудно воспринимаема. В литературе трудно именно утверждать новое, значительно легче идти проторенным путем... Для меня главное — освоить «литературную целину», проложить новую, пусть даже короткую, трассу. Подчинить себе неподдающуюся на первый взгляд, нелитературную тему и сделать ее литературной». Решить эту задачу действительно непросто, ибо она требует полемики с традицией. Однако бесспорным остается и тот факт, что, несмотря на все эти трудности, проза Г. Панджикидзе не испытывает недостатка в читателях и почитателях. А это уже означает победу писателя.

Необходимо обратить внимание еще на один принципиальный вопрос — герои Г. Панджикидзе воспринимают явления не столько сердцем, сколько разумом, что проявляется и в

Сосо Сигуа. Многоликость единого мира.

структуре его прозы: «Леван пошел с Гиви Микадзе в ресторан, потому что понимал — Гиви прав»; выпивший накануне Лексо плохо замазал порог, сталь прорвалась и выплеснулась Лексо на ногу — «его левая нога была сожжена до кости». Левана потрясает не столько само несчастье, сколько последствия, которые оно может иметь для него лично. «Все погибло, все», — молотком стучит у него в голове; у усталого Тамаза будто стучит не сердце, а трепыхается мозг; Отар слушает главного редактора киностудии, самозабвенно развивающего фразу из обсуждаемого сценария — «Всех расстрелять!» Никарадзе думает, что у этого бедняги голова набита мокрыми опилками; «Глядя на Джюлия, Отар представлял себе человеческий мозг состоящим из множества малюсеньких лампочек и был твердо убежден, что в голове Гиви большая часть их перегорела»; у Мамуки Торадзе — «роботоподобный, лишенный каких бы то ни было эмоций мозг»; мозг Наны Абесадзе будто поскрипывает; Нодар смотрит на мужчину, у которого «страшно густые и прямые волосы растут будто прямо из мозга», а «упокоившиеся в голове академика» мысли вызывают у него ассоциацию с околелыми пчелами, и т. д.

Психика персонажей, их сознание, воззрения обусловлены и мотивированы реконструированной НТР средой. На смену прежней чувствительности приходит новый рационализм, как на смену живой природе — индустриальный ландшафт. Г. Панджикидзе привлекают принесенные временем перемены, отразившиеся в душе и сознании людей и превратившие некоторых из них в машины (вспомним Гиви Джюлия, Мзю Ахобадзе, официанта Гришу, Зураба Гомартели, Мамуку Торадзе...). Почти все персонажи Г. Панджикидзе имеют машину или умеют водить ее, ибо машина — символ нового времени, века техники, так же как конь — символ романтического прошлого.

Теперь посмотрим, какими средствами, с помощью каких штрихов писатель рисует внешность своих героев, их портрет: «Тамаз уже учился в восьмом классе. Он изрядно вытянулся, хотя по-прежнему был хилым и тщедушным. Очки шли ему — как будто он так и появился в них на свет» (очки — признак интеллектуальности, слабое телосложение же свидетельствует об отрешенности и мечтательности натуры); «...У Тинатин был обостренный слух, она старалась уловить новые модные словечки, которые были приняты в среде молодежи. «Не подфартило сегодня бедняге», — говорила она, когда Джемал мазал. — «Фильм так себе, вот американцы умеют выдать», —

высказывалась она о новом фильме и произносила это таким уверенным тоном, как будто с детства только так и говорила» (мания ультрасовременности — свидетельство провинциализма, мещанства, увлечение модными жаргонизмами — внутренней пустоты); «Молодой Георгий Геловани, мой доселе неизвестный братец, одет в джинсы фирмы «Вранглер», в красную рубашку и туго перетянут широким ремнем» (первое впечатление оказывается верным: Гоги — гонящийся за модой, непутевый юнец).

О структуре общества речь уже шла выше — поэтому не будем повторяться. Поговорим о том, как Г. Панджикидзе воспринимает пейзаж, природу, обстановку, в которой происходит действие и в которой живут его герои. Поскольку обстановка эта — индустриальный город, стиль писателя приобретает специфическую окраску, меняется лексика, в нее обильно вторгаются термины и понятия. Настроение подчиняется смысловому модусу. Ландшафт — одна из конкретных деталей общей системы. Самостоятельного значения он не имеет. Лаконично, несколькими словами писатель набрасывает яркую, запоминающуюся картину индустриального пейзажа.

В прозе Г. Панджикидзе показано структурное единство человека, общества и природы, свидетельствующее о неизбежности и целостности изображаемого мира. Самобытность этого мира зиждется на рациональном мышлении и стиле, истоки которых — природа самого писателя, его характер, взгляды, полученное им образование. Личность автора — связующее звено между жизнью и литературой. Рентгеновскими лучами проникает действительность в душу писателя, в его сознание и, трансформировавшись, превращается в художественное творение.

Г. Панджикидзе изображает не только зримые предметы и объективные явления. Он ищет их внутреннюю мотивировку, сопричастность человеческой душе. Иногда же драма целиком разворачивается в сфере психического, как осознание таящихся в глубинах человеческого существа мотивов. В этом отношении показателен блестяще написанный рассказ «Реквием». В нем два плана — современный и сохранившийся в памяти, причем главную нагрузку несет именно второй, иллюзорный план. Узел завязывается с первых же фраз, напрягая внимание и обостряя восприятие: «Дедушка, сколько людей ты убил?

Сосо Сигуа. Многоликость единого мира.

— спросил Торнике маленький внук, разглядывая орден на груди деда». Это начало содержит сложную информацию, дающую шифровкой которой и служит рассказ в целом: 1. Дед оказывается убийцей; 2. Об этом в простоте душевной говорит ему внук — устами младенцев глаголет истина; 3. Свои орден Торнике заслужил не в честном бою с врагом, защищая идеалы человечности и справедливости. Простодушный вопрос внука вызывает у старика неприятные ассоциации, тяжелые мысли, возвращает в прошлое, единственным живым свидетелем которого остался он один. Конфликт между муками совести и совершенным преступлением (вначале он убил пленного немца, 17-летнего юношу, а затем своего товарища по оружию) постепенно целиком завладевает Торнике, превращаясь под конец в психоз. Писатель с необыкновенной остротой изображает видения Торнике Гелашвили, его душевную депрессию, одиночество, кошмары, символы которых — гроб и разложившийся труп. Личность устремлена не к внешнему миру, а в глубины психики, взор обращен не вовне, а вовнутрь. Невольно вспоминаются слова из евангелия: каждый человек — раб своих прегрешений. Этот рассказ вносит своеобразный диссонанс в монолитно-целостный художественный мир Г. Панджикидзе, свидетельствует о переломе в психике писателя, о начале нового этапа его творческого пути, о совершенно новых тенденциях. Но эта тема требует уже особого разговора.

Мы, литераторы, чересчур много рассуждаем подчас о проблемах и технических приемах творчества, уделяя при этом гораздо меньше внимания тому, что рождается в результате их сочетания, — новой художественной реальности, переживаниям, страстям, то есть художественной структуре. На деле же произведение выдержит все — подражательство, несостоятельность идеи, шероховатость стиля, если только в нем ощущается хоть слабый признак жизни. Последний же подразумевает четкую мотивировку действия, воссоздание через посредство слова контакта между душой и предметом, умение найти «горячие точки». Леван Хидашели со своей знакомой слушает в опере «Кармен». Публика тепло принимает молодого певца. Нравится его исполнение и спутнице Левана. Девушку интересует, что певец представляет из себя в жизни. Пользуясь моментом, когда артист окружен поклонниками, Леван выскальзывает из театра, заходит в кондитерскую, покупает огромный торт, подходит к раздающему автографы певцу и, попросив принять торт в знак признательности, швыряет его ему в ли-

цо! В этом — весь Леван: он не терпит соперничества, не желает отстаивать от моды девиц. Чтобы разрядиться, выплеснуть свою ярость, он не остановится и перед хамством.

Тамаз уходит из института. Он принимает последний экзамен. В аудитории — 17 студентов. Никто из них не знает предмета, все надеются на протекцию. Выведенный из себя Тамаз вскакивает и отвешивает одному из студентов оплеуху: «Ни совести у вас, ни чести!» — кричит он не своим голосом. Слова эти здесь на первый взгляд несколько неуместны. Однако выбери писатель другие, это нарушило бы целостность характера, поскольку в романе неоднократно подчеркивается сдержанный и спокойный нрав Тамаза. Он не умеет ссориться, драться, выяснять отношения, ему трудно защитить себя. Поэтому в состоянии аффекта он должен был произнести именно те слова, которые произнес. Вспомним, как в таком же состоянии обращается к своим однополчанам Торнике Гелашвили: «Сукины дети!» — кричит он. Это его любимое выражение, поскольку человек для него и вправду «сука» и ничего более.

В сознании четко запечатлевается первое же появление персонажа, ибо с самого же начала ему сопутствуют индивидуальные особенности, впоследствии получающие развитие в бытовых реалиях и символическом спектре — Тамаза Яшвили: «Вас просит профессор Тавзишвили! — Голос лаборантки вывел Тамаза из задумчивости. Он проводил девушку взглядом...» (Тамаз — «герой духа», рассеянный и мечтательный, всегда погруженный в себя); Отара Нижарадзе: «Он долго раскачивался на стуле. Затем переменял позу — поджал ноги, оперся локтями о стол, поставив стул на передние ножки, и стал насмешливо наблюдать то за Мзией Ахобадзе, то за подчиненным ей редактором Наной Абесадзе.

Мзия курила сигарету и что-то писала. Отара всегда искренне удивляло, что она может писать целыми днями. Он перевел взгляд на Нану. Нана с невыразимым страданием на лице правила материал» (самобытность, цинизм, инертная среда, нивелированные люди); Нодара Геловани: «Во сне я почувствовал, что кто-то стоит над головой и пристально смотрит на меня. Странное, пугающее чувство овладело мной. Медленно приоткрываю веки. Сначала в глаза бросается белизна полуразрушенной церкви, а потом бесформенная серая масса, приобретающая человеческие очертания» (роман начинается про-

буждением героя и так же заканчивается, хотя во втором случае апокалипсическому сновидению, иными словами, церкви, идее бога, противопоставлена реальность, ощущение материальности. Пробуждение ассоциируется с преломлением в фокусе, то есть воспринимается глазами технициста, бесформенная серая масса превращается в человека, олицетворяя переход от материи к жизни).

Жизнь в целом — это неуклонное приближение к конечной цели, к переходу в небытие. Как же изображает писатель последние минуты жизни своего героя, смерть, неуловимое мгновение, связывающее существование с несуществованием?

«...Мужчина чувствует, что воздух уже не проникает в легкие. Он порывается встать, но не может отвести от себя желтую руку, вцепившуюся ему в плечо. Он пытается крикнуть, но крик застревает в горле. Измученный болью и удушьем, он с нетерпением ждет, когда же безжалостная желтая рука вырвет из него душу. Теперь лишь в этом его спасение.

Наконец настало и это долгожданное мгновение. Ледяная желтая рука вырвала из него душу и зашвырнула ее в темный угол комнаты. Мужчина почувствовал несказанное облегчение. Он вздохнул в последний раз и свесился на ручку кресла».

Тем не менее смерть не всегда трагична. Трагическое возмещает о редком, исключительном, особенном. То же, что происходит часто, утрачивает оттенок истинной трагичности. Так, атмосфера смерти меняется под влиянием комизма ситуации, иронии, таящейся в самой жизни: «Часть рабочих куда-то ушли, но большинство оставались на местах. Гробовщики, покрутив в ладонях и встряхнув бутылки с кефиром, садились на гробы и с аппетитом приступали к еде. Уплетая хлеб с колбасой, они играли в шашки на куске фанеры, расчерченной углем...»

Г. Панджикидзе вводит в повествование второстепенные персонажи, необязательные для развития сюжета. Они вплетаются в литературную ткань как музыкальные символы, возникающие лишь время от времени. У них нет и претензии на реальность, они будто пришельцы из царства сновидений. Зато эти случайные персонажи, которых могло бы и не быть, несут смысловую нагрузку и резко меняют своим появлением настроение и атмосферу контекста. Проанализируем два таких образа. Один из них — карлик из «Камня чистой воды», второй — мальчик из «Года активного солнца».

Тамаз в угнетенном состоянии возвращается домой. Вдруг он слышит за спиной звук шагов — будто кто-то крадется за ним. Тамаз останавливается. Может, померещилось? Но нет, продолжив путь, он снова явственно слышит цоканье подбитых железными подковками ботинок. В темноте обозначается «низкая, квадратная фигура», все отчетливее принимающая человеческие очертания. При свете зажигалки Тамаз различает «страшное лицо незнакомца, опухшее, в красных пятнах, ощеренный рот, гнилые, редкие зубы». Сиплым голосом незнакомец спрашивает: «Что, испугался?» А затем, ухмыльнувшись, доверительно сообщает: «А все оттого, что мы, люди, не доверяем друг другу!..»

Второй раз незнакомец возникает в день гибели Важи Лагидзе в мастерской похоронных принадлежностей, третий раз — когда Мелея остается у Тамаза, и наконец четвертый и последний раз — когда Тамаз узнает об измене Медин. Оказывается, этот редкозубый, с багровыми пятнами на лице человек — сосед Тамаза (ведь Тамаз живет в доме, над которым «тяготет проклятье»).

Самый тяжелый отпечаток накладывают на психику Тамаза четыре события — конфликт в институте, гибель друга, появление в его жизни Медин и ее измена. И все эти события сопряжены с появлением страшного карлика. Он будто олицетворяет душевные переживания героя, преследующие его кошмары. Появляется всегда ночью, в темноте, когда Тамазом овладевает предельное отчаяние, но не сочувствует герою, а будто, наоборот, издевается, насмехается над ним, пугает его.

Совершенно иного склада образ маленького музыканта, мальчика с черным бантом, по ассоциации напоминающего Ганно Будденброка, который олицетворяет собой чистоту и невинность, излучает свет. Когда он самозабвенно играет на скрипке, на его детском личике пробегают тени грозной и суровой отрешенности, будто волшебные звуки музыки уносят его в некий потусторонний мир. С гибелью восьмилетнего мальчика связана смерть отца и брата Нодара. Чудесный свет исчезает. Однако призрак маленького музыканта всегда возникает в связи со сводным братом Нодара — Гоги, ставшим жертвой своего пристрастия к наркотикам. Поэтому маленький музыкант — воплощение той мечты, которая погибла в личности Гоги.

Глазами публициста. Поэт, всю жизнь пишущий одни толь-

ко стихи, вызывает удивление. Невольно задаешься вопросом: неужели у него хотя бы раз в жизни не возникло желания пообщаться с читателем по-другому, в иной форме? Или как ему удалось вместить в строго регламентированную структуру стиха все то, что необходимо было сказать читателю? Те же вопросы возникают и в отношении прозаика. Конечно, критическая работа или публицистическая статья не прибавляют достоинств художественному произведению, но зато повышают авторитет самого автора как гражданина и мыслителя. Кроме того, перемена жанра — это и своего рода отдохновение для души, продолжение, развитие старых идей и форм и в то же время нахождение новых, синтез и распад, обретения и утраты. Поэтому для Г. Панджикидзе, равно как и для исследователя его творчества, принципиальное значение имеет публицистика.

И все же главное здесь то, что Г. Панджикидзе — блестящий журналист и публицист. О его прозе написано множество статей, опубликованных как в грузинской, так и в русской прессе. Публицистике же писателя не уделяется должного внимания. И это при том, что его публицистические статьи имеют огромную читательскую аудиторию и заслужили всеобщее признание. Публицистика Г. Панджикидзе, так же как и его практическая деятельность, требует особого разговора.

Одна часть статей Г. Панджикидзе посвящена сложнейшим проблемам современной физики. Тем не менее их следует рассматривать не в рамках одной специальности, а в широком контексте современности, по отношению к эпохе в целом. В этих статьях автор проявляет глубокие знания, вкус, способность к тонкому анализу и отбору деталей. Особо следует отметить его простой, ясный и эмоциональный стиль, благодаря которому специальные вопросы становятся понятными и близкими широкому читателю. Писатель раскрывает перед нами драматизм квантовой механики, теорий нестационарного мира и относительности («Что ожидает нашу планету?», «Летающие тарелки — миф или реальность?», «Пикассо — физика — абракадабра XX века?»). Можно сказать, что в статьях Г. Панджикидзе физические понятия, формулы, проблемы, холодная фактология претворяются в глубоко эмоциональную прозу. Однако автор и сам выдвигает острые вопросы, касающиеся многих сторон нашей жизни. Он развивает их и обосновывает с поэтической страстностью и остроумием. Вопрос как таковой превращается в персонажа, в героя, привлекающего и покоряющего наше сознание.

11135320
0020101033

Эти его статьи положили начало грузинской научно-технической журналистике. Однако перу Г. Панджикидзе принадлежат и превосходные статьи о спорте, дневники зарубежных впечатлений, написанные в результате поездок за границу. Автор и здесь сказал свое слово, внес коррективы в традиционную журналистику, вернее — придал грузинской журналистике оттенок европеизма, модернизировал ее. Поэтому и вызывают эти статьи и очерки живой отклик и острый интерес («Цивилизация бизнеса», «В стране «экономического чуда», «За девятью горами и девятью морями», «Там, где жили Адам и Ева», «Южный Крест», «35 тысяч километров в воздухе», «На родине футбола», «Мексика с мячом и без», «Аргентина, Аргентина!»).

Писатель излагает не общеизвестные факты, не почерпнутые из энциклопедии или специальных исследований сведения, а результаты собственных наблюдений, субъективные впечатления, животрепещущие и драматические события. При этом обилие информации, отличающее его статьи, служит прояснению авторской позиции, своеобразия личностного восприятия.

Первые статьи Г. Панджикидзе были посвящены героям труда и спортивному миру. Позднее появились статьи с зарубежной тематикой. Однако писатель не остановился и на этом. Будучи уже признанным романистом, он снова возвращается к технике, к сфере естествознания. В результате появляется, с одной стороны, «Что ожидает нашу планету?», с другой — «Год активного солнца». В последние годы горизонт видения писателя расширился еще больше — в него вошли многие животрепещущие проблемы, касающиеся прогресса грузинской нации. Особо следует отметить статью «Бессмертные Грузины» — образец публицистического мышления, в котором пафос автора получает широкое патриотическое обобщение.

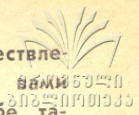
Бытовой материал и научную идею, собственные наблюдения и чужой опыт Г. Панджикидзе превращает в единое целое, цель которого — объяснение сложной и драматической природы современного мыслящего человека, поиски перспективы будущего, утверждение нового и жизнеспособного. Так складывается индивидуальная модель стиля и силы эпохи, привлекающая и покоряющая не красотой, не игрой красок, а точным, строгим сочетанием и совмещением мысли и настроения.

Лина ХИХАДЗЕ

СКВОЗНАЯ ТЕМА

ПРЕДЛАГАЕТСЯ экстремаль-
ная ситуация. Поздно вече-
ром маститый ученик вызывает
к себе любимого ученика.
Потом выяснится, что ака-
демик Леван Гзиршвили
стоял на пороге великого
открытия, и оно не состоя-
лось. Боль испытанного по-
ражения такова, что старый
ученый утверждает в мыс-
ли о бессмысленности всей
прожитой жизни. Он реша-
ется на самоубийство и,
прежде чем привести реше-
ние в исполнение, вызывает
к себе Нодара Геловани.
Почему? Исповедаться! По-
дать ему своею смертью по-
следний сигнал тревоги!
Предостеречь! Ученик мол-
ча выслушивает исповедь
учителя, догадывается о его
намерении и так же молча
уходит, чтобы потом не-
сколько часов провести у
дома в своей машине, пока
тишину ночи не разорвет
глухой звук выстрела, звук,
которого он ждал. На во-
прос Эки (он и ее заставил
пережить весь этот ужас),
почему он ничего не пред-
принимает, Нодар отвечает:
«Я уже сказал тебе: не нам
судить его». То же самое
он повторяет следователю,
сияющему постичь его об-
раз действий, вернее, его
полную бездейственность в
подобных обстоятельствах:
«Разве под силу нам взве-

суть и оценить его решение! Или помешать в его осуществле-
нии! Это смешно, уважаемый товарищ следователь. Мы с вами
никогда не сможем взять на себя роль арбитра в судьбе та-
ких людей, каким был покойный Леван Гзиришвили, по очень
простой и понятной причине: нам не дано заглянуть в глубины
их душ. Леван Гзиришвили решил покончить с собой. Кто дал
мне, Нодару Геловани, право помешать ему в этом, ибо я не
способен оценить истинность его решения». Да, это резонно. И
все-таки: разве человек в состоянии жить одними резонами ло-
гики! Следовать логике там, где естественно прислушаться к
интуиции! Не сделать хотя бы бесполезной попытки помочь
человеку, которого любишь, когда он в отчаянии решаетея пу-
стить себе пулю в висок, запретить себе этот простой, понятный,
человеческий жест. В поведении Нодара есть нечто непости-
жимо рационалистичное, мертвенно-обреченное, что заставляет
догадываться — он и сам близко подошел к тому же по-
следнему пределу.

Вскоре читателю станет ясно, что Нодар Геловани пере-
живает состояние, именуемое «кризисом личности». Глубоко
заглянув в опечаленную душу, он с испугом замечает грозные
симптомы опустошенности. «Я лежу с закрытыми глазами,
прикидываюсь спящим. Я не двигаюсь, но отчетливо чувствую,
как мечется душа в теле. Содрогается и рвется, словно ища
выхода и, не обнаружив его, бьется в отчаянии о стены». Тя-
жела в год активного солнца очная ставка с собой.

Роман Гурама Панджикидзе «Год активного солнца», как
и предыдущие его романы, подкупает своим нравственным за-
рядом и интересен тем ракурсом, которым на этот раз обра-
щен к читателю, — сразу назовем его так: антигерой.

Опубликованный, помнится, более десяти лет тому назад
первый роман Г. Панджикидзе «Седьмое небо» встретил в
критике противоречивое толкование. Я тогда высказалась в том
смысле (и сейчас так считаю), что писателю было важно ак-
центировать внимание не на сложности (он, действительно, не-
прост) характера центрального героя романа, а на его ущерб-
ности, пусть даже вопреки сложности, несмотря на сложность.
И в этом смысле, думается мне, герой первого романа Леван
Хидашели и главный персонаж последнего романа Нодар Ге-
ловани по смыслу, по сути душевного состояния дают, как
это ни парадоксально с первого взгляда, повод для сближе-
ния. Сама их разность, непохожесть в данном случае пред-
ставляется симптоматичной: она высвечивает разные подходы
к одной теме. Ибо тема обоих — тема несостоявшейся (или

утраченной] личности, опустошенность человеческих отхождений и душ.

Здесь я вынуждена не согласиться с С. Сигуа, утверждающим: «В отличие от Хидашели и Нижарадзе Нодар Геловани [«Год активного солнца»] достигает своей цели. И не потому, что он доктор наук, талантливый ученый. В результате длительных экспериментов ему удастся обнаружить нейтральный мезон... Это практический вклад в науку. Человек, терзающийся поисками смысла бытия, болезненно переживающий псевдоидеалы мещанского общества, карьеризм окружающих его дельцов от науки, достигает намеченной цели. Одиссея Хидашели—Нижарадзе—Геловани завершается победой. Личная цель Нодара Геловани сливается с общественными идеалами [«Цискари», 1983. № 3].

Обнаружение нейтрального мезона еще не означает обретения социальной позиции. Еще Чехов в «Скучной истории» рассказал о драме ученого с мировым именем, на закате дней своих понявшего, что прожил жизнь впустую, потому что не имел того, «что называют общей идеей или богом живого человека».

Нодара Геловани мы видим в романе в самом разгаре «одиссеи», что же касается Отара Нижарадзе, то он вдвинут в этот ряд совершенно незаслуженно: критика, по-видимому, обманули внешние приметы «современного» молодого человека, общие для всех героев Г. Панджикидзе. Писатель не создает законченной модели так называемого «положительного героя», то есть человека активной социальной позиции, способного к отважной и «нерасчетливой» трате сил ради утверждения справедливости. Но заявка на такого героя есть именно в Отаре Нижарадзе [«Камень чистой воды»] и Резо Геловани [«Год активного солнца»].

Образ положительного героя — центральная проблема современной многонациональной литературы, и хочется заметить, что в самом факте существования в ней светлого образа Даты Туташиа заключена огромная надежда. Но писатель имеет право дать почувствовать свой идеал и не непосредственно, а обходным путем или же в негативной форме, делая объектом изображения «негероев», несостоявшихся героев. И тут не помеха [наоборот!], что оба — талантливый физик Нодар Геловани и талантливый металлург Леван Хидашели — люди незаурядные. Тем очевиднее — что в каждом погибло. «Когда на глади полотна художник ночь изображает, хоть луч он все же оставляет, чтоб эта ночь была видна». Персонажи зауряд-

5040
30220101033

ные, намернее, были бы недостаточны для постановки проблемы, а проблема — утрата нравственных ориентиров, нравственного компаса, с которым люди находят друг к другу путь.

Привлекают положительные черты Левана Хидашели. Он наделен личным обаянием, прекрасными волевыми качествами, деятелен, энергичен. Люди тянутся к нему, ощущая силу и, естественно, предполагая за нею и надежность. Но если мы не согласимся принять ложную норму, в итоге обесценивающую жизнь, то вынуждены будем признать, что у Левана есть все и у него нет ничего, потому что нет главного — этической доминанты. (Я говорю это, не оценивая, а констатируя состояние).

Если бы тот, самый главный вопрос — вопрос жизни, который академик Гзиришвили поставил перед Нодаром Геловани: «Кто вы? К чему стремитесь и какой ценой?» (а ведь вопрос сформулирован предельно точно: наше «я» определяют наши цели и то, чем мы платим за них), был задан Левану Хидашели, ответ прозвучал бы недвусмысленно ясно: к карьере, только к карьере, и — любой ценой. Понимание жизни как гонки престижей, неумолимой борьбы за лидерство, стремление к карьере любой ценой — вот что он противопоставляет тем, кого презирает и кому уподобляется, сам того не сознавая.

Нарушены нравственные ориентиры во взаимоотношениях с миром и у Нодара Геловани, героя романа «Год активного солнца». Мне подумалось: а что если бы они существовали в пределах одного произведения, какие завязались бы между ними взаимоотношения? Скорее всего они бы друг друга активно не приняли. На первых порах помешало бы даже то, что у обоих на вооружении одна и та же внешняя маска — бравада насмешливым хладнокровием, ироничность, подчеркнутая «современность». Потом вступили бы в действие внутренние силы, та непохожесть, которая, обманув, может заставить предположить, что перед нами полярно противоположные человеческие разновидности. У Левана Хидашели твердые жизненные аксиомы, у Нодара Геловани их и в помине нет. Первый агрессивно честолюбив, второй пальцем не шевельнет ради карьеры. У одного — железный график, подчиненный осуществлению его программы, второй в основном пребывает в горьких размышлениях и внутренних берениях. Вопрос — кто вы? К чему стремитесь и какой ценой! — целиком его погло-

Лина Хихадзе. Сквозная тема.

щает. Не решив его, он не может жить, но решить его он тоже не может. Непохожесть до такой степени подчеркнута, что выносится в текст. Нодар Геловани прямо признается, что его «тревожат все энергичные люди». Сам он «не в состоянии начинать и делать несколько дел одновременно. Даже переключение с одного на другое дается мне с немалым трудом. Более того, я теряюсь, впадаю в отчаяние, безнадежно раздваиваюсь».

Есть, правда, и точки соприкосновения: оба испытывают видимое отвращение к деятельности грязно меркантильной, попирающей правду, совесть, честность. Но грустный парадокс состоит в том, что в силу какого-то сдвига в ценностной ориентации первый герой отвечает на подлость, стяжательство, лицемерие маниакальным стремлением утвердить себя, при этом вооружаясь той же неразборчивостью в средствах, изменив себе в лучшем и главном, а другой — тоже изменив себе в главном — трагической отчужденностью, полной жгучей тоски и в то же время странно, непостижимо рациональной.

Как непохожи и как опасно похожи они друг на друга! Исследовать новейшую модификацию индивидуалистического сознания (тип не новый, только изменивший обличье в изменившихся обстоятельствах), грустную и опасную суть людей, поставивших себя вне нравственного закона, — так, по-видимому, можно сформулировать задачу писателя в обоих романах. Если в первом из них исследованию подвергался такой вид психологической ущербности, как вседозволенность, суперменство, то в «Годе активного солнца» на прицел взята другая ипостась отчуждения, другой изъян души — личностная пассивность и социальная инертность. Леван Хидашели все отведенное ему в рамках романа время проводит в действии, но при этом нормальные человеческие связи нарушены, поступки наперед рассчитаны, как ходы в шахматной игре, в азартной игре, где людям предоставляется функция марионеток.

Нодар, наоборот, настолько бездейственен, что автор создает даже метафору, идентичную его стремлению уйти от своего «времени-пространства» (об этом позднее). Но и не метафорически, а вполне реально, в обстоятельствах, заданных его жизнью, жизнью современного молодого ученого, автор ставит своего героя перед необходимостью принятия единственного решения, которое, прими его Нодар, могло бы стать точкой отсчета его новой биографии. Решение не состоится, не состоится и биография. После самоубийства директора институт лихорадит. К директорскому посту рвутся недостойные

люди. От Нодара Геловани многое зависит, к его мнению прислушаются. Но когда к нему является претендент на директорское место, тот явно озадачен его безучастностью. «Этот плосколобый субъект отлично понимает, что моя поддержка, парочка добрых слов в его адрес откроют ему дорогу в директорский кабинет. Понимает он и то, что если я пойду против или просто отвернусь от него, не видать ему вожделенного кресла как собственных ушей. Лишь одно не понимает Зураб Гомартели — мне абсолютно безразлично, кто станет директором».

Но герой «Года активного солнца» человек критического сознания. Безучастно и отстраненно наблюдать за циничной возней лощеных карьеристов ему стыдно; за собственным неестественным безразличием он не без основания разглядывает возможность попустительства. «А завтра этого убийцу назначат директором института, моим начальником. Наверное, меня спросят, что он за человек. И как ты думаешь, что я на это отвечу? «Отличный товарищ, лучшего не сыскать», — вот что я отвечу, вместо того чтобы заявить: «Да он же убийца — сбил машиной четырнадцатилетнюю девочку, а потом, еще живую, сбросил в пропасть». [Речь идет не о действительном убийстве. Претендент ему представляется потенциальным преступником].

А вот другая, бытовая сцена, в которой бездействие героя действительно оборачивается попустительством. Нодар Геловани и его младший брат Резо, назначенный в район прокурором, гостят у главврача этого района, школьного товарища Нодара, Эльдара Комахидзе. Молодой прокурор взволнован. Несколько лет назад в районе погиб винодел, в результате аварии, как было установлено следствием. Однако Резо имеет основания подозревать, что винодела убили сотрапезники, что его уже мертвого переехала машина. Он намерен доискаться истины, хотя настойчивость в этом деле для него не только чревата неприятностями, но и опасна. Это ему пытается втолковать главврач. Нодар молчит. Среди разговора, в два часа ночи, раздастся телефонный звонок, непрерывный, долгий. Так звонит районная подстанция. Доктора вызывают к больному в дальнее горное селение, судя по всему инфаркт. Нодар сопровождает врача [«Резо был так взвинчен, что мне не хотелось оставаться с ним с глазу на глаз и спорить». Насколько естественнее было бы другое решение: «Резо был так взвинчен, что я не мог не

остаться с ним»). С трудом добираются они до «поднебесного селеньица». Навстречу вываливается пьяная компания. Оказывается, тревожный звонок был всего-навсего «остроумным» способом заполучить доктора к столу. Эльдар Комахидзе не возмущается. Свообразный Ионич другого времени, он уже ко всему привык и со всем смирился. Но Нодар! «Дурная комедия», думает он, «бесцеремонная наглость». И мгновенно отмечает про себя и то, что Эльдар, представив его, намеренно не сказал, что он брат районного прокурора.

Нодару ясно, что среди собравшихся присутствуют и люди, причастные к убийству, во всяком случае заинтересованные в том, чтобы это похороненное дело не ворошил новоявленный донкихот. Но даже если не раздвигать рамки романа за счет включения иных, могучих сил и не вспоминать о прекрасной донкихотской беззаветности, совершенно ясно, что поведение Нодара в этом случае можно квалифицировать только однозначно. Несмотря на все, он присоединяется к безобразной пьянке (застольем этого не назовешь), сам напивается до бесчувствия, в какой-то момент успокоив себя: «Выходит, я пошел на поводу у них! Впрочем, неправда, что я считаюсь с ними. Просто я оберегаю престиж моего друга». Бесчувственные тела шофер кладет на носилки. Автобус скорой помощи развозит их по домам.

Автор нагнетает атмосферу отчужденности. Хотя герой непосредственно причастен к большой науке, ощущение масштаба жизни отсутствует (сцены в ресторанах, заграничные поездки и т. п. такого ощущения не рожают). Он живет тяжелой, раздвоенной жизнью, не в ладу со своей совестью и тем, что сам считает правильным и ценным. По ту сторону его одиночества люди, но только как объекты, предметы наблюдения (исключения не составляет собственная семья), истинно человеческого общения между ним и ими нет.

Надо отметить и то, что потенциальный масштаб личности героя не совпадает ни с масштабом, ни с характером его действий, и показан он главным образом в одной сфере действительности, в любви. Что ж, это знакомо: герой проверяется в любви традиционным классическим отношением мужчины к женщине, испытывается, в какой мере, как сказал Маркс, «человеческая сущность стала для него естественной сущностью». Эка — это то, однажды счастливо дарованное, прекрасное и урупкое, что нужно изо всех сил беречь от враждебных посягательств. Но герой, как истинный эгоцентрик — беспощаден в любви. Не буду ссылаться на соответствующие сцены, ска-

жу только, что он наносит ей глубокие сердечные раны, бес- сознательно, а часто и сознательно. Но и тут раздвоение: он стремится освободиться, быть независимым и глухо страдает при этом, потому что существует, и никуда от этого человеку не уйти — зависимость от любимых людей, от их самочувствия, настроения, присутствия или отсутствия.

«Я никого не люблю и вряд ли полюблю в будущем. Пойми, я и сам не знаю, что со мной происходит. Ты думаешь, я охладел и не люблю тебя больше? Что ж, возможно, я действительно уже не люблю тебя, но не знаю, смогу ли жить без тебя... Я устал, смертельно устал, я выхолощен, а в душу мне закралась ржавчина. У меня ни к чему нет интереса. Ничто меня не волнует, даже на преодоление простейшего препятствия у меня недостает энергии, и я в отчаянии. Наверное, я неточно выражаю то, что хочу сказать! Что меня утомило, что выхолостило! Я вроде бы не болен, и на бессилие жаловаться грех. Что же тогда расслабило мою душу!»

Это еще не законченно-негативное мироощущение, но близко к тому. Если и в этом случае говорить о «положительных» и «отрицательных» чертах характера, то, бесспорно, автор не обделил Нодара первыми, то есть положительными. Он умен, талантлив, честен, чутко, как сейсмограф, реагирует на малейшее проявление фальши. Но дело в том, что эти черты так и остаются отдельными чертами. Отсутствует доминанта, нравственная установка и образуемое ею психосиловое поле: только оно в состоянии собрать и удержать распадающиеся частички души.

«Разорванность» сознания главного персонажа отражается в «разорванности» композиции романа, точнее, подтверждается этой разорванностью, имеющей здесь концептуальное значение.

Композиционно роман этот — монолог, размышление героя со вставными картинками, где важное переплетается со случайным, казалось бы несущественным. Это рождает ощущение живого течения потока сознания, но иногда — и необязательности некоторых частей. Серия снимков с реальности, моментальных кадров, субъективно окрашенный монтаж зарисовок, соседство воображаемого и реального, множественность намечающихся завязок, порою остающихся без кульминаций и развязок. Но в целом субъективированное повествование воссоздает картину реального мира и того мира, который, дробясь, отражается в сознании героя, не имеющего еди-

ной нравственной позиции и, соответственно, кодекса поведения, ибо грустно-скептическая резиньяция перед лицом общественных и личных противоречий не может, к сожалению, называться нравственной позицией.

Трагедия героев Г. Панджикидзе — во внутреннем одиночестве, в закрытости [как говорят психологи] от другого, в конечном итоге в закрытости от себя, в бесчеловечном отношении к себе, к своей глубинной сущности.

Какого конца желал автор, выводя своих героев на круги страдания! Желал им возрождения, собирался в итоге даровать обретение себя! Придут ли они к прозрению, оплаченному ценой страдания! Трудно ответить на эти вопросы. Трудно потому, что концовка обоих романов содержит в себе момент неопределенности, едва ли поддающейся дешифровке.

Напомню конец романа «Седьмое небо». Снова увидев Натю, которую он предал, Леван с головокружительной скоростью мчится в автомобиле по опасным дорогам с единственной мыслью: «забыть это тихое, усталое, полное музыки лицо» и сбогнать, обогнать, оставить позади все встречающиеся в пути машины. В этой бешеной гонке он разбивается. Насмерть! И если выживет, то что дальше! Это остается неясным.

Та же, по-видимому, не случайная, но художественно заданная неясность содержится в концовке романа «Год активного солнца». Тоже после встречи с преданной им Экой герою снится сон, в котором дано символически-метафорическое выражение того же состояния, что и в цитированном выше отрывке о душе, которая «мечется в теле, содрогается и рвется, словно ищет выхода и, не обнаружив его, бьется в отчаянии о стены». Он видит себя в воздушном корабле, между овальных стен которого заключено его «время-пространство». Вместе с ним в корабле и другие, знакомые и близкие, но никто не узнает его, даже брат Резо, даже Эка. «Печаль зажала меня в свои тиски. В таком огромном корабле нет ни единой души, которой я мог бы поведать свою печаль». Одиночество принимает уже космические, совершенно безнадежные размеры. Ему хотелось бы вырваться из этого корабля, избавиться от монотонного и немолимого тиканья часов, но стены прочны и герметичны. Внезапно он замечает крошечную щель, догадывается, что она предназначена для душ, покидающих корабль, принимает решение расстаться с жизнью и просыпается. Потом следует всего строчек тридцать. Герой встает, распахивает окно, холодный, снежный, голубой воздух врывается в комнату, залоняет легкие. Затуманенное сознание проясняется. Понимать ли это в

том смысле, что ночные кошмары уходят в прошлое, что герой готов к обновлению! Не берусь отвечать на этот вопрос, но лично такое решение показалось бы облегченным.

Гураму Панджикидзе близка тема внутреннего возмездия. «Нет печальней измены на свете, чем измена себе самому». А кара приходит к героям не извне, она возникает из их внутреннего «я», из лучших, потаенных глубин души. В мысли, что это так, меня еще больше утвердила интересная повесть Г. Панджикидзе «Реквием» («Мнатоби», 1983, № 3). В отличие от Сосо Сигуа я вижу в ней не симптомы чего-то нового, а сгущение, конденсацию прежнего мотива. Писатель излишне, может быть, нагнетает в ней патологические подробности, но тема прежняя, узнаваемая — тема мстящей за себя нравственной вины, тема внутреннего возмездия.

«— Дед, сколько людей ты убил! — спросил Торнике маленький внук.

— На войне не убивают, хорошенько запомни это. Не дай тебе бог дожить до войны, а то ты сам убедишься, что на войне не убивают».

Дальнейшее содержание повести сводится к тому, что нельзя обмануть собственную совесть и списать на счет войны совершенное убийство.

Человек, поступивший бесчеловечно, автоматически не получает отпущения грехов: в любой ситуации, везде, всегда. «Реквиемность» по несостоявшейся человеческой душе я слышала в романе «Седьмое небо», этими же масштабами измеряется, на мой взгляд, отщепенство героя «Года активного солнца», которому так мучительно не дается духовная и гражданская полноценность.

Темпераментный обличитель негативных сторон нашей жизни, Гурам Панджикидзе немалую долю вины перекладывает на самого человека. Это во все времена было серьезно. Это серьезно и сейчас.

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

ПУТЬ КРИТИКА

●

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
БЕСО ЖГЕНТИ

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ критика как предмет, объединяющий научное мышление и художественное творчество, — наука в высшей степени специфическая. Говорить о человеке, посвятившем себя этому нелегкому делу, очень сложно. Характеризуя его как творческую личность, не приведешь в качестве примера ни стихотворных строк, ни отрывка из рассказа, ни тем более художественного полотна, а прибегать к критическим дефинициям крайне неудобно. Тем не менее все же попытаюсь рассказать об интересной личности и заслуженном литераторе — критике Виссарионе Жгенти.

Трудно составить полное представление о человеке, не зная его биографии, семейных корней, того, как он формировался. Тем более, если многое в этой биографии интересно и заслуживает внимания.

У Виссариона Жгенти было именно такое прошлое, и, возможно, оно в определенной степени обусловило его духовное богатство.

Виссарион (Бесо) Давидович Жгенти родился 14 июля 1903 года в селе Квацixe (Верхняя Имеретия) в со-

стоятельной и культурной семье. Отец его Давид Дмитриевич Жгенти принадлежал к передовому крылу прогрессивной, построенной грузинской интеллигенции и пользовался большим авторитетом. Сердечная дружба связывала его с великим поэтом Грузии Акакием Церетели, с которым он учился в одном классе.

Мать Виссариона Жгенти, Нино, была дочерью Михаила Лордкипанидзе, весьма состоятельного и влиятельного в свое время помещика. Брат ее Николоз (Коля) Лордкипанидзе стал революционером. О его бесстрашии и мужестве слагали легенды, а о героическом конце стало известно во всей Грузии.

В период учения в Кутаисской гимназии Бесо Жгенти жил в семье Коли Лордкипанидзе. Безусловно, история дяди-революционера оказала сильное влияние на него.

Вторым человеком, повлиявшим на юного Бесо, был его старший брат Георгий — удивительно талантливая личность, подающий надежды поэт. Будучи студентом Петербургского университета, он внезапно заболел и скончался. Георгий Жгенти был другом и ровесником известных грузинских поэтов — Шалвы Апахидзе и Сандро Цирекидзе.

Огромное влияние на духовное формирование Бесо Жгенти оказала и Кутаисская грузинская гимназия, которая по тем временам была истинным очагом народного просвещения не только в Грузии, но и во всей Российской империи. Здесь, подобно Тбилисской грузинской гимназии, учеба велась на родном языке. И можно смело утверждать, что этот очаг просвещения сыграл решающую роль в становлении Виссариона Жгенти как личности и литератора.

Уже одно то, что в Кутаисской гимназии учительствовали замечательные педагоги, ученые, патриоты, общественные деятели — Иосиф Оцхели, Силован Хундадзе, Димитрий Узнадзе, Георгий Ахвледзани, Вукол Беридзе, Ясон Николайшвили, Серго Робакидзе (друг Горького, учитель Маяковского); Симон Квариани, Доменти Томашвили, Нико Джапаридзе и Александр Джанелидзе, — говорило о многом.

К литературному творчеству Виссарион Жгенти приобщился еще в бытность свою в Кутаисской гимназии. Подобно старшему брату, он с детства писал стихи. Навсегда запомнился Бесо и его друзьям тот день, когда он впервые выступил публично со своим стихотворением. Это случилось в день смерти Акакия Церетели, которая как громом поразила всю Грузию. Неудивительно, что она потрясла и маленького Бесо, который любил Акакия не только как великого поэта, но и

как близкого его семье человека. Это печальное событие вызвало мальчика и вдохновило на создание стихотворения.

Узнав о смерти Акакия Церетели, директор гимназии Иосиф Оцхели немедленно созвал всех на траурный митинг — своеобразную гражданскую панихиду по великому грузинскому поэту. Именно тогда сообщили ему, что ученик четвертого класса Бесо Жгенти написал стихотворение на смерть поэта. И. Оцхели позвал к себе двенадцатилетнего мальчика и, поскольку тот был мал ростом, поднял его на руки, поставил на стол и попросил прочесть стихи.

На митинге присутствовали не только педагоги и учащиеся гимназии, но и кутаисская интеллигенция. Стихи, прозвучавшие в могильной тишине, вызвали глухие рыдания. Это было первое публичное выступление Виссариона Жгенти.

Учащиеся Кутаисской гимназии издавали рукописные журналы и печатные издания. Молодежь была разбита на отдельные кружки. В одном из таких кружков оказалось несколько одаренных юношей, которые очень скоро стали представлять грузинскую литературу. Кроме Бесо Жгенти, в этот литературный кружок входили Симон Чиковани, Акакий Белиашвили, Николоз Чачава, Давид Гачечиладзе и некоторые другие.

Виссариону Жгенти было восемнадцать лет, когда многострадальная Грузия свернула на новые рельсы и в ней установилась Советская власть.

Духовно рано созревший юноша, воспитанный в атмосфере высокой гражданственности и патриотизма, к тому времени уже сформировался как личность. Но новая советская действительность заново перековала его, приобщив к социалистическим идеалам, сделав его преданным участником новых эпохальных свершений.

Деятельность Виссариона Давидовича Жгенти как критика началась после установления Советской власти. Именно это великое историческое явление определило род деятельности молодого литератора, характер и методологические основы его трудов, их целенаправленность.

Художественная литература как проявление духовной жизни народа и его сущности только тогда стоит на должной для создавшей ее эпохи высоте, когда ей сопутствует, облегчая самоосмысление, соответствующее теоретико-критическое мышление.

Если художественная литература — зеркало жизни, то критика — зеркало литературы. Поэтому любой народ, кото-

рый чтит свое прошлое и гордится настоящим, заботится том, чтобы зеркало его жизни было незамутненным и правды-вым.

На заре новой эпохи, когда Грузия в братской семье советских народов приобщилась к новой жизни, когда ее много-вековая история пошла по новому пути, новая действительность породила новую литературу, которая в свою очередь как сред-ство собственного «саморазоблачения» и самопознания создала совершенно новую литературную критику.

И одним из первых, кто закладывал основы советской критики, превратил ее в действенное оружие советской лите-ратуры, приобщив к делу обновления страны, был Виссарион Жгенти. Правда, это не означает, что уже в 1921 году, то есть с первых же дней установления Советской власти в Гру-зии, он сразу же занял позицию, наиболее точно соответство-вавшую политике Коммунистической партии и Советского пра-вительства в области литературы, хотя она и была близка курсу партийной литературной политики.

В 1921—1922 годах Виссарион Жгенти был одним из ини-циаторов создания кружка грузинских футуристов. Выше от-мечалось, что еще в Кутаисской гимназии организовался уче-нический литературный кружок. Теперь в Тбилиси к этому кружку примкнули прозаик Демна Шенгелая, художник Ирак-лий Гамрекели, критик-литературовед Леван Асатиани, кино-режиссёры Николоз Шенгелая и Сико Долидзе. Именно он стал основным ядром группы грузинских футуристов.

Нельзя не отметить, что Б. Жгенти являлся одним из руководителей и главным идеологом вновь организованной группы. Безусловно, это была корпорация формалистского тол-ка, но она претендовала на революционность, хотя формали-стские и вульгаризаторские ошибки не позволяли ей стать на позицию реалистического изображения действительности. Сле-дует учесть и то, что грузинские футуристы были двадцати-двадцатидвухлетними юношами и предпринятые ими поиски методологических принципов литературы в условиях тогдаш-них повсеместных метаний можно считать не таким уж смерт-ным грехом. Тем более, что практически группа «Левизна» (именно так она называлась) просуществовала всего три-четы-ре года. Возникшая в 1922 году, она развивала принципы русских футуристов — «лефовцев», исповедовала идеи рево-

люции. Ее ядром стала кутаисская группа, Виссарион Жгенти — одним из руководителей, идеологов и теоретиков. Грузинские футуристы имели свои собственные печатные органы, довольно известные периодические издания — журнал «Левизна», газета «Дрозба» и другие.

Грузинский футуризм был весьма специфического свойства. Он полностью сочувствовал Советской власти, чего нельзя было сказать о других литературных группировках 20-х годов. В периодических изданиях «Левизны» систематически печатались стихи Виссариона Жгенти, его теоретические и критические статьи.

В середине 20-х годов начинаются острые дискуссии о формализме, и Бесо Жгенти — один из активнейших участников этих споров. Многие по сей день помнят его выступление в зале профсоюзов, которое вызвало большие литературные распри. В этом отношении заслуживают внимания статьи Б. Жгенти о формализме, опубликованные в журнале «Мнатоби» в 1925-26 годах. Надо сказать, что увлечение формализмом было довольно распространенной в ту пору «болезнью», явившейся своеобразной реакцией на тот факт, что некоторые литераторы не придавали форме соответствующего значения.

Разумеется, обе эти крайности (как неоправданная фетишизация формы, так и полное игнорирование ее значения) вели к неверному пути, и советская литература отвергла их. Однако в то время многое еще было туманным и неясным, неустановленным и необнаруженным, и формалисты считали себя представителями прогрессивного течения, искали соответствующее эпохе «одеяние». Именно «одеяние», поскольку большинство формалистов неверно толковало понятие художественной формы.

В рядах формалистов находились известные в то время литераторы — В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, Б. Томашевский и другие. Они начали с изучения стихосложения, а затем перешли к вопросам сюжета, архитектоники и т. д.

Художественная литература для формалистов была самоцелью, а не формой общественного сознания, выражающей классовую идеологию и отражающей действительность. Им чужда была ленинская теория отражения. «Форма, — утверждали они, — в своем имманентном развитии сама создает нужное содержание».

Но тут же следует подчеркнуть, что все распространенные в Грузии литературные течения имели свою модифика-

16935920
812-1110333

цию, свои отличительные, специфические черты. Иначе и быть не могло. Столь характерное для малых народов обостренное чувство национальной культуры и искусства, которое было присуще грузинской творческой интеллигенции дореволюционного периода, побуждало грузинских деятелей смотреть на все новое с точки зрения национальных грузинских традиций. Именно эта точка зрения обусловила специфику, отличавшую грузинский романтизм, грузинский критический реализм, грузинский символизм или футуризм.

Какова была позиция Виссариона Жгенти по отношению к некоторым формалистическим схемам или взглядам? Он считал тогда, например, что необходимо примирить и согласовать формализм с марксизмом, и все его действия были направлены на утверждение этого тезиса, что, разумеется, было ошибкой. Но ошибкой не только Б. Жгенти, а довольно многочисленной части литературоведов той поры. В ней выразилось своеобразное заблуждение времени, эпохи.

Второе, что характеризовало тогдашнюю позицию Б. Жгенти, да и всех грузинских «лефовцев», это то, что литературоведческий анализ произведения—в первую очередь анализ формы литературного материала и только после этого изучение его (или автора) социального эквивалента, определение идеи и точки зрения, выявление общественной сущности произведения. Таким образом, основной задачей литературной критики провозглашалось изучение структуры художественной формы.

Безусловно, и эта установка была ошибочной. Она являлась своеобразным результатом широко известной теории формалистов, согласно которой искусство и литература представляют собой сумму художественных средств и ничего больше. «Искусство — сумма средств», — гласил их пресловутый лозунг.

В период распространения футуризма и формализма Б. Жгенти опубликовал немало статей. К сожалению, большинство из них, несмотря на множество верных мыслей и положений, талантливых догадок, несмотря на полемическую страстность, убедительную мотивацию и, я бы сказал, определенный дар оказывать эстетическое воздействие на читателя (эстетическое воздействие такое же неперемное условие для критической статьи, как и для стихотворения или новеллы), методологически устарели и в иных случаях неприемлемы.

И все же они по сей день не утратили своего значения с точки зрения истории эстетической и критической мысли, как свидетельство эволюции нашего литературоведения, как ценностно-оценочный, конкретно-исторический материал, рассказывающий об определенной стадии развития грузинской критической мысли.

Бесо Жгенти и сам прекрасно понимал это, и истинным началом критической деятельности считал для себя 1925 год, когда во вновь основанном журнале «Мнатоби» была опубликована его пространная статья «Грузинская литература в 1924 году». В ней отчетливо проявилось острое критическое чутье автора, его квалифицированное умение верно ориентироваться в будущем. В статье двадцатидвухлетний критик рассматривает почти все значительные произведения грузинских писателей того времени и дает им верную оценку. Вслед за статьей в «Мнатоби» последовал опубликованный в журнале «Грузинская литература» «Литературный обзор 1926 года», а затем многие и многие другие. И так — на протяжении более чем полувека критической деятельности Бесо Жгенти.

Кто знает, сколько критиков за это время, не выдержав бремени тяжелой профессии, нашли прибежище в истории литературы или переметнулись в совершенно иные литературные жанры, а то и вовсе удалились от литературы. Виссарион Жгенти до конца остался верен однажды избранной профессии.

Кто знает, сколько бурь пронеслось над его головой! Ведь он принадлежал к тому поколению, которое не получило в наследство готовых, теоретически обоснованных руководящих принципов советской литературы — народности, партийности, идейности. Оно осваивало их в процессе труда и борьбы.

Несмотря на принадлежность в юности к футуристам, Б. Жгенти был чужд нигилистическому отношению к классическому наследию. С самого же начала своей литературно-критической деятельности он выступает защитником прогрессивных демократических и революционных традиций прошлого. Б. Жгенти являлся соавтором доклада, который был зачитан на Первом Всесоюзном съезде писателей (1934 г.). Грузинская литература впервые вышла тогда на всесоюзную арену, получила первое всенародное признание. Опубликованная в дни столетнего юбилея И. Чавчавадзе в газете «Правда» пространная статья Б. Жгенти (1937) заключала достойную оценку наследия поэта. Заслуживающим внимания и весь-

ма симптоматичным был доклад Б. Жгенти на юбилее Н. Бараташвили в Москве в 1954 году, когда во всем Советском Союзе впервые услышали о гениальном грузинском поэте. Мы познакомились с его творчеством.

Однако основное внимание Б. Жгенти было приковано к XX веку и, в частности, к советской литературе. Результатом этого явились его многочисленные статьи почти обо всех выдающихся грузинских советских писателях — Ш. Дадиани, Н. Лордкипанидзе, М. Джавашвили, Л. Киацели, С. Шаншиашвили, Г. Табидзе, И. Гришашвили, К. Гамсахурдиа, Т. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, С. Клдиашвили, А. Абашели, Д. Шенгелая, С. Чиковани, К. Лордкипанидзе, А. Мирцхулава, А. Белиашвили, К. Каладзе, Р. Гветадзе, И. Абашидзе, Г. Абашидзе, И. Нонешвили, Р. Маргиани и многих, многих других. Некоторые из этих работ изданы отдельными книгами. Это был первый отклик грузинской советской литературной критики на творчество современных писателей — оперативный, глубокий, необходимый; это была одна из первых оценок нашей литературной современности и потому оценка принципиально ценная.

Б. Жгенти был бескомпромиссным борцом и удивительно острым, умелым полемистом. Как критик — беспощадным и ироничным. Поэтому и пережил немало литературных боев и столкновений. Но это не мешало ему дружески относиться к оппонентам и, что самое главное, никогда не терять к ним уважения, которым и они не обделяли его. Лучшее доказательство тому тот факт, что писатели, с которыми ему приходилось неоднократно спорить, в самые ответственные и праздничные моменты своей жизни просили именно его выступить с докладом об их творчестве. Б. Жгенти был докладчиком на юбилеях Г. Табидзе, И. Гришашвили, Г. Леонидзе, К. Гамсахурдиа, С. Чиковани. И доклады Б. Жгенти явились подлинным украшением этих торжеств.

Пафос критической деятельности Б. Жгенти заключался в том, чтобы оказать воздействие на современный живой литературный процесс и направить его развитие согласно руководящим принципам советской литературы, опираясь на методологические основы нашего творческого метода — социалистического реализма, в соответствии с требованиями высокой идейности, народности и партийности. Жгенти последова-

Георгий Цицишвили. Путь критика.

тельно боролся за утверждение высоких идейных и эстетических критериев, совершенное художественное мастерство. В этой борьбе он не знал ни усталости, ни отступлений.

Бесо Жгенти действительно был типичным критиком. Он стремился первым дать оценку литературному явлению, первым откликнуться на него живым, острым критическим словом. Его не привлекало создание объемистых монографий, всесторонний анализ уже оцененных произведений. Даже анализируя творческое наследие писателей прошлого, он рассматривал исторический материал в его связи с современностью, с сегодняшним днем, с точки зрения новаторства традиций и их связи с нашим временем. Таковы его труды о Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, Важа Пшавела, Э. Ниношвили, Д. Клдиашвили и других классиках грузинской литературы.

К тому же ряду трудов принадлежат несколько его статей о Шота Руставели. Еще в 1937 году, когда вышел русский перевод «Витязя в барсовой шкуре» для юношества, выполненный Н. Заболоцким, его предворяла вступительная статья Б. Жгенти, впервые знакомившая русскую советскую молодежь с произведением грузинского поэта. В последующие годы при переиздании перевода Н. Заболоцкого статья Б. Жгенти была вновь включена в книгу.

Не надо забывать о том, что специальный Пленум Союза писателей СССР, состоявшийся в дни первого юбилея Ш. Руставели (1937), был открыт докладом Б. Жгенти. По существу это была первая оценка творчества гениального поэта и мыслителя советской эпохой и советским народом.

Свои взгляды имел Виссарион Жгенти как критик и на воспитание литературной молодежи. Он был противником чрезмерной опеки, поглаживаний по головкам молодых литераторов, считая истинной школой художественного воспитания справедливую и принципиальную борьбу. Поэтому не избегал схваток с авторами-новичками, понимая, что настоящий талант критикой не разочаруешь, с пути не собьешь.

Б. Жгенти внес в литературу спартанские методы воспитания молодежи и с такой страстностью, таким темпераментом наускаивал на новичков, что непосвященному человеку могло это показаться враждебностью. Принцип, которого он придерживался, известен испокон веков — воспитай сына во вражде, будет тебе другом.

Трудно назвать другого грузинского критика, который вложил бы столько же труда в дело воспитания молодых ли-

литературных кадров. В связи с этим следует сказать о литературном кружке Тбилисского государственного университета, основанном Б. Жгенти вместе с Нико Кецохели и руководимом им на протяжении многих лет. Подобного кружка с его печатным органом нет ни в одном высшем учебном заведении.

Под редакцией Б. Жгенти вышло восемь томов альманаха этого кружка — «Первый луч». Трудно переоценить его значение. Здесь начинали нынешние славные мастера грузинской литературы: писатели — Р. Джапаридзе, Н. Думбадзе, М. Мачавариани, А. Сулакаури, Р. Инанишвили, Ш. Нишнианидзе, Г. Хухашвили, Н. Киласония, Т. Чиладзе, А. Гецадзе, О. Чиладзе, критики — Т. Буачидзе, Т. Кванчилашвили, Г. Вардосанидзе, З. Чумбуридзе, М. Тодуа и многие другие.

Б. Жгенти не был кабинетным ученым, довольствовавшимся только написанием статей. На протяжении всей своей сознательной жизни он активно участвовал в практической административной деятельности Союза писателей. Более десяти лет стоял во главе этого выдающегося национального и политического значения органа.

Подход к литературному произведению у Б. Жгенти, как у критика, — всегда существенный, прямой и простой, вместе с тем логически и позиционно полностью оправданный. Он не умел с помощью ничего не значащих формулировок или определений обходить наиболее важные вопросы, а всегда стремился к главному — вскрыть основную идею, основное содержание произведения. Никогда не проходил мимо малозначимого факта. Чувство ответственности толкало его быть не только в курсе литературной жизни, но и в центре ее.

Огромный темперамент и эмоциональность обусловили неукротимый интерес Б. Жгенти, его вечное стремление к осмыслению и оценке явлений. Именно это явилось причиной неиссякаемости его критической деятельности, поразительной силы и энергии, которые давали ему возможность в течение одного дня принять участие в трех заседаниях, а к вечеру вылететь в другой город для участия в четвертом.

Поиски постоянных контактов с людьми, народом, стремление быть всегда с ним, желание успеть везде и все (без этого Бесо не был бы Бесо), безусловно, порой отвлекали критика от письменного стола. Но если собрать произнесенные им речи

или опубликованные в периодической печати статьи, отдельные изданные книги или вошедшие в фундаментальные труды бесчисленные очерки, мы получим полное представление о плодотворности Б. Жгенти как критика и литературоведа.

В течение полувека в Грузии не выходило ни одного значительного стихотворения, поэмы, рассказа, романа, пьесы или критической статьи, на которые Б. Жгенти не откликнулся бы публично — произнесенной речью или в большинстве случаев — напечатанной статьей.

Разумеется, у него были и ошибки, он и не скрывал этого. Неопибающегося критика, как известно, в природе не существует. Возможно, некоторые его прогнозы и оценки нуждались в существенном корректировании, возможно, кое-что он преувеличивал, а кое-что недооценил. Но не было случая, чтобы им была поддержана бездарность или увенчан ореолом мнимый талант.

Исправление Б. Жгенти своих ошибок и приведение собственных концепций в соответствие с новыми процессами — своего рода дар ощущать время и подчиняться ему. Гибкость его критических суждений — результат быстротечного, часто противоречивого и бурного времени.

Взять хотя бы такой пример: в конце двадцатых — начале тридцатых годов он как литературный и театральный критик придерживался мысли о том, что драматургические произведения в руках театра и режиссера, в первую очередь, — рабочий материал, которым театр имеет право распоряжаться по своему усмотрению: вносить существенные изменения текстуального и сюжетно-композиционного характера.

Сегодня это императивное утверждение может показаться некоторым странным. Но тогда для него имелось определенное основание. Как известно, то было время, когда оригинальная грузинская драматургия делала свои первые робкие шаги. Вместе с тем они совпали со временем прихода в театр выдающегося режиссера Котэ Марджанишвили. Он принялся за энергичные поиски пьес, отражающих современность, оказывал практическую помощь грузинским драматургам в написании таковых.

Чем же располагал грузинский театр в то время? «В самое сердце» Шалвы Дадiani (1928), явившейся первой во всей многонациональной советской литературе попыткой сатирической комедии (для постановки на сцене пьеса требовала существенных коррективов и лучшей компановки); первым вариантом «Кваркваре Тутабери» (1929); «Как это было?» Карло

16.03.53
010-1110333

Каладзе (1929), нуждавшимися в конструктивных изменениях для лучшей сценической интерпретации.

В еще большей доработке нуждались поставленные в 1929 году пьесы — «Белые» Д. Шенгелая, «Полночь миновала» А. Кутатели, «Да, но...» Г. Бухникашвили и многие другие. Некоторые из этих пьес, поверхностно-иллюстративного характера, требовали дополнительных, более глубоких сцен, иные были типа «ревию» и также нуждались в основательной переработке, другие — композиционно слабые с бесконечным количеством сцен; третьи — лишены драматургического стержня и т. д.

Котэ Марджанишвили — художник, обладавший удивительным вкусом, чутьем, интуицией и художественным тактом, — с целью помочь неопытным драматургам активно вторгался в ткань пьесы, внося существенные коррективы. К иным пьесам он действительно подходил как к рабочему материалу и помогал авторам в создании лучшего варианта. Так же поступал порой и С. Ахметели. Следует добавить и то, что в условиях отсутствия революционного репертуара и в то же время острой необходимости в нем руководители грузинского театра весьма смело обращались с классическими и зарубежными произведениями, стараясь наполнить их революционным пафосом, делая все, чтобы они «зазвучали революционно».

Именно на основе подобной театральной практики, сценической политики (вполне оправданной в то время) и возникла концепция Б. Жгенти о подходе к пьесам как к рабочему материалу.

Однако прошло время, и грузинская драматургия возмужала, обогатилась совершенными произведениями, создала целый ряд классических образцов. Помимо старшего поколения авторов (Ш. Дадияни, С. Шаншиашвили, П. Какабадзе, И. Вакели), на ниве драматургии плодотворно трудились представители среднего и младшего поколений драматургов. Основательно была изучена и грузинская классическая драматургия. Все это, безусловно, изменило отношение к вопросу постановки грузинских оригинальных пьес. Надо сказать и то, что и режиссеров, подобных К. Марджанишвили и С. Ахметели, у нас уже не было.

Именно это обусловило новый принцип подхода к драматургическому материалу, который выдвинул Бесо Жгенти на

дискуссии по поводу инсценировки режиссером Арчилом Чхатишвили «Изгнанника» Важа Пшавела, — принципов неукосновенности (речь шла об основных, важнейших компонентах драматургического произведения). На этот раз Жгенти выступал против грубого посягательства режиссера на пьесу.

Что это? Переход из одной крайности в другую? Нет, это корректив собственных взглядов под влиянием времени, признание и принятие новых взглядов, продиктованных эпохой.

Удивительная осведомленность, глубокое знание прошлого и настоящего, огромная эрудиция, феноменальная память, обостренная интуиция, умение правильно ориентироваться в сложной обстановке, дар провидения — вот что характеризовало Бесо Жгенти.

У него было два кумира: грузинская литература и грузинский театр. И это не случайно. Именно эти два вида искусства — самые мощные средства сохранения и проявления национальности. Из всех видов искусства именно они опираются на национальный язык, за охрану и развитие которого он так самоотверженно боролся.

Верный друг и соратник Котэ Марджанишвили, он был и театральным критиком, внес большой вклад в дело развития грузинского театра. Друг грузинских актеров, их советчик и критик, он был неразрывно связан с грузинским театром. Заведовал литературной частью театра имени Марджанишвили, был одним из основателей Театрального общества Грузии, бессменным членом его правления и президиума. Не надо забывать и о том, что театр имени Марджанишвили открылся пьесой Э. Толлера «Гоп-ля, мы живем!», которую перевел на грузинский язык Бесо Жгенти.

Столь же богатой и плодотворной была деятельность Б. Жгенти и в научно-педагогической области. Автор учебников для школ и университета, один из первых составителей лекционного курса грузинской советской литературы, он долгие годы руководил центром по изучению советской литературы в Грузии — отделом советской литературы Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели АН ГССР.

Страстный пропагандист грузинской литературы, Б. Жгенти являлся членом редакционной коллегии Малой Советской Энциклопедии, научным консультантом Большой Советской Энциклопедии и автором опубликованных в них обзоров и итоговых статей, а также членом редакционной коллегии

капитального многотомного издания «История многонациональной советской литературы» и одним из его авторов.

Кто знает, сколько раз приходилось ему защищать на больших форумах авторитет грузинской культуры, сколько раз прославлял он красоту и изящество грузинского художественного слова! Его знали повсюду как прекрасного оратора, великолепного собеседника. Бесо Жгенти был не просто красноречив, он любил блеснуть своим красноречием. Умел мастерски использовать любой повод, чтобы выступить со словом. И слово это, как правило, всегда острое, своевременное, отточенное, меткое, никогда никого не оставляло равнодушным.

Он не признавал регламентов (даже на телевидении!). Мог говорить целый час вместо полагаемых десяти минут, и говорил так талантливо, что завораживал слушателя, — вот какова была сила его красноречия!

В этом активном желании держать речь выражалась его постоянная жажда схватки со словом. Как истинный поэт всегда стремится к стиху, так и Б. Жгенти стремился к слову. Желание сказать свое слово исходило из внутренней убежденности в его необходимости. Сколько раз я удостоверился в том, что в процессе обсуждения самых сложных вопросов редко кто, подобно ему, мог осветить спорную проблему, разграничить главное и второстепенное, истинное и ложное, художественное и псевдохудожественное.

Неутомимая деятельность Б. Жгенти была по достоинству оценена партией и правительством. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета ГССР, награжден орденами, имел почетные звания.

Его светлый разум, последовательный, логичный, постоянно стремился к истине. Именно благодаря этому позиция его почти всегда была правильной, ошибки преодоленными. Он был в достаточной мере упрямым человеком, но это упрямство выражало не своеволие, а твердость характера.

Действительно, как нужно было любить свое дело, каким надо было быть мужественным гражданином, патриотом и общественным деятелем, чтобы более полувека выстоять на огненном бастионе критики, где каждый миг приносил новую схватку.

Именно таким был критик Виссарион Жгенти.

Гурам ЕНУКИДЗЕ,
секретарь ЦК КП Грузии

СЛОВО О МАСТЕРЕ

ИМЯ Константинэ Гамсахурдиа занимает особое место в грузинской литературе XX века. Редкий писательский талант, глубина восприятия, подлинно национальный дух — вот те качества, на которых зиждется его высокий авторитет не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Поражает многогранность его творческой палитры, самобытность художественного мышления. С первой же фразы читатель узнавал его, любил и до конца доверялся ему, вместе с ним окидывал взглядом прошлое и настоящее, сопереживал его героям. Такое признание — участь больших мастеров. Уже сам тот факт, что народ отождествил созданный им образ великого мастера с личностью самого писателя, с его художественным талантом, — есть лучшее выражение и проявление всенародной любви.

Константинэ Гамсахурдиа был и остается одним из ярчайших мастеров художественного слова. Им пройден большой и интересный жизненный путь, связанный с одной из самых напряженных эпох в жизни народа. К. Гамсахурдиа — свидетель нескольких революций, воочию увидевший и описавший беспримерные в истории человечества по своим масштабам и последствиям войны, годы бурных социальных преобразований. Какое влияние могли оказать на его родину исторические перемены, какой выбор должен был сделать родной народ на этом решающем историческом перекрестке — вот вопросы, которые волновали всех мыслящих людей накануне надвигавшейся

очистительной бури Великого Октября. У писателя, как и у многих его собратьев по перу, оказалось безошибочное чутье в предвидении верности исторического выбора. Передовые сыны грузинского народа стали в авангарде борьбы за возрождение и на протяжении всей своей жизни содействовали тому, чтобы как можно полнее был вклад во всенародное дело создания и становления государства совершенно нового в мировой истории типа.

Отмечая юбилей К. Гамсахурдиа, уместно вспомнить о том, что в последнее время мы с такой же любовью и уважением праздновали юбилейные даты Михаила Джавахишвили, Нико Лордкипанидзе, Галактиона Табидзе... Впереди — юбилей других известных мастеров. И когда мы всесторонне осмысливаем это, становится очевидным, что в грузинскую литературу именно на заре революции — в начале XX века пришло поколение титанического творческого таланта и с высоко развитым чувством гражданского долга.

«Это историческая закономерность — революции создают новые политические, экономические, социальные эпохи, — отмечал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, — подлинной революции всегда сопутствует новая культурная, следовательно, и поэтическая эпоха на основе сложной диалектики развития базиса и надстройки».

Константинэ Гамсахурдиа — один из лучших представителей грузинской интеллигенции нового типа. Он — из поколения грузинских деятелей, выросших на идеях Ильи Чавчавадзе и русских революционеров-демократов. Большая часть из них получила образование в различных научных центрах России и европейских стран. Уровень их образования был высоким, а кругозор мышления многосторонним. Но все-таки решающей оказывалась та позиция, которую они избирали в современной им обстановке, что и определило их роль в служении своему народу.

Давая оценку заслугам Константинэ Гамсахурдиа, следует прежде всего опираться именно на эти критерии. Сложный путь творческих исканий привел писателя в мир тех высоких идеалов, той гармонии,

где открывались просторы для духовного ^{взлета} прогресса культуры каждой нации. Острый ^{глаз} писателя глубоко проникает в лабиринты исторических перипетий, заостряя взор на тех явлениях, которые оказываются решающими в судьбе народа.

«Из-за близости перспективы мы еще не в состоянии должным образом оценить многие величайшие исторические события, в основе которых дата Октябрьской революции, — писал Константинэ Гамсахурдиа в конце двадцатых годов, — сколько одряхлевших, дошедших до черты вырождения культур и языков спасла Октябрьская революция, сколько малых наций вырвала она из рук смерти и забвения!..»

Творчество Константинэ Гамсахурдиа возросло на родной, национальной почве. Как и каждый великий писатель, он стал наследником всего того, что было создано на протяжении веков творческим гением его родного народа. Вслед за своими великими предшественниками — классиками грузинской литературы XIX века Константинэ Гамсахурдиа внес неопределимый вклад не только в возрождение грузинской литературы, но и в достижение ею новых художественных вершин. Он сам говорил: «В бесконечном беге времени наш народ создал свою национальную литературу и историю, свою историческую прозу и фольклор. Мы — наследники всего этого, но мы всегда должны стремиться к тому, чтобы мы, сегодняшние, в меру своих возможностей могли еще и превзойти достигнутое и свершенное. Мы сами обязаны создать достойную нашей великой эпохи культуру слова».

Именно с таким убеждением, утверждая эту писательскую позицию, создавал он свои достойные великой эпохи произведения. Его прекрасные новеллы, замечательные романы «Похищение луны», «Десница великого мастера», «Давид Строитель», «Цветение лозы» вошли в сокровищницу советской литературной классики как яркое свидетельство того, каких высот достигла грузинская советская литература, опирающаяся на принципы социалистического реализма.

В качестве образца достаточно было бы одного романа — «Похищение луны». Этот широкоплановый роман стал явлением для всей нашей литературы не только как пример высокоталантливого художест-

венного отображения советской действительности, но и благодаря острой историко-социальной проблематике, революционной оценке жизненных явлений.

Так же, как явно новаторским является вклад Галактиона Табидзе в овладение грузинской поэзией новых вершин, творчество Константи́не Гамсахурдиа проложило путь дальнейшему развитию и утверждению грузинской прозы, подняв ее на новый качественный уровень. В том, что сегодня современная грузинская проза завоевала столь высокий авторитет в мире, безусловная заслуга и Константи́не Гамсахурдиа, который стоял у истоков современного советского романа.

Константи́не Гамсахурдиа — выдающийся национальный писатель в самом лучшем, в самом высоком понимании этого слова. Боевая направленность его творчества убеждает нас в том, что всякая замкнутость губительна, так как является причиной опасного недуга — провинциализма.

Долг и святейшую миссию всех народов составляет насущная потребность внести свой вклад в единую сокровищницу мировой культуры. И в этом направлении вклад Константи́не Гамсахурдиа — писателя и гражданина особо значителен. Да, национальное в его художественном творчестве обуславливает его общечеловеческий характер и делает его интересным и близким и для негрузинского читателя. Эти две его характерные черты неразделимы так же, как нельзя отделить патриотизм писателя от его интернационализма. «Пусть никто не думает, — говорил Константи́не Гамсахурдиа, — что я уступлю кому-нибудь первенство в дружбе и любви наших соседних народов. Особенно я уважаю наш братский русский народ, его родной язык». Эти слова великого писателя особое звучание приобретают сегодня, когда наш народ готовится отметить 200-летие Георгиевского трактата — этого первого манифеста дружбы русского и грузинского народов.

Общезвестно отношение писателя к братскому армянскому народу, к его истории и культуре: «Долг нашего поколения — никогда никому не дать забыть укрепленное перманентными кровавыми дождями братство армян и грузин, которое будет залогом по-

бед наших народов. Мы должны завещать нашим детям крепко защищать это побратимство».

Союз между народами, братство и дружбу он считал основой успехов и процветания этих народов. Вот что писал он по поводу перевода на украинский язык «Вепхисткаосани» в одной из своих статей: «Сегодня, когда, не маскируясь, на европейском континенте на бессильные народы нападают могучие и хотят навязать им совсем нежелательные власть, формы жизни и творчества, в такое время в Советском Союзе происходит величайшее явление, которому на протяжении нашей истории почти нет равного. Это выход шедевров грузинской культуры для всеобщего освоения во всем Советском Союзе. Победа грузинского театра, победа грузинской поэзии — это вовсе не малозначащие события, а явления, исполненные величайшего смысла».

Тем более это относится и к нашей сегодняшней действительности, к невиданным доселе масштабам культурного строительства республики в последние годы, когда достижения литературы и искусства Советской Грузии, вся наша культура приобрели столь широкий резонанс не только в нашей стране, но и во всем мире. Примечательно, что ленинскую политику в области культуры одним из первых приветствовал Константинэ Гамсахурдиа.

Константинэ Гамсахурдиа вдохновляло все новое, прогрессивное. У него было поразительное свойство быстро постигать происходившие в обществе положительные сдвиги, поддерживать их, становиться их участником. Сохранились написанные им в последние годы жизни письма к руководству республики, где маститый писатель горячо приветствует те процессы оздоровления, ту решительную борьбу за восстановление и утверждение норм жизни, которые были начаты в нашей республике десять лет назад.

«Ничто не сравнимо с радостью быть свидетелем рождения нового и воспеть его», — это слова Константинаэ Гамсахурдиа. Его уверенный голос, его личность, его творчество и сегодня с нами, и сегодня они помогают нам в борьбе за успехи грузинской советской культуры.

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА

И ННИЕ писатели своей взволнованностью вызывают в памяти море, иные — горы — своей величавостью и надменностью, иные же — бесконечную прекрасную степь, покрытую узорами цветов.

Гамсахурдиа — явление совершенно особое. Он — как родной очаг, сложенный из огнеупорного кирпича, хранитель вечного огня, как спасительное дыхание дымка из далекой трубы, которое в снежную бурю коснется вдруг замерзшего и отчаявшегося путника и заставит поспешить на него в надежде согреться душой. Почти столетие он согревает и обнадеживает грузинский народ своими произведениями.

В народе у нас сложилось о писателях такое представление: писатель каждую минуту, каждый миг должен раздувать огонь в грузинском очаге, чтобы не погас он, чтобы не заглохло пламя народное.

Гамсахурдиа — само олицетворение этого пламени, пылающего горна, полыхающего очага.

Он — златокузнец грузинского слова. Утонченность и красота в избытке дарованы слову Гамсахурдиа, но создавал он его не так, как мастертят мишурные серьги, кольца и браслеты, — засучив рукава, с опаленным пламенем лицом стоял он у наковальни с молотом в руке и выковывал из синей стали царские шлемы, боевые доспехи, кольчуги, кинжалы, щиты и мечи...

Вот каков Константинэ Гамсахурдиа.

В молодости он отправился в ученую Европу не в поисках славы или удовлетворения собственного честолюбия, а с целью установить причины той язвы, того недуга, который точил тогдашнюю его родину. И оказалось, что боли Грузии были общечеловеческими болями. Но Гамсахурдиа раньше других понял, что нет общей для всех панацеи от это-

то недуга. Чтобы исцелиться от него, каждый народ должен был искать свои лекарственные травы, свои лечебные воды. И Гамсахурдиа решил вернуться на родину.

Отягощенный многочисленными «измами», он напоминал человека, только что вышедшего из мельницы, с ног до головы покрытого мучной пылью. Но Гамсахурдиа был гордый человек и гордый писатель. Он долго отряхивался и, стяхнув, наконец, с себя всю пыль, предстал перед грузинским народом во всем блеске своего духовного благородства и колхского изящества.

...И с того дня приник он к долам и горам Грузии, как лекарь-чародей, преклонив колени, искал в венчике грузинских слов целительный нектар, именно потому каждое его слово бальзамом ложилось на сердце, исцеляя душевные раны.

Подобно медиуму, он вызывал из прошлого духов предков, молил их возвратить унесенные с собой и забытые уже нами слова, чтобы вернуть утерянные эти жемчужины в сокровищницу грузинского языка. Именно потому Гамсахурдиа — редкий писатель, творчество которого народ, в том числе и я, конечно, знает наизусть.

Поразительный феномен — проза, которую знают наизусть, это удел немногих гениев. Константинэ Гамсахурдиа принадлежит к их числу.

Я сказал, что помню наизусть произведения Гамсахурдиа — может быть, это и преувеличение, но одно несомненно: не было печатной его строки, которую я бы не прочел. Несмотря на талантливость всех произведений Гамсахурдиа, мне кажется, он оставил своему народу два шедевра: «Похищение луны» и «Десницу великого мастера».

В этих двух произведениях обозначены две основные тенденции. В первом из них он воплотил юношескую энергию всего своего поколения, его экспансивность, зов крови, движения восставшего духа и революционные устремления. Подобно тому как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Якоб Гебашвили и Важа Пшавела с трепетом взирали на юные побеги корня иссохшего дуба, он с любовью вглядывался в новую возрождающуюся Грузию. Поэтому мне понятна та самоотверженность, с которой защищал он «Похищение луны» от пустоголовых тогдашних оппонентов. И тут к чести Гамсахурдиа следует отметить: он не позволил отправить свое детище, плод своего труда в приют для беспризорных, он защитил его, уберег, выпестовал и оставил потомкам.

Во втором произведении Гамсахурдиа предстал перед грузинским народом мудрецом, сидящим во главе совета, закаленным и озаренным светом мудрости и опыта народа, на считающего тысячелетнюю историю, проповедником не провинциального, суетного, показного патриотизма, а того истинного, который, подобно реке, берущей начало в вечных снегах Кавкасиони, несет жизнь грузинской земле, принявшимися на ней саженцам.

Он дождался плодов этих саженцев и еще не раз дождется их, как живой, потому что классики тем и отличаются от обыкновенных талантливых и, если хотите, очень талантливых писателей, что им приходится жить одновременно в трех временных измерениях — прошлом, настоящем и будущем, и из них в будущем особенно.

Константинэ Гамсахурдиа — писатель будущего. Мне он представляется одним из родоначальников социалистического реализма в грузинской литературе, и, я думаю, именно «Похищение луны» дало начало нашей сегодняшней высокохудожественной партийной литературе.

Одним из первых он ввел в исторический роман крестьянина, поставив его в один ряд с царями и рыцарями, возложил на него державный венец народного спасителя, устранив тем самым ту несправедливость, которая терзала великого Илью.

Он умел говорить беспощадную правду и всегда на благо народа: «У нас каждый незаконнорожденный жаждет дворянства, каждый бездельник — руководства... Мы постоянно оплакиваем нашу малочисленность потому, что врагов имели несметных, а стоит появиться среди нас великому человеку, мы налетаем на него, как вороны на израненного коршуна...»

Поразительным было столь острое восприятие действительности 30-х годов, художественное ее воплощение в литературе с той смелостью, с какой это делал Константинэ Гамсахурдиа. Работу электросчетчика он сравнивал с воркованием небесного голубя индустрии, а заряженные революционным зарядом таинственные ночи описывал так: «Ночи проносились, как подкованные войлоком скакуны...»

Вольтер говорил, что во времена Гомера книга была такой же редкостью, как в его время — хорошая книга.

Такие книги писал Константинэ Гамсахурдиа.

Я как-то отмечал уже и сейчас повторяю: неправильно думать, что Гамсахурдиа проложил мост между языком Ру-

ставели и современным грузинским языком. Неправильно по-
тому, что от Руставели до наших дней в языке не возникало
ни расщелин, ни оврагов, ни пропастей, через которые надо
было перекидывать мосты. В это время творили Гурамишви-
ли, Саба-Сулхан, Бараташвили, Илья, Акакий, Важа, Галакти-
он и другие.

Гамсахурдиа не нуждается в навязанной ему профессии
строителя — он был искателем жемчуга. Ему удавалось под-
нимать со дна безбрежного океана, именуемого грузинским
языком, жемчужин больше, чем кому-либо другому, потому
что у него были более могучие легкие и более зоркий глаз.
Он бросал эти жемчужины в благодатную почву грузинской
прозы.

Явление гения народ фиксирует с точностью сейсмологи-
ческой станции, регистрирующей подземные толчки. Чем мощ-
нее талант, тем сильнее потрясение. Потому и рушатся во-
круг него все бутафорские литературные дворцы, башни, и
остаются только прочные, стоящие на скале, крепкие строе-
ния.

Константинэ Гамсахурдиа прекрасно знал это, потому в
его бессмертном романе «Десница великого мастера» после
сильного землетрясения рушится половина Картли, и только
Светицховели, благословенный, остается стоять на месте, как
олицетворение силы и красоты народной, как детище великого
мастера Константинэ Арсакидзе.

Несмотря на то, что, выполнив завещание Константинэ
Гамсахурдиа, грузинский народ похоронил его во дворе
«Колхского замка», при упоминании его имени взгляды наши
устремляются на Мтацминду, поскольку в нашем представле-
нии он — там, среди атлантов, своих собратьев по перу, чьи
крепкие плечи поддерживают высокий храм духовной куль-
туры грузинского народа.

Потому и бессмертно имя Константинэ Гамсахурдиа.

С ИМЕНЕМ Константина Гамсахурдиа связан качественно новый этап развития грузинской прозы. В течение полувека читатель ни разу в нем не разочаровывался: все, что выходило из-под его пера, носило печать яркой оригинальности. Не только своим творчеством, но и публичными выступлениями он всегда вел непримиримую борьбу с безликой посредственностью.

Как деятель культуры, как писатель, К. Гамсахурдиа ни разу не изменил однажды выбранному пути. Он честно выполнил свой долг перед народом. И самой знаменательной в этом плане была его готовность качественно преобразить грузинское художественное слово, помноженная на незаурядную творческую потенцию.

Говоря об этом, я имею в виду прежде всего десятилетие нашего века — период, когда борьба за обновление грузинской культуры приняла небывало широкие масштабы. Внешне эта пора кое в чем напоминает шестидесятые годы минувшего столетия, хотя в десятилетие перед нашим народом стояли совершенно другие задачи. Иным было и содержание борьбы за реформацию грузинского художественного слова.

В начале двадцатого века — в эпоху новых революций, в условиях тяжелых последствий первой мировой войны — совсем иначе встал вопрос о существовании больших и малых наций, произошло перераспределение общественных сил, перед некоторыми из которых открылись новые перспективы (тогда как другие

Саргис ЦАИШВИЛИ

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ ПИСАТЕЛЯ

оказались совершенно бесперспективными), и судить об их будущем стало возможным лишь с учетом глобальных масштабов.

Политический и социальный кризис в равной мере коснулся и культурной атмосферы в Грузии. Преодолеть национальную замкнутость и засилье провинциализма было нелегко, и борьба с ними, длившаяся десятки лет, приняла особенно острый характер.

Как в политическом и социальном отношениях, так и в культурном аспекте перед нашим народом возникли новые рубежи, которые он в конце концов сумел преодолеть.

Борьба за реформацию грузинского художественного слова, происходившая на уровне достижений европейской культуры, завершилась явной победой, и в этом — величайшая заслуга деятелей грузинской культуры той эпохи. От них требовалась не только художественная одаренность, но и тонкое, безошибочное чутье, чтобы суметь, с одной стороны, творчески освоить достижения русской и европейской культуры, а с другой — преодолеть неизбежно возникающую в таких условиях тенденцию механического заимствования, слепого подражания.

К чести представителей этого поколения следует сказать, что они никогда не теряли связи с родными корнями, с великими традициями грузинской литературы. В противном случае — и забывать об этом нельзя — все их творческие искания свелись бы к погоне за модой.

Об этом свидетельствует — хотя бы тот факт, что в их

лучших художественных произведениях в большинстве случаев так оригинально раскрыта патриотическая тема.

Константинэ Гамсахурдия вместе с другими выдающимися писателями того времени суждено было стать инициатором борьбы за обновление грузинской культуры. Если преодоление новых рубежей грузинской поэтической культуры связано с именами Галактиона и Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и других представителей литературной группы «голубороговцев», то Нико Лордкипанидзе, Лео Киачели, Михаил Джавахишвили и Константинэ Гамсахурдия были теми первопроходцами, благодаря которым грузинская проза поднялась до высот передовой культуры. Благодатные плоды их новаторства мы ощущаем и в сегодняшних достижениях грузинской литературы.

В авангарде этого общенационального движения стоял Константинэ Гамсахурдия, и, как уже отмечалось, с его именем связаны многие нововведения в области грузинского художественного слова, особенно с двадцатых годов нашего столетия.

Широкий интеллектуальный горизонт и глубоко оригинальное эстетическое мировоззрение писателя в значительной мере были обусловлены творческим усвоением европейской культуры, но главной их гарантией, конечно же, была выработка национальной концепции.

* * *

Не только творчеством, но и самим существованием своим К. Гамсахурдия способствовал созданию той высокоинтел-

лектуальной атмосферы, без которой так легко скатиться в болото провинциализма и мещанства.

Подчеркивая высокий уровень личной культуры писателя, его энциклопедическую образованность, нельзя не вспомнить годы, проведенные им в России и Западной Европе. В частности, он жил в Петербурге, учился в Лейпцигском, Мюнхенском и Берлинском университетах, где ему была присвоена степень доктора философии. Он объездил каждый уголок цивилизованного мира того времени и, как принято говорить, проникся его бурным духом.

Вместе со своими собратьями по перу, вернувшимися на родину в конце десятых годов, Константинэ Гамсахурдиа принес в литературу совершенно новые проблемы, волновавшие мир в то время, поставил новые творческие вопросы, показал необходимость искать новые формы художественного воплощения. Отметим, к примеру, что в грузинской литературе того времени стали все чаще упоминаться имена Артура Шопенгауэра, Фридриха Ницше, Анри Бергсона и Освальда Шпенглера, корифеев французской декадентской школы Стефана Малларме и Поля Верлена, Шарля Бодлера и Артюра Рембо, не говоря уже о поэтах-парнасцах, голос которых отдаленным эхом доносился до Грузии десятых годов.

В грузинской прозе явно ощущалось влияние импрессионистского художественного видения (Нико Лордкипанидзе, Лео Киачели), а первые художественные произ-

ведения самого Гамсахурдиа довольно ощутимо связаны с экспрессионистским мироощущением.

Я, конечно, далек от мысли повторять то naïвное высказывание, которое и поныне можно слышать иногда в нашей критической литературе, — будто в Грузии было столько же направлений, сколько в Европе и России того времени.

На самом же деле главным здесь был процесс поэтических исканий. Лучшие грузинские писатели той поры охотно раскрыли двери модернистской поэтике и смело обращались к разнообразным экспериментам. Настоячивость этих исканий поразительно расширила масштабы художественных достижений и выявила новые возможности для проникновения в самые сокровенные глубины человеческой души.

Действительно, уже в первых новеллах Константинэ Гамсахурдиа явно чувствуются элементы экспрессионистского мироощущения, где психологизм заменяется антипсихологизмом, а художественное воплощение действительности — описанием реальности, выявленной экзистенциальным постижением самого же писателя. Экзистенциальная тема отчужденности, которая в то время так тотально овладела художественным миром (Джойс, Кафка и др.), не была чуждой грузинскому писателю. Явно экзистенциалистское кредо выражено в его ранней новелле «Встреча с мертвецом».

В известном романе Гамсахурдиа «Улыбка Диониса» сразу же бросаются в глаза та-

кие характерные для экспрессионистской прозы художественные средства, как гипертрофированное символическое мышление. Все это и в то время, а иногда даже в наши дни представляет собой немалый соблазн для критиков. Дело в том, однако, что специфика художественной формы мешала им правильно увидеть и должным образом оценить основную, ведущую тему этого замечательного произведения — тему, которая вообще чужда декадентской литературе упомянутого типа. Иными словами, главное тут не в том, что образ самого Константинэ Саварсамидзе нарисован средствами декадентской поэтики, а в том, что здесь показана трагедия личности, оторванной от родной почвы: «Тайя Шелия, я один в этом дремучем лесу... Тайя Шелия, ночь настигла меня в середине моего жизненного пути... Может, ты, ты выведешь меня на дорогу из этого дремучего леса...» Здесь взаимоотношения личности и общества, личного и национального начала отражены в таком ракурсе, который в принципе отвергает основные постулаты экспрессионизма.

Все вышесказанное тем не менее подразумевает и то, что «Улыбка Диониса» для творчества Константинэ Гамсахурдиа была произведением этапного значения, одним из первых провозвестников успешного завершения многолетних исканий писателя. «Повторяю, чистейшая национальная литература начинается там, где преодолено постороннее влияние», — писал в связи с этим сам автор «Улыбки Диониса».

Со дня создания первых шедевров Константинэ Гамсахурдиа прошло уже более полувека. Это не такой малый срок для того, чтобы плохо сложенная крепостная стена дала трещину, поблекли краски на выполненном незрелой рукой рисунке.

Как читает сегодня Константинэ Гамсахурдиа современный читатель? Что в его творчестве ценно и непреходящее, а что — эфемерно и недолговечно? Вот те вопросы, на которые должна дать ответ наша современность и, конечно, последующие поколения. Ибо поистине значительное художественное творчество рождает все новые и новые вопросы, толкая каждое последующее поколение к новому прочтению, новому осмыслению.

Во всяком случае одно совершенно ясно и бесспорно: на пути обновления современной грузинской прозы Константинэ Гамсахурдиа — один из первых зачинателей этого процесса. Вместе с другими упомянутыми выше грузинскими писателями ему пришлось решать такую же сверхзадачу, какую в области поэтического слова так успешно решили Галактион Табидзе и все поколение поэтов — «голубороговцев».

Трудно переоценить заслуги Гамсахурдиа перед грузинской литературой. Ведь он первым создал такие многоплановые романы, как «Улыбка Диониса», трилогия «Похищение луны», во многом — и справедливость требует подчеркнуть это —

подготовившие тот небывалый подъем грузинского романа, свидетелями которого мы сегодня являемся.

Все мы хорошо помним настойчивые и даже несколько упрямые рассуждения Константинэ Гамсахурдиа по поводу выдвинутой им так называемой «теории дистанции». Писатель осторожно, словно ощупью двигался вперед, стремясь художественно отобразить грандиозные социальные сдвиги, происходившие в нашей стране. Теория осталась теорией, а победило все же неудержимое стремление художника ко всему новому: в конце концов для истинного писателя изображение действительности всегда было самым серьезным испытанием его творческих сил.

Результат оказался и вправду грандиозным. «Похищение луны» — нечто гораздо большее, чем просто летопись развития нашей страны в 30-х годах. Это — широкомасштабная художественная эпопея, в которой с таким высоким мастерством запечатлен дух эпохи, созданы образы людей, преобразенных новыми историческими сдвигами, художественно обоснованы будущие перспективы с точки зрения автора.

На пути развития современного романа «Похищение луны» как в художественном, так и в идейном плане — одно из самых высоких творческих достижений не только в грузинской, но и вообще в советской литературе.

Константинэ Гамсахурдиа является также одним из

признанных основоположников грузинского исторического романа. В возрождении этого исключительно емкого жанра ему принадлежит, как говорится, львиная доля. Здесь еще раз проявилось энциклопедическое образование писателя, его способность глубоко вживаться в события далекого исторического прошлого.

Как известно, качественное отличие нового исторического романа от сочинений древних, в том числе античных историков, состоит прежде всего в том, что исторический материал здесь уже фактически лишен самостоятельного значения — по существу на прошлое проецируется современная проблематика. Достаточно вспомнить для иллюстрации этого положения таких гениев мировой литературы, как Шекспир, Толстой, Флобер... И советский исторический роман с самого начала опирался на богатый опыт наследия прошлого. На этом пути освоения исторической тематики больших успехов добилась и грузинская литература.

Познавательная ценность исторического романа прежде всего состоит в том, что он создает возможность раскрытия национальных характеров в их исторической перспективе. Без этого он останется простой хроникой.

Традиции исторического романа претерпели радикальное изменение в связи с возникновением и развитием литературы социалистического реализма. Современный реалистический исторический роман исходит из позиций материалистического

понимания истории, утверждая историческое бытие как творчество народных масс, стремясь к созданию широких эпических полотен. Глубокое осознание исторического процесса ведет к реалистическому художественному обобщению. В процессе осмысления исторического прошлого грузинского народа Константинэ Гамсахурдиа шел именно этим путем. Вместе с тем как историк он был и строгим судьей. Писатель ясно показал, что исторический путь народа никогда не бывает устан розами и фиалками, тем более в переломные, значительные эпохи, когда историческая жизнь нации вступает в фазу политических или социальных преобразований. Здесь нельзя не вспомнить, как близка эта точка зрения к исторической концепции великого грузинского историка Иванэ Джавахишвили и как далека она от так называемой «исторической беллетристики», отравленной дурманом самолюбования и искренности, — от тех произведений, которые, надо сказать, нередко в современной грузинской литературе.

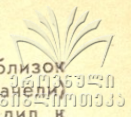
К чести писателя следует сказать, что в процессе овладения историческим материалом Константинэ Гамсахурдиа, как в свое время Флорен, всегда выбирает трудный путь. Он переносит центр тяжести на создание колорита, подробное и точное описание исторических аксессуаров, достигая тем самым высокой художественной правды и завоевывающая доверие читателя.

Однако между строк его произведений мы ощущаем биение пульса нашей современной эпохи, глубже осмысливаем ту проблематику, кото-

рая не только вчера, но и сегодня волнует нас, заставляет задуматься о завтрашнем дне. Именно это обостренное чувство связи времен, своеобразный симбиоз прошлого и настоящего и придают историческим романам Константинэ Гамсахурдиа непреходящую ценность.

Широкая образованность, современное осмысление истории с самого же начала оберегали писателя от тяжелой болезни — национальной замкнутости и ограниченности. Он был одним из первых мастеров слова, воспевших единую, неделимую Грузию, и твердо верил, что грузинский народ вместе с другими братскими народами внесет свой достойный вклад в борьбу за высокие общечеловеческие идеалы.

Константинэ Гамсахурдиа вообще не стремился к фиксации социальных характеров, что, видимо, и не было основным направлением его художественной задачи. Это тем более проявляется в исторических романах, в которых главным образом поставлены проблемы и даны художественные картины переломных исторических эпох. Но у него как у художника проявилась одна особенность, которая, к сожалению, не отмечена нашей литературной критикой, — писатель строит характеры прежде всего на основе национальных черт, и персонажи его романов — будь то царь или пастух, интеллигент или невежественный земледelec, художник или каменотес — прежде всего грузины, хотя они, разумеется, не лишены ни социальных черт, ни соответствующей идейной нагрузки. Потому так

близки и даже сродни каждому из нас герои Константи́нэ Гамсахурдиа, будь то Саварсамидзе или Тараш Эмхвари, царь Георгий или Константи́нэ Арсакидзе, Давид Строитель или Георгий Чкондидели, Шорена, Дедисимеди или Тамар Шервашидзе.

Великолепный знаток грузинской мифологии, Константи́нэ Гамсахурдиа сумел настолько глубоко вжиться в историческое прошлое своей родины, что для него, на первый взгляд, не составляло никакого труда воссоздание атмосферы этого далекого прошлого в своих шедеврах. Мы говорим «на первый взгляд», чтобы еще раз напомнить, что за удивительной легкостью и прозрачной поэтичностью его повествования стоит, разумеется, немало бессонных ночей, проведенных в напряженном, тяжелом труде мастера слова — долгих и мучительных творческих исканиях и сомнениях, оправдываемых редкими, но такими драгоценными минутами озарения. Все это, конечно, скрыто от взора читателя, но не нужно быть особенно искусственным в литературных вопросах человеком, чтобы понять, как важно было знать свою родину — не только ее далекое прошлое, но и настоящее — в ее удивительной этнографической многогранности, для того чтобы суметь так великолепно использовать этнографические и фольклорные особенности, которыми отличаются различные уголки Грузии, для того чтобы выразить свою точку зрения по вопросу ее объединения.

Константи́нэ Гамсахурдиа (и

в этом ему особенно близок незабвенный Лео Киачели) одним из первых возродил к новой жизни тему легендарной Колхиды, преданную забвению с античных времен.

Туманные пейзажи Колхиды, земли древнего Эгриси, таинственного края болот, населенного сказочными «очкочками» — злыми великанами, все эти с детства питавшие его богатую фантазию картины, знание древней и удивительно самобытной культуры, всосанное с молоком матери, ощущаются в каждой фразе, в каждой зарисовке.

По общему признанию, уже в «Похищении луны» автор настоятельно утверждал мнение о духовном родстве картвельских племен, которое и привело их в дальнейшем к осознанию жизненной необходимости объединения всей Грузии.

На пути развития грузинской литературы XX века Константи́нэ Гамсахурдиа одним из первых предложил читателям редчайшие образцы поэтической прозы. Также одним из первых овладел он ультрасовременными методами построения текста и подтекста.

Разумеется, творческий портрет писателя не будет полным, если не вспомнить его большой вклад в дело перевода на грузинский язык шедевров мировой литературы.

Целые поколения выросли на его переводе «Страданий молодого Вертера» Гёте, выполненном совершеннейшим поэтическим языком. Большой вклад внес К. Гамсахурдиа в нашу литературу и своими эссеистическими работами. Помимо того, что эти статьи расширяли интеллектуальный горизонт читателей, они спо-

собствовали также утверждению современного стиля в грузинской критике.

Константинэ Гамсахурдиа был не только защитником грузинского языка в нынешнем его состоянии, но и одним из самых самоотверженных тружеников на поприще его дальнейшего обогащения и совершенствования. Как и подобает настоящему Мастеру, он не только создал свой собственный, присущий ему одному художественный стиль, но и благодаря своим неутомимым творческим исканиям придал новый блеск грузинскому слову, выкованному и отточенному на протяжении веков. Вместе с тем нельзя не отметить, что он оставил неизгладимый след в деле возрождения прерванного превратностями времен естественного развития грузинского языка. Об этом много говорилось и еще не раз будет сказано в будущем, так что останавливаться на этой теме я не стану. Добавлю только, что и сегодня писатель остается нашим живым союзником.

По своей натуре Константинэ Гамсахурдиа никогда не был сухим кабинетным работником. На протяжении полувека я лично не знаю ни одного сколько-нибудь значительного социального или культурного события, в котором писатель не принял бы активного участия. Нам и сейчас хорошо памяты его страстные речи, острые полемические статьи. Таким же остался он и на склоне своих лет, когда восторженно принял развернувшуюся в республике борьбу за оздоровление моральной атмосферы.

По его мнению, литература, стоящая в стороне от злободневных проблем жизни, — самого же начала обречена влачить жалкое существование.

Сам факт того, что мы сегодня с таким торжеством отмечаем юбилей писателя, еще раз ярко подтверждает ту особую заботу и внимание, с какими относятся партия и правительство к нашей литературе, да и не только к литературе, вообще ко всем областям многогранной и самобытной грузинской культуры.

Судьбе художника и его священной миссии — выражению сокровенных чаяний народа — посвятил Гамсахурдиа свой шедевр — роман «Десница великого мастера». Так же, как Галактион Табидзе увековечил в своем великолепном стихотворении славу и величие замечательного храма Никорцминда, так и Константинэ Гамсахурдиа прославил в этом романе единственный в своем роде, неповторимо прекрасный собор Светицховели — памятник, ставший вечным символом единой Грузии. «Искусство само по себе — бессмертие. Лишь великого мастера не постигнет смерть... Тысячелетия сотрут с лица земли все. Лишь Светицховели пребудет вовеки, как борющийся с богом и смертью Иаков».

Так приобщилось имя писателя к бессмертию Светицховели, и будет оно вечно живо в сознании грузинского народа. Этой завидной участи воистину достоин великий мастер грузинского художественного слова — Константинэ Гамсахурдиа.

ДОРОГОЙ Сергей Ле-
ванович!

С радостью узнали о присвоении Вам звания Героя Социалистического Труда. Откровенно говоря, этого давно ждали. Старые «горьковцы» — хоть мы и находимся сейчас на суше, но продолжаем считать себя членами Вашего экипажа, — сердечно поздравляем Вас. Надеемся, что к этому поздравлению присоединятся все те, кому знакомо имя капитана дальнего плавания Сергея Левановича Дондуа.

Мне позвонил из Москвы молодой грузинский журналист, сообщил, что навестил дома приехавшего в отпуск капитана, который принял его радушно, однако согласия на интервью не дал.

— Может быть, Ваш дружеский звонок поможет, — попросил он меня.

«Вы же знаете, что эта награда принадлежит всему экипажу, а не только мне», — ответили Вы мне. Кто с Вами знаком, тому хорошо известно, что в этом нет ни малейшей позы, это лишь еще одно проявление Вашей удивительной скромности. Это и заставило меня обратиться к Вам с этим открытым письмом.

Илья РУРУА

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КАПИТАНУ

●
О черк

Перевод Зураба МАЧАБЕЛИ

Что и говорить — экипаж Ваш сполна соответствует фламану Советского пассажирского флота. Какой замечательный командный состав, какие трудолюбивые люди! О командирах и рядовых — я постарался более подробно рассказать в моей книге, вышедшей на грузинском языке. Но сегодня они снова все передо мной, начиная от Вашего первого помощника Игоря Ивановича Зайцева — души экипажа, — как и подобает настоящему комиссару, многое сделавшего для сплочения коллектива. Лучший тандем капитана и его первого помощника трудно себе представить.

А каков наш «дед» — внешне всегда спокойный, невозмутимый Владислав Мефодиевич Иванов! Какой абсолютный слух хорошего музыканта у главного механика, какие зоркие глаза, без которых не обойтись председателю комиссии народного контроля.

С каким взаимопониманием, как слаженно работают хрупкая, почти воздушная хозяйка судна Галина Федоровна Поднебесная, неутомимая Нина Евгеньевна Рожнова, завпроизводством Иван Яковлевич Чебанюк — настоящий украинский богатырь-фронтовик, прошедший со своим пулеметом славный боевой путь от стойких стен Сталинграда до победенного Берлина. Это благодаря их организаторским способностям и энергии в основном успешно была решена проблема обеспечения сервиса на уровне высших мировых стандартов. Зная, что на нашем судне работает Иван Яковлевич, фирмы не находят нужным брать своих поваров, как это обычно практикуется на иностранных пассажирских судах.

Рядом с Вами работают многие моряки, потомственные или же по призванию, которые даже не могут представить себе другой жизни. Один из Ваших достойных помощников Олег Михайлович Шаповалов — внук Михаила Федоровича Шаповалова, человека, имеющего большие заслуги перед Советским морским флотом, воспитавшего сотни капитанов, в том числе и Вас.

Вот уже более сорока лет плавает Мария Васильевна Забегайловская. Для этой энергичной, неутомимой, стойкой женщины корабль, можно сказать, стал родным домом.

Наш флот может гордиться людьми, подобными матросу Виктору Сергеевичу Соловьеву и машинисту Модесту Александровичу Цветкову. А сколько таких в экипаже!

Мне повезло, что довелось познакомиться с такими людьми.

Чуткость и доброжелательное отношение руководителей Одесского пароходства, в первую очередь обаятельного Владислава Сергеевича Петухова, тогдашнего начальника управления пассажирского флота, а ныне председателя ВАО «Морпасфлот», сделали возможным для меня, грузинского писателя, пожелавшего написать книгу о славных тружениках моря, временно стать членом экипажа Вашего судна.

Попав впервые на флагман Советского пассажирского флота, ознакомившись с его комфортом, с автоматическими установками, оснащенными по последнему слову техники, окинув взглядом навигационную аппаратуру и компьютеры, я подумал про себя — быть сегодня капитаном, видимо, не так уж трудно. С точки зрения физической нагрузки, возможно, так оно и есть, однако насколько возросла нагрузка интеллектуальная! Тут уже не приходилось удивляться множеству инженеров, техников и специалистов самого высокого класса, работающих под руководством капитана — интеллигентного человека в самом высоком понимании этого слова.

В течение тех двух лет — сначала в атлантических круизах, а затем во время кругосветного путешествия — будь то в шторм или при штиле — я не раз был свидетелем Вашего высшего «морского пилотажа» — у идиллических берегов Вестиндийского архипелага, даже в адском кипящем котле «Бермудского треугольника», между Полинезийскими островами, усеянными ловушками подводных рифов, или в лабиринтах лазурных фиордов Норвегии, в постоянно бушующем море Арафура или в укрощенной воде Панамского канала... Вы всегда, и в обстановке полного спокойствия, и в тревоге, были одинаково невозмутимы. Морская закалка и воля, проступавшие на Вашем спокойном лице, надежно прикрывали внутреннюю напряженность, и нами овладевало ощущение полной безопасности в необъятных просторах воды.

С Вашего любезного разрешения я имел право в любое время находиться на капитанском мостике. Вот строки из моей записной книжки, родившиеся после того, как мы прошли пролив Босфор:

«Пленительное зрелище представляет голубой экран люка, на котором, подобно золотым рыбкам, рассыпаны малюсенькие ромбики находящихся в акватории кораблей. Один из них плывет нам навстречу, и я располагаюсь недалеко от капитана у огромного окна из цельного стекла. В темноте разбираю сигнальные огни встречного корабля, которые сво-

им зелено-красным сиянием пробиваются сквозь ночной туман. Сергей Леванович пристально смотрит вдаль и говорит:

— Частично перешел на нашу сторону фарватера капитан, видимо, новичок!

Я только сейчас заметил, как недалеко от нас выступил из глубины моря черный силуэт огромного корабля. Капитан быстрым четким шагом вышел на открытую часть мостика, взглянул на погруженные в темноту горы и отдал приказ о корректировке курса. В глазах молодого помощника мелькнуло удивление, но капитан, даже не взглянув на него, спокойно добавил:

— На месте обхода, Геннадий, для маневрирования под килем остается вполне достаточная глубина.

Конечно, каждый капитан обязан знать все морские данные о районе плавания судна, они точно указаны на картах и в лощиях, но меня поразила форма внешнего проявления этих знаний.

Удивительно, откуда, как, даже не бросив взгляд на приборы, представил себе этот человек так ясно по ориентиру, известному только ему одному, рельеф подводной части суши; как определил на глаз в абсолютной темноте столь незначительное отклонение танкера от курса, и, наконец, как заключил с такой уверенностью, что капитан танкера новичок и неопытен?!

Хочу спросить, но воздерживаюсь, так как ему сейчас не до меня. К тому же знаю, если даже спрошу, то просто ответит: «Никакой мистики, все очень просто!..»

И все же, дорогой капитан, позвольте не согласиться с Вами. Мне известно немало случаев, когда Вы заставили заговорить прессу и удивили бывалых моряков. Вспомним хотя бы случай в сан-хуанском порту, когда обосновавшиеся в Пуэрто-Рико антисоветски настроенные элементы каким-то образом смогли взорвать бомбу в воде, в непосредственной близости от нашего корабля. Какой паникой были охвачены тогда туристы! Представитель порта в ультимативной форме потребовал перевезти всех (семьсот) американцев в город и разместить их в фешенебельной гостинице. А Вы в ответ поставили на ноги весь экипаж, будучи уверенным в глубокой патриотической сознательности, внутренней готовности и самоотдаче советских людей. Вместе с Вами здесь решающую роль сыграл тогдашний главный механик судна, ныне главный инженер Черноморского пароходства Андрей Зиновьевич

Бондарев. Осмотрев разрушенную взрывом часть судна, быстро оценив обстановку, прикинув свои возможности, квалификацию и знания людей, он сказал, что к утру сможет силами команды ввести в строй левую рулевую машину. И люди сдержали слово.

Когда было объявлено, что круиз будет продолжен, туристы были поражены. Восхищенные отвагой советских моряков, они выразили свои чувства в коллективном письме.

Вы отлично понимали, что наше государство не остановилось бы перед непредвиденными расходами, однако были озабочены тем, что мог пострадать престиж советской морской туристической фирмы. Ведь именно эту цель и преследовали провокаторы. И Вы мужественно взяли на себя огромнейшую ответственность — рискнули вывести в океан корабль с пробоинами в борту.

Это была не единственная возможность убедиться в том, что советским лайнером, представляющим нашу большую страну в морях и океанах, управляет смело и самостоятельно мыслящий капитан.

Мы не удивляемся, что руководители зарубежных туристических фирм и капитаны их кораблей с особым уважением встречают прибывающего в крупнейшие порты нашего любимого капитана.

Из достоверных источников мы знаем также и то, что многие вопросы, связанные с развитием Советского пассажирского флота, не решаются без Вашего, совместно с другими специалистами, участия. О Ваших незаурядных способностях, высоком профессионализме, о Ваших личных достоинствах ходят легенды, хотя Вы их усердно отрицаете и называете «сплошной чужью».

Не скрою, я часто задумывался, каким образом человек, рожденный не в приморском городе, в семье врачей, оказался так ярко одарен «морскими» способностями? Но как моряк Вы родились и выросли в Крыму — в колыбели славы русского морского флота. В шестилетнем возрасте, после кончины отца, мать из Тбилиси увезла Вас в родной Крым. Верная памяти мужа, всесторонне образованная женщина, она больше не выходила замуж, заботливо воспитывала единственного сына по образу и подобию отца. Как-то я слышал от Вас, что последним словом матери было имя отца, оставшегося за пределами Вашей памяти.

Вы, прославленный капитан Советского пассажирского флота, являетесь также и одним из главных воспитателей его кадров. Ведь о том, чтобы попасть на Ваш корабль, мечтает каждый истинный моряк. Сколько бывших Ваших учеников, благословленных Вами капитанов плавают сегодня в морях и океанах! Хотя бы поэтому хочется напомнить Вам встречу «Максима Горького» и «Шота Руставели» в Тихом океане, когда мы шли в Новую Каледонию. После обмена традиционно-официальными радиоприветствиями в салоне мостика нашего лайнера звучали согретые безграничной любовью и признательностью к Вам слова. Мы чувствовали, что Ваши воспитанники вырывали друг у друга из рук микрофон. Впервые увидел Вас несколько смущенным и растерянным, неоднократно повторявшим: «Ну, ребята, ладно, ладно!.. Большое спасибо!»

Тогда я узнал, что на мостике второго советского судна стоял Валентин Иванович Сидоров, работавший у Вас вторым, затем старшим помощником капитана на теплоходе «Тарас Шевченко» и что на «М. Горьком» он Вас подменял во время отпусков. О высокой репутации Вашего ученика говорит тот факт, что он сейчас работает представителем ММФ в Генуе.

Неоценима Ваша заслуга хотя бы в том, что Вы первый вывели советский лайнер на самый трудный туристический рынок, который до этого безраздельно принадлежал английским, итальянским и голландским знаменитым фирмам, знаменитым своим сказочным сервисом, суперлайнерами. Поэтому первое появление рядом с ними «Максима Горького» боссы туристического бизнеса и наши недоброжелатели оценили как «очередной вызов Советов», как «обреченное начинание». Прошло всего лишь два года, и фрахтовку нашего корабля стали оспаривать американские и западногерманские фирмы. Созданный Вами, сплоченный единым патриотическим духом экипаж, состоявший из 400 человек, с достоинством справился с почетной задачей Родины. Это было достигнуто неослабной работой.

Вновь обращаюсь к моей записной книжке:

«Наш капитан дал экипажу еще один полезный урок того, что человек никогда не должен довольствоваться достигнутыми знаниями. Он как-то узнал, что на лайнер «Франс» перед американским круизом пригласили из Парижа для консультации и обучения обслуживающего персонала самого при-

знанного специалиста и законодателя сервиса. Стараниями Сергея Дондуа эта француженка оказалась в одном из залов на «Максиме Горьком». Когда персонал ресторанов собрался для встречи с ней, выяснилось, что с блокнотом и карандашом пришел только один человек — сам Сергей Дондуа. После окончания первой консультации капитан хорошенько пожурил членов экипажа: вы сидели с таким видом, будто ничего нового и интересного не слышали. А нам надо постоянно учиться, повышать квалификацию. Никогда не забывайте этого. На второй день на занятиях шумно шелестела бумага... Через несколько дней я был свидетелем, как капитан передал переписанные набело собственные записи начальнику службы и, поручив ему провести занятия по этим записям, добавил, что сам лично проверит знания людей».

Ваш корабль является своеобразной школой морского воспитания и закалки, школой пополнения и углубления знаний. Какую большую пользу приносят командирам хотя бы утренние оперативные совещания, которые Вы проводите в исключительно деловой обстановке, целеустремленно и к тому же непринужденно. Не помню, чтобы они длились больше 15 минут. Все сразу оказываются в курсе всех событий, заряжаются деловым настроением. Вы никому не досаждаете нравоучениями, даже голоса не повышаете. Только однажды помню Вас рассерженным, но Вы были тогда столь справедливы, что этим никому не причинили душевной боли.

Хочется напомнить Вам и общее собрание экипажа, на котором обсуждали недостойный поступок двух молодых барменов. Было много возмущенных ораторов, требовали особенно наказания виновных. А как Вы начали свое выступление: «Сюда я шел с таким чувством, с каким идут на панихиду близкого человека»... Внезапно нами овладело совсем иное чувство, полное отцовского огорчения по поводу случившегося. Не обошлись виновники и без Вашего порицания, но все Ваше выступление было проникнуто заботой о том, чтобы после снятия с плавания эти молодые люди не свернули на кривую дорогу жизни.

Ваша справедливая строгость обычно больше всего обрушивается на людей с мещанскими склонностями, так как Вы глубоко убеждены, что коррозия человеческой души возникает в первую очередь из этого порока. Вы не относитесь к числу тех, кто проповедует одно, а делает другое.

Редко приходилось встречать человека, в личности которого так органично сливаются строгая требовательность и волнующая чуткость. С самого начала удивило меня то, что время утренних совещаний обычно первое слово Вы представляете главному врачу. Каждый день на нашем лайнере начинался сердечным радиопоздравлением рожденных в этот день членов экипажа. Никто из них никогда не был обойден вниманием, поощрением за беззаветную верную службу на корабле, но Ваше доброе слово ценится особенно высоко.

Вы хорошо знаете, какой у Вас преданный делу экипаж, какие замечательные люди.

«Сегодня у нас было партийное собрание. Обсудили вопрос о принятии в кандидаты в члены партии молодой стюардессы. В самый последний момент одна из рекомендаций оказалась недействительной, так как у рекомендуемого до полного стажа не хватало нескольких дней. Вышло, что вопрос надо было отложить. В это время встал капитан и заявил — я буду рекомендатором, если разрешите написать характеристику сразу же после окончания собрания. О стюардессе говорил так, что на глазах взволнованной девушки появились слезы».

Хочу вспомнить еще один случай, дорогой Сергей Леванович. Я думаю, что от разглашения этой истории ничье самолюбие не пострадает, поскольку тот, о ком идет речь, известен только Вам:

«Утром зашел к капитану. Он был один и явно чем-то огорчен. Причины он не утаил: только что отсюда вышла девушка, которая заливалась слезами — самозабвенно влюблена в молодого человека, а он даже не смотрит на нее. Просила помочь, говорит, вы все можете... Представьте мое положение! Постарался успокоить ее, убедить, что она должна считать себя самым счастливым человеком, раз природа одарила ее таким большим талантом любви.

Капитан заразил меня своим настроением.

— «Печаль моя светла!..» — завершил он свою мысль. — Скажите, пожалуйста, возможно ли более точное и глубокое определение нежности влюбленной души?!

Я промолчал, не хотелось прибегать к банальному ответу».

Человеку, попавшему в Ваши апартаменты, всюду бросаются в глаза книги. Подбор специальных или же художественных новинок является одной из главных Ваших забот в

период отпуска... Никогда не забуду девятидневный путь из Таити к берегам Мексики, когда мы вдоволь наговорились на литературе — я был поражен Вашей начитанностью и широтой интересов. Начали с нашумевшего в то время прекрасного произведения Г. Троепольского «Белый Бим черное ухо». Сколько тонких, глубокомысленных наблюдений, какое проникновение в художественные пассажи, анализ нюансов... Про одесский период жизни Ивана Бунина, Валентина Катаева и Исаака Бабеля много интересного я впервые узнал от Вас... Вы страстно доказывали, что художественное восприятие Вашего любимого русского поэта Некрасова, его творческая манера и стилистика крайне современны.

В Вашей библиотеке мне приходилось встречаться и с литературой, изданной на иностранных языках. Я слышал от старых членов экипажа, как свободно Вы беседовали с попавшими в свое время на Ваши корабли Морисом Торезом и членами его семьи, Пабло Нерудой, Лоуренсом Оливье... Со своей стороны могу добавить, что в течение нашего совместного плавания Вы никогда не обращались к помощи переводчика.

Вы не раз выражали сожаление, что не знаете грузинского языка и что уже поздно думать о восполнении этого пробела. Но Вы не забываете обитель далекого детства. Последние годы Вы считаете себя обязанным проводить часть отпуска и среди нас, в Грузии. Радует Вас возобновление взаимоотношений с родственниками, приобретение новых друзей, отзывчивость и внимание, которое проявляют по отношению к Вам даже абсолютно незнакомые люди.

Надеюсь, эта связь, скрепленная Вашим добрым, чутким сердцем, никогда не оборвется.

Доброго здоровья Вам, капитан, попутного ветра!

С добрыми пожеланиями, Ваш

Илья Руруа.

К 200-ЛЕТИЮ
ГЕОРГИЕВСКОГО
ТРАКТАТА

Игорь БОГОМОЛОВ

ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

●

КУЛЬТУРНО - ПРОСВЕТИ-
ТЕЛЬСКИЕ СВЯЗИ ГРУ-
ЗИНСКОГО И РУССКОГО
НАРОДОВ В XIX ВЕКЕ

●

ЕЩЕ в XII веке Великий Руставели произнес крылатую фразу: «Друга кто себе не ищет, самому себе он враг», которая стала афоризмом, отражающим высокий смысл отношения грузин к братским народам, и прежде всего к русскому народу.

Идеи интернационализма издревле почитались в Грузии, где в силу сложившихся исторических условий хорошо понимали, что сила народов — в их единении. Именно это обусловило тот факт, что культурно-просветительские связи грузинского и русского народов уходят своими корнями в седую старину. Достаточно сказать, что русские упоминаются уже в гениальной поэме Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» и в творении его выдающегося современника Григола Чахрухадзе «Тамариани».

Просвещенным грузинам издревле хорошо была знакома не только русская духовная культура, но и язык, на котором она создавалась. Без знания этого языка невозможно было интенсивное развитие торгово-экономических и культурно-просветительских связей между Грузией и Россией, берущих начало в глубине веков. Вся дошедшая до нас диплома-

тическая переписка, а также частные послания грузинских царей и других государственных лиц Ивану III, Ивану Алексеевичу и иным государям России свидетельствуют о превосходном владении русским языком.

В XVII—XVIII веках, в силу создавшихся политических осложнений, многие грузинские писатели, ученые, просветители вслед за государственными деятелями были вынуждены эмигрировать в Россию, где ими были созданы очаги грузинской культуры — особо значимые в Москве и Петербурге.

Жившие в России Арчил II, Вахтанг VI и Вахушти Багратиони, Давид Гурамишвили, Мамука Бараташвили, Димитрий Саакадзе и другие вели огромную культурно-просветительскую деятельность, важнейшим инструментом которой являлись переводы. Уже в ту далекую эпоху на грузинский язык были переведены не только памятники церковной литературы, но и сочинения почти всех крупных писателей и мыслителей XVII—XVIII веков (С. Полоцкого, Ф. Прокоповича, Ф. Эмина, М. Ломоносова, Г. Державина и многих других). Характерно, что среди этих переводов были и дидактические сочинения. В частности, в XVIII столетии Г. Чхеидзе перевел и издал «Первое учение отроков» Ф. Прокоповича. В предисловии к этой книге говорилось, что в Грузии, подвергающейся почти беспрестанным нашествиям, учебные книги стали редкостью. Поэтому-то и возникла необходимость перевода их с других языков, и прежде всего с русского языка.

После породнения грузинского и русского народов происходит перелом в истории русско-грузинских культурно-просветительских взаимосвязей.

С начала XIX столетия большое распространение получили переведенные с русского языка многочисленные энциклопедии, предназначенные для детей и юношества. Они включали в себя различного рода сведения, способствовали дальнейшему развитию грузинской педагогики, имеющей многовековую историю. Энциклопедии эти дошли до нас как в рукописном (1817), так и в печатном (1823, 1826) виде. Любопытно, что в 1823 году в Москве была издана «Грузинская азбука для обучения юношества...», составленная Т. Алексишвили.

Большое место заняли переводы русской детской литературы в грузинской периодической печати прошлого столетия. В первом грузинском литературном журнале «Цискари» («Заря») в 50-х годах были опубликованы дидактические басни Крылова, творения Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке»),

Добролюбова («Жалоба ребенка»), Жуковского («Мальчик с пальчик», «Песня сиротки») и др.

Характерно, что в грузинской периодике были не только детские произведения, переведенные с русского, но и дидактические взгляды выдающихся русских деятелей. В этой связи достаточно сослаться на журнал И. Чавчавадзе «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), который в 1863 году опубликовал подборку «Мнение Белинского о воспитании детей».

Этот процесс широко развился и значительно углубился после того, как с конца XIX — начала XX веков в Грузии стали издаваться детские журналы «Нобати» («Дары»), «Джеджили» («Всходы») и «Накадули» («Ручеек»). Эти журналы воспитывали в подрастающем поколении не только любовь к родине, но и глубокие чувства уважения и братского отношения к русскому народу, знакомили детей с лучшими образцами его демократической и гуманистической литературы, расширяли круг их чтения. На страницах грузинских детских журналов широко были представлены произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Некрасова, Тургенева, Чехова, Мамина-Сибиряка, Куприна, Лескова, Станюковича, Григоровича и других. Большое место в детских журналах уделялось биографиям выдающихся личностей (Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Петра I, Суворова и т. д.). Такие жизнеописания имели большое воспитательное значение. Они призваны были вызвать в детях возвышенные интернационалистические чувства и стремление к борьбе за счастье народа.

Произведения русских писателей для детей и юношества выходили в прошлом столетии и отдельными книгами. Так, например, неоднократно издавались на грузинском языке произведения Крылова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Гаршина и других.

Грузинские писатели, педагоги, общественные деятели, уделяя большое внимание воспитанию и обучению подрастающего поколения, заботились о создании учебников и книг для чтения, широко используя, наряду с национальной, и передовую русскую литературу.

Отметим в этой связи, что первый грузинский сборник художественных произведений, предназначенный специально для детей, — «Приятный цветник для отроков, или сборник полезных и избранных сказок, ясных и легких для нравственного изучения» (1842) — был целиком составлен из переведен-

ных с русского языка басен, стихотворений и рассказов. Составитель и переводчик этого сборника А. Цицвинидзе воспользовался материалами из популярных в то время русских детских изданий, пропитав свою книгу ярко выраженными социальными мотивами.

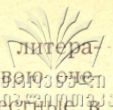
В 1852 году известный писатель, редактор журнала «Цискари» Ив. Кереселидзе переделывает с русского языка сборник «Юношества друг, или книга для чтения, предназначенная для приступивших к учебе отроков», в которой на первый план были выдвинуты нравственно-психологические моменты.

Эти, как и многие другие переводные книги для чтения, знакомили учащихся с элементарными сведениями о внешнем мире, внушали им светлые идеалы гуманизма, любовь к истине, стремление вершить добро, звали к борьбе с темными силами, призывали подражать высоким чувствам и праведным поступкам. Составители этих книг щедро использовали фольклорный материал.

По форме эти книги нередко носили форму диалога, а также ответов на вопросы.

Особо важный вклад в развитие культурно-просветительских связей двух братских народов внес выдающийся педагог, писатель и общественный деятель, один из руководителей национально-освободительного движения Якоб Гогешвили, придававший большое значение изучению русского языка и литературы в грузинской школе. В составленных им учебниках «Деда эна» («Родная речь») и «Русское слово» большое место отводилось лучшим образцам русской детской литературы в переводе и переделках Ак. Церетели, Р. Эристави, самого Я. Гогешвили и других. Заметное место заняли в «Деда эна» некоторые произведения, переделанные Я. Гогешвили из «Родного слова» К. Ушинского, произведения Крылова, Некрасова, Л. Толстого, Тургенева и других, а также образцы русского фольклора.

Я. Гогешвили не столько переводил русские произведения, сколько переделывал, «огрузинивал» их, создавая своеобразные «уподобления» и «подражания». Делал он это сознательно, так как стремился к тому, чтобы дидактико-воспитательный материал легко воспринимался и осмыслился грузинскими детьми.

Следует отметить, что грузинская дидактическая литература не только с благодарностью «принимала», но в свое время и с удовольствием «отдавала». Так, например, известные в свое время переводчики — супруги Тхоржевские, выступавшие в печати под псевдонимом «Иван да Марья», перевели в 80-х годах прошлого столетия такие образцы грузинского фольклора, как «Дай-ка глянем на виноградник», «Просьба маленькой девочки» и другие. Известно, что детские рассказы самого Я. Гогешвили тогда же были переведены на русский язык.

Я. Гогешвили был составителем и издателем еще нескольких книг для чтения. Некоторые из них были переведены с русского языка («Детский букет», 1874; «Созвездие, или собрание избранных стихотворений для старшекласников», 1882, и другие).

Работа над лучшими образцами русской детской литературы не могла не оказать воздействия на творчество грузинских писателей и просветителей. Вот что писал, например, Я. Гогешвили: «Прославленный писатель Л. Толстой создал целую серию детских рассказов, которые построены на русских пословицах. Точно так же и мы по грузинским пословицам написали двенадцать рассказов, поместив их в «Деда эна».

Все это, и многое другое, имел в виду И. Чавчавадзе, когда писал: «...Русская школа — наука открыла нам врата просвещения и русская же литература питала и направляла нашу мысль на путь движения».

Касаясь культурно-просветительского аспекта грузино-русских связей в прошлом столетии, хочется хотя бы кратко сказать и о взаимосвязях в области художественной литературы.

Породнение двух братских народов дало мощный толчок дальнейшему развитию грузинской национальной культуры, положило начало важнейшим явлениям в истории новой грузинской литературы. Выросшая, развившаяся и достигшая величия на своей национальной почве, она с начала прошлого века стала уделять самое пристальное внимание тем процессам, которые происходили в русской литературе.

Немаловажное значение имеет тот факт, что становление и развитие грузинского романтизма, реализма и критического реализма происходило в тесных идейных взаимосвязях с передовой русской культурой и общественной мыслью.

Важно и то, что уже в творчестве грузинских романтиков, и особенно гениального Бараташвили, завершается процесс перехода от к тому времени изжившего себя восточного влияния к теснейшим взаимосвязям с западноевропейской и особенно русской литературами, ибо на всех этапах своего развития грузинская литература теснейшим образом была связана с передовой русской духовной культурой. И это был весьма естественный процесс. Ведь известно, что самобытность литературы никак не характеризуется изолированностью ее от передовой культуры человечества. «Всякая нация может и должна учиться у других»¹, — указывал К. Маркс.

Взаимосвязи грузинских писателей с русской литературой способствовали выявлению и формированию их творческих сил. По справедливым словам Белинского, которые следует распространить и на межнациональные литературные общения, «влияние великого поэта заметно на других поэтах не в том, что его поэзия отражается в них, а в том, что она возбуждает в них собственные силы».

Известно, что не все русские одинаково относились к Грузии, «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»², — писал В. И. Ленин до революции. Это хорошо понимали грузинские передовые общественные деятели, которые, с одной стороны, с гневом и ненавистью отвергали Россию официальную, реакционную, великодержавную, а с другой — с неизменной любовью относились к России Пушкина, Чернышевского, Горького, тесно увязывая будущее своей страны с будущим русского народа.

Могучие освободительные и патриотические идеи русского культурно-просветительского и общественно-литературного движения не могли не оказаться чрезвычайно близкими, понятными и приемлемыми для лучших представителей грузинской литературы. По мере нарастания и расширения русского освободительного движения крепло и закалялось великое содружество передовых сынов России и Грузии.

Развитие этого содружества и литературных взаимосвязей в основном соответствовало ленинской периодизации общероссийского освободительного движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 23, с. 10.

² В. И. Ленин. Соч., т. 24, с. 123.

С эпохой декабризма, с идеями дворянской революционности были тесно связаны прогрессивные грузинские романтики. Судьба Грузии становится одной из главнейших проблем их творчества. Эту злободневную проблему грузинские романтики решили в плане необходимости единения Грузии с Россией, что, разумеется, не исключало их борьбы против колониальной политики самодержавия. «Грузия сроднилась с Россией», — утверждал Ал. Чавчавадзе, подчеркивавший, что никакие происки извне «не могли поколебать ни в одном грузине должной приверженности к России».

Гр. Орбелиани был убежден, что «знание в совершенстве русской словесности и русской истории [для грузин] обязательно». Бараташвили же, называя русских «братьями», считал, что «русские — прославленный народ», подчеркивал, что «с ними давно уже у нас союз». В то же время он устами Соломона Леонидзе — одного из героев поэмы «Судьба Грузии» выразил убеждение в том, что «не русский двор счастье даст грузинскому народу». Русскому народу, а не русскому царю, по убеждению Бараташвили и других прогрессивных грузинских романтиков, вверила многострадальная Грузия свою судьбу.

Со вторым поколением русских революционеров — блестящей плеядой революционных демократов, возглавляемых Чернышевским, были теснейшим образом связаны великие грузинские шестидесятники, получившие название «тергдалеули»; это поколение, воспитанное на передовых революционно-демократических взглядах, никогда не отделяло идею национального движения от лозунга социального освобождения. Именно в этом аспекте решали они проблему грузино-русских отношений. Достаточно в этой связи сослаться на формулу Н. Николадзе: «Россия — страна будущего», а также на слова Я. Гогешвили: «Несомненно, будущее России в руках... лучших ее сынов. Это укрепляет надежду грузин, что им вполне удастся отстоять мирным путем и свою территорию, и свою национальность, и свое самоуправление, и свое светлое будущее».

Грузинские шестидесятники прошли важную школу жизни в Петербурге. Касаясь этого периода своей жизни, И. Чавчавадзе писал в «Записках проезжего»: «Эти четыре года были фундаментом жизни, первоисточником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмой».

А Нико Николадзе в письме к Чернышевскому подче-
вал, что именно ему он многим обязан. При решении конкрет-
ных вопросов грузинской жизни и культуры «тергдалеули»
творчески использовали опыт русской литературы и широко
ее пропагандировали. «Русская литература, — писал И. Чав-
чавадзе, — оказала большое руководящее влияние на путь на-
шего развития, оказала большое воздействие на все то, что
составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль».

Искренняя любовь к России, к братскому народу выраже-
на в таких произведениях, как «Записки проезжего» И. Чав-
чавадзе, «Пережитое» и «Памяти Гоголя» А. Церетели,
«Воспоминания о шестидесятих годах» Н. Николадзе, «Пу-
тешествие в Россию» Г. Церетели, «На смерть Льва Тол-
стого» Важа Пшавела, «Восстание в Гурии» Э. Ниношвили
и др.

Новый этап в развитии дружбы и культурного содруже-
ства русского и грузинского народов начинается в последнем
десятилетии XIX века, когда главной силой борьбы стано-
вится пролетариат. Отныне борьба за дружбу народов, за их
социальное, политическое и национальное освобождение воз-
главляется великой партией, созданной В. И. Лениным. Этот
период зарождения и развития пролетарской литературы со-
циалистического реализма связан с именем «буревестника
революции» Максима Горького, начало творчества которого
неотделимо от Грузии.

Тот факт, что передовые грузинские общественные дея-
тели, представители культурно-просветительских кругов, поэ-
ты и писатели рука об руку со своими русскими собратьями
прошли все три этапа общероссийского освободительного дви-
жения, явился одним из величайших итогов породнения Гру-
зии с Россией, могучим стимулом развития грузинской лите-
ратуры.

Характерно, что в своей национально-освободительной
борьбе выдающиеся грузинские писатели как испытанное ору-
жие использовали образцы русской литературы, создавая ве-
ликолепные переводы и подражания. В них находили они
поддержку своим вольнолюбивым, антисамодержавным уст-
ремлениям.

Достаточно сказать, что еще в конце 20-х годов XIX века на грузинский язык были переведены стихотворения А. С. Пушкина, некоторые из них были опубликованы в 1830 г. 1832 г., т. е. при жизни великого поэта. Смело можно утверждать, что это была одна из самых ранних попыток перевода пушкинских творений вообще. Некоторые переводы декабристов и других революционно настроенных писателей можно считать не только щедрой данью любви и уважения к русской литературе, но и актом гражданского мужества, так как эти произведения (например, «Исповедь Наливайки» К. Рылеева) были в то время строжайше запрещены цензурой.

Породнение Грузии с Россией положило начало систематическим и планомерным переводам лучших образцов русской литературы, которые, несомненно, обогатили грузинскую духовную культуру.

Таково было, в общих чертах, разумеется, основное значение породнения Грузии с Россией для грузинской литературы прошлого столетия.

Но процесс этот носил двусторонний характер, т. е. оказал свое воздействие не только на грузинскую, но и на русскую литературу. Крупнейший советский поэт и общественный деятель Николай Тихонов как-то заметил: «Есть страны, полные особого значения для других стран. Это выражается не в области политики или экономики. Нет, они являются в особом ореоле для многих поколений, сменяющих друг друга. Их природа, их искусство, их древняя культура вызывают особое волнение не только знатоков. Они оказывают свое влияние и на художников, писателей, ученых... Одна из таких стран в Европе, стран, которые для европейского сознания являются полными особого смысла, по-моему, — Италия. Европейские поэты-классики все побывали в ней, все отдали ей особый дар своего сердца. Для русских поэтов нашей Италией, несомненно, стала Грузия».

История полностью подтверждает эти слова.

Так какое же влияние имел в виду Н. Тихонов, в чем заключалось его значение? На этот вопрос ответить нетрудно. Прежде всего скажем, что после породнения с Россией Грузия стала доступна для изучения и личного знакомства, что не замедлило найти самое широкое отражение в русской художественной литературе.

«Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэ-
тических талантов, — писал Белинский, — вдохновителем и
пестуном их музыки, поэтической их родиной!»

Действительно, без пристального знакомства с Грузией, без внимательного изучения ее многовековой и богатейшей культуры, наконец, без тесных контактов с передовой грузинской общественностью не могли бы быть созданы такие творения Пушкина и Лермонтова, как «Путешествие в Арзрум», «Демон», «Мцыри», «Герой нашего времени», их великолепные стихотворения, навеянные Грузией, такие произведения, как «Кальянчи», «Грузинская ночь» и «Там, где вьется Алазань» Грибоедова, как «Аммалат-Бек» Бестужева-Марлинского, как многочисленные стихотворения, рассказы и драма «Дареджана Имеретинская» Полонского, как «Хаджи-Мурат» Льва Толстого, как «Дуэль» Чехова, как «На Кавказе» Глеба Успенского и еще многое, что перечислить здесь просто невозможно.

Однако определить важность, роль и значение всех этих произведений мы можем. Во-первых, большинство из них стало подлинной гордостью и украшением русской литературы. Во-вторых (что также немаловажно), грузинская тема в русской литературе ассоциировалась с могучими освободительными идеалами, оказавшими большое воздействие на общероссийское освободительное движение вообще. Тот свободолюбивый дух, который царил на Кавказе, ставшем средоточием ссыльных декабристов, политически «неблагонадежных» и опальных лиц, борьба свободолюбивых кавказских народов, умонастроения передовых сынов грузинского народа, с которыми тесно общались деятели русской литературы, способствовали тому, что «Кавказ, — по словам Белинского, — сделался для русских заветною странюю не только широкой раздольной волн, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний».

Лучшие представители русской литературы неизменно испытывали к Грузии поистине светлое чувство дружбы и братства. Грибоедов, например, по свидетельству одного из его современников, «любил Грузию так пламенно, так чисто, как редкие любят даже родину свою». И в этом нет ничего удивительного, ибо великий русский драматург был тесно связан с нашим краем не только творческими, но и родственными уза-

ми, будучи женат на дочери выдающегося грузинского поэта Александра Чавчавадзе — Нине. Пленительный облик прекрасной и верной Нины Грибоедовой воспринимается как символ породнившейся с Россией Грузии.

Как свидетельствует история, русские писатели чаще всего обращались к Грузии в трудные моменты своей жизни. И здесь они неизменно находили уют и ласку, любовь и ободрение. К примеру, опальный Пушкин, самовольно отправившийся на Кавказ в 1829 году, был до глубины души взволнован тем восторженным приемом, который ему оказали в Тбилиси. «Я не помню дня, — восклицал он, — в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым».

В Грузии лучшие представители русской литературы находили не только любовь, большую моральную поддержку, но и могучий источник вдохновения. «Очаровательный край! — писал Пушкин. — Сколько я почерпнул истинной поэзии, сколько испытал разных впечатлений». Конечно же, не зря утверждал Гоголь, что Пушкин «жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга».

Удивительное и весьма символическое совпадение: Пушкин побывал на Кавказе в 1829 году — в год гибели Грибоедова, а Лермонтов впервые был сослан в Грузию в 1837 году, т. е. в год гибели Пушкина. Так из рук в руки переходила эстафета любви и братства.

С большим сочувствием относились русские писатели к борьбе грузинского народа за национальное и социальное укрепление. Узнав о крестьянском движении в Гурии, Лев Толстой писал Илье Накашидзе: «Мне... очень хочется передать им выражение тех чувств и мыслей, которые вызывает во мне их удивительная деятельность».

Весьма знаменательно, что грузинская духовная культура, грузинская литература оказали определенное воздействие на выдающихся русских писателей. Пристальное изучение грузинского фольклора нашло заметное отражение в поэтических шедеврах Лермонтова, знакомство с бессмертной поэмой «Витязь в барсовой шкуре» вдохновило Полонского на известное стихотворение «Тамара и певец ее Шота Руставель», под влиянием Ал. Чавчавадзе написал «Розу и соловья» Александр Одоевский, мотивы гениальных творений Бараташвили «Мерани» и «Таинственный голос» чувствуются в стихотворениях Полонского «Горная дорога в Грузии» и «На пути из-за Кав-

каза»; можно говорить об определенном воздействии «Раздела» Г. Эристави на одноименную комедию Писемского.

Произведения русских писателей о Грузии имели чрезвычайно важное значение. Они не только обогатили русскую литературу новыми идеями, темами, образами и жанрами, не только раздвинули ее географические и этнографические рамки, но и во многом способствовали дальнейшему сближению русского и грузинского народов, воспитывали русского читателя в духе уважения и братского отношения к народам Кавказа, в духе понимания их национальных прав и интересов. И в этом заключалась одна из важнейших заслуг русских писателей, которые с любовью посвящали Грузии «души прекрасные порывы».

Определяя отношение русских писателей прошлого столетия к Грузии, Я. Полонский писал:

**Нет, не был слеп и глух, и не остался нем он, —
Тот русский, что не раз готов был пот и кровь
Пролить за Грузию: здесь Пушкин пел любовь,
И Лермонтова дух смущал прекрасный Демон!..
Родная Грузия была для нас свята!**

Поистине святым было отношение истинных представителей русского народа к Грузии.

Грузинские писатели отвечали любовью на любовь. В их произведениях воплотилось братское чувство грузинского народа. «Мы любили Россию, — утверждал властитель дум мыслящей Грузии Ак. Церетели, — любили, как мать свою, тянулись всегда к ней, жили ее интересами, радовались ее радостями, печалились ее печальми...»

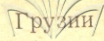
Таковы были те могучие корни, которые вскормили прекрасный цветник дружбы и братства, пышно распустившийся в нашу социалистическую эпоху.

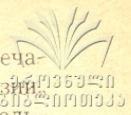
Нана ЗЕДГИНИДЗЕ

ГЕОРГИЕВСКИЙ ТРАКТАТ ПОЛОЖИЛ НАЧАЛО...

●
НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ
ИЗ ИСТОРИИ АНГЛО-
ГРУЗИНСКИХ КУЛЬТУР-
НЫХ СВЯЗЕЙ
●

СБЛИЖЕНИЕ Грузии с
Россией, а тем более —
заклучение «покровитель-
ственного» Георгиевского
трактата не могли, разуме-
ется, не встревожить круп-
ные европейские государ-
ства, и в первую очередь —
Англию, имевшую, естест-
венно, свои интересы на
Ближнем Востоке. Это по-
будило правящие круги
Англии предпринять неко-
торые акции разведыватель-
ного характера, в частно-
сти — направить в Закав-
казье дипломатов, которые
под видом простых путе-
шественников должны были
изучить этот край и по ме-
ре возможности установить,
какие перспективы могло
иметь продвижение России
к самым границам Ирана и
Турции. Объективно, однако,
эти путешественники, опи-
сывая посещаемые ими
страны, в известной мере
способствовали развитию
ориенталистики на Западе.
В путевых дневниках и
книгах Т. Олкока, Д. Арм-
стронга, Д. Джонсона со-
держатся ценные материалы
не только о Грузии, но и
обо всем Закавказье.

Из трудов английских пу-
тешественников начала XIX
века следует отметить кни-
гу Роберта Кера Портера
«Путешествие в Грузию,
Иран, Армению и древний
Вавилон», изда н н у ю

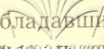

1821 году в Лондоне. Автор рассказывает о достопримечательностях, встреченных им во время путешествия по Грузии, описывает Мцхета, природу которого называет «замечательной и восхитительной», Дарьяльское ущелье и др. Следует отметить, что Портер писал в яркой и образной манере. Он живо и интересно описывает жизнь того времени, женские типы, одежду, местные обычаи; довольно большое место уделено в его книге описанию Тбилиси.

Судя по материалам, опубликованным английскими путешественниками, читатели того времени могли составить себе довольно полное представление о Грузии и ее народе.

Культурные связи с Англией приобретают более или менее серьезный и регулярный характер приблизительно с 70-х годов прошлого века. Английских филологов, историков и исследователей развития общественной мысли и культуры (С. Маллан, У. Морфилл, М. Уордроп, О. Уордроп, Ф. Конибир) не могло, конечно, не заинтересовать богатое и в высшей степени содержательное культурное наследие древней Грузии. Это объясняется прежде всего тем, что, начиная с античного периода, на протяжении почти всего средневековья грузинами было переведено огромное число памятников византийской духовной литературы. Оригиналы некоторых из этих памятников были в дальнейшем утеряны или искажены, и таким образом грузинские переводы оказались единственным средством для восстановления их первоначального облика. Популяризации грузинской культуры в Англии, ознакомлению с Грузией в значительной мере способствовали статьи известного слависта У. Р. Морфилла о грузинской литературе.

Особенно большую роль в деле ознакомления англоязычного мира с историей грузинской культуры и ее наследием сыграли английские грузиноведы сестра и брат Марджори и Оливер Уордропы, которые неоднократно бывали в Грузии, хорошо изучили язык, быт и все основные особенности жизни грузинского народа, установили тесные связи с передовыми общественными деятелями Грузии конца XIX и начала XX вв. От своих предшественников по картвелологической деятельности они резко отличаются научным подходом к решению проблем, более глубоким проникновением в тайны грузинского языка и пониманием тонких нюансов грузинской художественной речи.

Оливер Уордроп (1864 — 1948), человек, обладавший огромной энергией, исключительной трудоспособностью и сильной волей, особенно много сделал для популяризации грузинской культуры в Англии. Широко эрудированный ученый, переводчик и неутомимый труженик, он, можно сказать, всю свою сознательную жизнь посвятил этому благородному делу.

В 1887 году Оливер Уордроп, впервые посетив Грузию, получил довольно глубокое представление о жизни грузинского народа, познакомился с такими лучшими его представителями, как Иванэ Мачабели, Илья Чавчавадзе, Ольга Чавчавадзе, Екатерина Габашвили.

В дальнейшем это знакомство переросло в дружбу и творческое сотрудничество, что позволило О. Уордропу ближе узнать интеллектуальную жизнь Грузии.

В 1888 году, после первой поездки Оливера Уордроба в Грузию, в Лондоне была издана его книга «Грузинское Царство», которая помогла англоязычным читателям еще ближе познакомиться с Грузией, ее историей, этнографией и богатым литературным наследием. В книге представлены личные наблюдения англичанина во время его путешествия по Грузии, дополненные сведениями об историческом прошлом Грузии, почерпнутыми из трудов и сочинений как предшествовавших ему европейских ученых, так и русских и грузинских его современников. В книге не только описаны достопримечательности Грузии, но и освещена история грузинского народа, показаны его характер, обычаи и нравы, его самобытная музыкальная культура и богатое литературное наследие. Книга несомненно сыграла положительную роль в ознакомлении англоязычного мира с Грузией.

Вторично побывав в Грузии (1894), Оливер Уордроп познакомился с М. Джанашвили, А. Цагарели, А. Хаханашвили и другими грузинскими учеными.

Это второе путешествие Оливера Уордроба оказало большое влияние на его творческую работу, в частности обогатило его новыми материалами о грузинском народе и его культуре.

Передовые деятели грузинской культуры (И. Чавчавадзе, Ив. Мачабели, Э. Такаишвили, Т. Сахокия) высоко ценили картвелологическую деятельность Оливера Уордроба и всячески помогали ему — снабжали необходимой литературой, консультировали и оказывали помощь при переводе, разъясняя непонятные места. Особый интерес к творческой деятельно-

35805020
302211033

сти Оливера Уордропа со стороны грузинской интеллигенции объясняется тем, что грузинские деятели не только интересовались культурой других стран, но в то же время придавали важное значение ознакомлению Западной Европы с национальной грузинской литературой.

На протяжении многих десятилетий сфера интересов Оливера Уордропа ширилась, менялись его вкусы, но его особая приязанность к грузинской литературе оставалась неизменной.

Лучшим подтверждением этого являются его многочисленные переводы: «Мудрость вымысла» (1894), «Житие святой Нины» (1900), «Литургия святого Якова» (1913), «Уложение царя Грузии Георгия V Блистательного» (1914), «Висрамиани» (1914). Нельзя не отметить высокие художественные достоинства английского перевода «Мудрости вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани. Перевод вызвал восторженные отклики в Англии. Это была первая в Западной Европе попытка перевода упомянутой книги. Рецензент журнала «Атениум» (1895, № 3512, р. 212) дал переводу высокую оценку и отметил некоторое сходство новеллы Сулхана-Саба Орбелиани «Заживо погребенный и великаны» с приключениями Гулливера, подчеркнув при этом, что книга Свифта вышла в свет приблизительно в год смерти Орбелиани и поэтому нельзя предположить, что автор мог знать о ее существовании. В газете «Иверия» (1895, № 60) был напечатан полный перевод статьи, опубликованной в журнале «Атениум». Особенно важно заметить, что О. Уордроп переводил не механически, а сохранял смысловую и художественную точность, стараясь не утратить ни одной, даже самой незначительной мысли, ни одного образа, достигая этого различными художественными средствами.

Оливер Уордроп вложил огромный труд в перевод грузинской версии «Висрамиани», приписываемой Саргису Тмогвели и выполненной не позже конца XII века. Английский перевод выполнен с оригинала, изданного в 1884 году под редакцией И. Чавчавадзе, А. Хаханашвили и П. Умикашвили, и опубликован в Лондоне впервые в 1914 году, вторично — в 1966 году. Как выяснилось, интерес Оливера Уордропа к «Висрамиани» возник задолго до издания перевода, а в 1902 году он опубликовал в «Журнале Королевского Азиатского об-

Нана Зедгинидзе. Георгиевский трактат положил начало...

щества» статью о «Висрамиани», указывая зарубежным исследователям на необходимость изучения грузинской версии этого романа. Над переводом «Висрамиани» О. Уордроп работал около 14 лет. Сопоставление грузинского оригинала «Висрамиани» с переводом показало, что О. Уордроп глубоко знает оригинал и в целом ясно передает не только каждую его мысль, но и общее настроение романа, его тональность. В переводе писем Вис к Рамину проявляется высокое переводческое мастерство английского ученого, смело использующего эмоционально окрашенные лексемы и инверсионный тип английского условного предложения. В большинстве случаев переводчик поэтично передает картины природы, красоту Вис и Рамина, достигая этого правильным использованием богатой английской лексики, подбором сходных с оригиналом сжатых фраз. Хотя в некоторых случаях чрезмерная близость к тексту оригинала нарушает художественное очарование и ритмическое течение перевода, мы имеем все основания заключить, что в целом проделанная Оливером Уордропом работа представляет собой образец переводческого искусства, сохраняющего смысловую точность и общее настроение оригинала, его высокие художественные достоинства.

Нельзя не отметить, что Оливер Уордроп сразу же по достоинству оценил научное значение древнегрузинских литературных памятников. Стремясь заинтересовать широкие круги зарубежных исследователей, он сблизился с выдающимся арменологом Фр. Конибиром (1856—1924) и при его поддержке опубликовал в 1894 году в Бостоне, в журнале «Библиейская литература» перевод составленного А. Цагарели описания грузинских рукописей, хранящихся в иерусалимском Крестовом монастыре, а в 1911 году в журнале «Теологические исследования» — его же описание грузинских рукописей Иверского монастыря на Афонской горе. Эти переводы внесли определенный вклад в развитие западноевропейской науки, познакомив ученых с богатой сокровищницей древнегрузинской литературы.

Своими переводами важнейших памятников грузинской литературы О. Уордроп заложил основу для их подлинно серьезного изучения в Англии. Особенно ценно, что он подходил к каждому переводимому памятнику не только как опытный и исключительно добросовестный переводчик, но и как внимательный, пытливый исследователь, обладавший к тому же

16.03.53
1953

достаточно глубокими познаниями в области общих вопросов европейской и ближневосточной культуры.

Немаловажным вкладом в развитие лингвистического изучения картвельских языков явился опубликованный Оливером Уордропом «Англо-сванский словарь» (1911) — едва ли не первая в Европе попытка систематизации и толкования лексического фонда сванского, одного из древнейших и интереснейших картвельских языков.

Средневековая грузинская литература сохранила в своей сокровищнице такие блестящие произведения, в некоторых отношениях предвосхищавшие идеи европейского Ренессанса, как поэма Руставели «Витязь в барсовой шкуре», которая была целиком переведена на английский язык Марджори Скотт Уордроп (при самом непосредственном участии ее брата) и затем, после ее смерти, издана Оливером Уордропом (1912) с его же предисловием, в котором, надо сказать, представлен безупречный для того времени анализ художественных достоинств и общечеловеческого значения этого уникального произведения. Можно смело сказать, что Марджори и Оливер Уордроп положили начало всестороннему изучению и исследованию Шота Руставели и его поэмы в Англии.

Неоценимы заслуги О. Уордропа в организации английской картвелологии. Передав в 1910 году значительную сумму денег в виде «фонда Уордроп», завещанного им для поощрения картвелологических исследований в Оксфордском университете, и оставив Бодлеянской библиотеке свою богатую коллекцию грузинских рукописей и других материалов, Уордроп на многие десятилетия вперед стимулировал развитие этих исследований в Англии. Именно ему в первую очередь обязаны мы тем, что сегодня в Англии существует серьезная картвелологическая школа (Д. Лэнг, Р. Стивенсон, К. Вивиан-Эштон и др.).

Вся жизнь и картвелологическая деятельность О. Уордропа — пример беззаветного и честного служения благородному делу культурного сближения двух народов.

Такое широкое развитие культурных связей грузинского народа, как и других народов Закавказья, с Россией и Европой стало возможным только в результате присоединения всего края к России, начало которому было положено заключением Георгиевского трактата.

НА РАСПУТЬЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

О ПРОЗЕ

Д. КЛДИАШВИЛИ

В СВОЕМ труде «Художественная проза Давида Клдиашвили» Бежан Бардавелидзе рассматривает творчество писателя как новую ступень в развитии реализма на рубеже двух столетий — XIX и XX, именуемую переходным периодом в грузинской литературной жизни.

Предпосланный книге краткий обзор биографии и литературно - общественной деятельности классика грузинской литературы Давида Клдиашвили знакомит с основными моментами жизни истинного художника, в творчестве которого получили яркое отражение стремления и идеалы страны, взгляды общества новой эпохи.

Как видно из обзора, военный по профессии, писатель по призванию, Давид Клдиашвили

Бежан Бардавелидзе. Художественная проза Давида Клдиашвили. Издание ТГУ, Тб. 1981.

швили большую часть жизни отдал службе в царской армии. Но она была для него всего лишь средством к существованию. Несмотря на сложнейшие условия эпохи и личной жизни, ему удалось сохранить сердечную любовь и доверие к людям, ибо настоящей его службой являлась литература, беззаветная преданность народу.

«Еще при жизни признанный классиком родной литературы, — читаем мы в книге, — писатель отличался скромностью и необычайно чутким отношением к людям. Вместе с тем Давид Клдиашвили проявлял твердость и бескомпромиссность, когда дело касалось труда литератора и достоинства писателя».

Хотя сам писатель считал, что жизнь его сложилась счастливо, путь его был сложным, трудным и долгим. Д. Клдиашвили — непосредственный участник войны и революционного движения. На его глазах одна социально-политическая и общественная формация сменилась другой. В жизни страны произошли значительные перемены как в сфере политико - общественной, так и в области культуры.

Последовательно рассматриваемый предлагаемый читателю материал в свете художественного отображения писателем окружающей действительности, подвергая его научно - исследовательскому литературному анализу, автор вносит достойный вклад в освоение богатого художественного наследия Давида Клдиашвили, в монографическое изучение его творчества.

С первых же шагов своей творческой деятельности Да-

საქართველოს
წიგნების
კავშირი

вид Клдиашвили привлек внимание литературной общественности и широкого круга читателей. Его творчество, блестящий талант беллетриста высоко оценила передовая грузинская общественность, вступившая на обновленный путь развития, и в частности Акакий Церетели. О творчестве Д. Клдиашвили, большого писателя, замечательного драматурга, бескорыстного общественного деятеля, прекрасного гуманного человека, гражданина, восторженно писали такие известные критики, как Кита Абашидзе, Иванэ Гомартели, Илья Накашидзе, Хомлели, революционный критик Цулукидзе и многие другие.

Несмотря на то, что Давид Клдиашвили был признан уже на заре своей творческой деятельности, систематическое изучение, оценка и издание его литературного наследия начинаются только в годы Советской власти.

Наряду с изданием литературного наследия Д. Клдиашвили создаются труды, посвященные его творчеству. Сегодня мы располагаем работами Михаила Зандукели, Геронтия Кикодзе, Гивана Табидзе, Бесо Жгенти, Серги Чилая, Акакия Гацерелиа, Георгия Натрошвили, Григола Кикнадзе, Шалвы Раднани, Нелли Думбадзе и других.

Особо следует отметить широкое привлечение автором литературных источников, представляющих историю вопроса, его доброжелательное научное отношение ко всем тем исследователям, которые сказали свое слово в деле изучения литературного наследия писателя, хотя в их трудах в основном анализиро-

вались лишь отдельные моменты жизни и творчества Давида Клдиашвили. Так что монографически проза Д. Клдиашвили в грузинском литературоведении еще не изучалась.

Книга Б. Бардавелидзе — первая попытка монографического изучения творчества писателя, в частности его художественной прозы, с позиции социально - исторической, историко - литературной, типологической и, что самое главное, художественной.

«Художественная проза Давида Клдиашвили» — научно-литературно - критический труд, в котором раскрыта эпопея жизни и творчества писателя, начиная с 90-х годов прошлого века и кончая 30-ми годами нашего столетия.

Как пишет Б. Бардавелидзе, литературный дебют Давида Клдиашвили был поистине счастливым. Уже через пять лет после опубликования первого рассказа, в конце 90-х годов минувшего века, будучи еще совсем молодым человеком, писатель был признан выдающимся мастером грузинской прозы, достойным продолжателем лучших традиций реалистической литературы, выразителем глубоких дум и поэтической грусти родного народа.

Рассмотренные и изученные автором идейно - эстетические принципы художественной прозы Давида Клдиашвили приобретают особое значение для целостного восприятия его литературного наследия и общественной деятельности.

Анализируя грузинскую художественную прозу того периода, Б. Бардавелидзе обобщает проблему ее утверждаю-

шейся реалистической специ-
фики. Освещаются также и
отдельные вопросы взаимо-
отношения жизни и литера-
туры.

В труде целенаправленно
показано, какими идейно-
художественными особеннос-
тями характеризуется проза
писателя, что обусловило ак-
туальность его творчества и
особенно какой резонанс и
влияние оказано им на гру-
зинскую прозу конца XIX и
начала XX веков. В книге
определено становление само-
бытного характера отражения
современности в прозе Д.
Клдиашвили, с одной сторо-
ны, и его современников (Э.
Ниношвили, Ш. Арагвиспире-
ли, А. Казбеги, Важа Пшаве-
ла, И. Евдошвили, Н. Ло-
моури, Э. Габашвили), с
другой.

По своему идейному и те-
матическому содержанию про-
за Д. Клдиашвили продол-
жает традиции грузинской
реалистической литературы.
Писатель качественно меняет
систему художественного
отображения: наряду с со-
циальным рассказом им создан
высокохудожественный пси-
хологический рассказ; ро-
мантической идеализации исто-
рического прошлого противо-
поставлен метод рационали-
стического, критического под-
хода к нему; писателю уда-
лось добиться гармонического
слияния в прозе трагико-
драматического и комического
начал.

В труде Б. Бардавелидзе
подчеркивается, что Д. Клди-
ашвили вместе с тем «возвел
грузинскую драматургию на
новую высоту, создав не-
сколько шедевров психологи-
ческой драмы, трагедии и
трагикомедии малых форм».

В книге вскрыт характер
явлений и фактов современ-
ной жизни, нашедшей свое
отражение в художественной
прозе Д. Клдиашвили. В то
же время обнаруженные ана-
логии из реальности подтвер-
ждают жизненность его про-
зы, ту тесную связь, которая
существует между литерату-
рой и действительностью.

Б. Бардавелидзе показы-
вает, как отразились в прозе
Д. Клдиашвили общественные
отношения, быт, жизнь. Ав-
тор устанавливает и опреде-
ляет конкретную причинность
существования отдельных
персонажей его рассказов,
отмечает актуальность, жиз-
ненность отдельных произве-
дений. Исследователь опре-
деляет те проблемы, которые
волновали писателя в данный
период и находили отражение
в его творчестве.

Животворность творческого
наследия Давида Клдиашви-
ли, весь пафос его художест-
венной прозы заключены в
отражении им общественно-
этических устремлений пере-
довой части нации, в худо-
жественном осмыслении кон-
кретных жизненных явлений, в
выдвижении проблемы высо-
кого назначения человека и
нравственной ответственности
личности.

Наряду с идейно - теорети-
ческими достоинствами рас-
сматриваемый труд имеет
большое практическое значе-
ние, поскольку он способствует
изучению материала, связан-
ного с темой переходного пе-
риода в истории нашей лите-
ратуры, по-новому осмысляет
отдельные вопросы новой и
новейшей грузинской лите-
ратуры.

Проделанная Б. Бардавели-
дзе работа послужит опреде-

ленным вкладом в дело академического издания сочинений Давида Квдиашвили.

В книге приводятся многочисленные грузинские и русские литературные первоисточники. Прекрасно зная данный период, эпоху, автор рассматривает историко - политические, литературно - общественные и социальные явления той поры с позиций марксистско-ленинской идеологии.

Исследователь верно показывает, как большой писатель шел по сложному пути реалистической литературы.

Несмотря на свой научно-литературный характер, книга читается с неослабным вни-

манием даже вопреки тем досадным неточностям, стилистическим и корректурным погрешностям, которые прокрались. К труду приложено резюме на русском языке. Бесспорно значение его и с точки зрения истории грузино - русских литературных взаимоотношений. Издание работы, тепло принятой общественностью и явившейся откликом на 120-летие со дня рождения выдающегося грузинского писателя Давида Квдиашвили, на русском языке, разумеется, было бы делом весьма полезным.

Шалва ГОЗАЛИШВИЛИ

... И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

ПЕРВЫЕ рассказы Александра Эбаноидзе появились на страницах журнала «Литературная Грузия», однако широкому читателю в течение долгого времени он был известен как переводчик современной грузинской прозы. Здесь показателен уже сам выбор переводных произведений, не случайный и внут-

ренне, несомненно, мотивированный. Это, в первую очередь, рассказы и романы Отии Иоселиани, Реваза Ианишвили и других писателей, окрашенные светлым, трезвым лиризмом. По характеру дарования А. Эбаноидзе вся его проза глубоко лирична, в ней остро пережита и выражена многокрасочность мироздания.

Действие нового романа А. Эбаноидзе «...Где отчий дом» (в книгу включен также роман «Два месяца в деревне, или брак по - имеретински», с которым читатель познакомился несколькими годами раньше) происходит все на той же благодатнейшей грузинской земле, неповторимой в

Александр Эбаноидзе. ...Где отчий дом. М., «Молодая гвардия», 1982.

своей красочности и своеобразии.

В кратком предуведомлении к читателю автор романа выражает тревогу — кому из пишущих не знаком этот искус — удастся ли ему донести до него всю безграничную влюбленность в этот «клочок грузинской земли», воплотить все это в словесную плоть?

Нужно сразу же сказать, что «слово» писателя и все, что оно воплотило, находит в сердце читателя живой отклик, не оставляет его безучастным.

В новом романе А. Эбаноидзе еще более остро ощущается нерасторжимость, слившиеся природы и человека. Как бы неожиданно прозревшая Татьяна Махотина целиком погружается в первозданность природы — «утробно родное», так отодвинутое от нас, горожан, пленников урбанизации. Красота внутреннего мира, сам национальный характер неотделим от почвы, его породившей. «Какие люди! — восторженно восклицает Махотина. — Они знают, что неприкаянных и бездомных надо позвать к костру, накормить и обогреть. А если гости не рассказывают о себе, их не надо спрашивать».

Это «видение» окружающего мира подкрепляется, дополняется призмой авторского мироощущения, достигается благодаря точности и чистоте его художнического взгляда, способного уловить и передать множество самых разнообразных оттенков. Деталь в прозе Эбаноидзе, как правило, вещная, доступная нашему взору, выхваченная

из самой действительности. «..В прозрачной воде тенью проносятся веретенобразные форели. Иногда они замирают на месте, дрожат, стоя против течения, поблескивая крапинками, их темные спины ломаются и дwoятся».

Цвет, запах, контуры реальных предметов — все это сливается в единую целостную картину! «В комнате тот же воздух высокогорья, что и во дворе, та же солоноватая солнечная сушь, и в ней разлит удивительный запах древесного нутра — то ли кипарис, то ли можжевельник — рождающий необычное ощущение чистоты и непорочности...» Или: «Лес неохотно редет, расступается. Сверху веет кремнистой сушью, нагретым камнем. Чем выше мы взбираемся, тем неогляднее открывается мир. Чайные плантации, виноградники, деревни — все остается внизу. Здесь, среди камней и скал, колышутся кроны отдельных деревьев; лужайки кажутся лоскутами зеленого шелка, натянутого во всех плоскостях — вплоть до вертикальной...» Картины природы здесь невольно воскрешают Имретию Давида Какабадзе.

Главы романа «...Где отчий дом» названы именами главных действующих лиц — «Татьяна Махотина», «Додо Турманидзе», «Джано Джанашиа», «Поля Дрюнькова», «Доментий Гаччиладзе» — это как бы нравственно-психологические «медальоны», но не обособленные, а спаянные воедино нитью жизненных перипетий, сложных человеческих судеб.

Роман повествует о судьбе внешне так мало похожих

братьев — Джано Джанашиа (под таким псевдонимом выступает на эстраде Сардион Гачечиладзе) и Доментия Гачечиладзе, сыновей всеми почитаемого в деревне Большого Георгия.

Джано Джанашиа внешне преуспевающий в жизни человек — «красавец, мот, общий любимец и баловень!» — таким поначалу воспринимает его Татьяна Махотина, однако на поверку оказывается, что человек этот вовсе не такой уж благополучный и. в общем-то, даже неудачник, невзирая на внешнюю респектабельность. Столкновение в юности с мирком мещанского благополучия погасило в нем какую-то частицу живой души, и ему не суждено уже окончательно воспрянуть, возродиться. Он сдержан и скуп в проявлении чувств, не «выворачивает» себя наружу, несмотря на серьезную привязанность к Татьяне Махотиной. Лишь только в финале романа, на похоронах трагически погибшего брата Доментия, уже при отъезде, там, на дороге, когда машина с остервенением преодолевает залитую водой колдобину, его прорывает — обнажилась разом вся боль прожитой и грядущей жизни. Это кульминация, духовный крах Джано Джанашиа. Писатель повествует об этом скуп, буквально несколькими выразительными и многозначительными штрихами. «Машина с воем и визгом выкарабкивалась из колдобины, разбрызгивала воду, раскидывала комья грязи и сползала назад. Опять выкарабкивалась, надрывая мотор, стирая шестерни и покрышки, и опять сползала.

Было в этом упрямстве что-то отчаянное, безнадежное, злое... Но вот машина новилась, смолкла, слалась, по дверцу утонув в глинистой жиже. Подойдя к ней, через залитые водой стекла можно было увидеть немолодого мужчину за рулем — он плакал, повалившись на баранку, — и утешавшую его красивую женщину, умело скрывающую свой возраст...»

Супруга Джано — Додо Турманидзе, в прошлом цирковая акробатка, шагает по жизни легко, не считаясь с общепринятыми рамками приличия. Женщина сладострастная, неуемная в своих желаниях, она изменяет мужу. Хороша сцена застигнутых врасплох любовников. Как изпод земли, подобно Пану, в душном запахе гвоздик и влажной земли теплицы перед Додо возникает курортник Саша Вдовин с «рысьими лесными глазами».

Герои повествования «...Где отчий дом» — люди сложной судьбы. Поля Дрюнькова сходится с человеком, который обманул ее доверие, оказался недостойным ее. Подлинное счастье обретает она с Доментием Гачечиладзе, который привозит ее вместе с сыном в родную деревню. Поля исполнена глубокой нежности к этому немногословному, чудаковатому человеку, который в свободное от работы время восстанавливает давно заброшенную и никому уже не нужную водяную мельницу.

Жизнь Поля и Доментия как бы прогвоздонит в романе отношениям Джано Джанашиа и Додо Турманидзе (другая линия романа — Татьяна Махотина и ее больной супруг Игорь), между кото-

рыми уже давно пролегла глубокая трещина, воцарилась ложь, атмосфера внешне ничем не нарушаемой будничности. Отношения Поли и Доментия обретают столь нечастое в современном мире сложных человеческих взаимоотношений гармоничное равновесие. Поля Дрюнькова — вся в служении семье, родным, она прижилась в чужой деревне, стала для всех близкой. Вот среди затрапезных хлопот она на минуту присаживается рядом с Доментием, и перед читателем раскрывается вся глубина и нежность щедрой и чуткой человеческой души. «Села я рядом с мужем, кусок курятины получше подложила и сама к нему прислонилась — спина широкая, теплая сквозь рубаху. Миленький ты мой! И когда эта говорильня кончится?.. Когда доберусь до тебя?..»

Нелепый случай вторгается в мир семейного благополучия семьи Гачечиладзе, разрушает его. Наделенный недюжинной силой Доментий

душевно незащищен, как малый ребенок. Такие лишенные корысти люди, как Доментий, делают нравственную атмосферу здоровее, чище, они, как говорится, «соль земли».

В отличие от романа «Брак по имеретински» построение нового романа А. Эбаноидзе представляется существенно иным. Если в первом все фокусируется в образе главного героя Ладго Инашвили, то во втором жизненные ситуации более многоплановы. Отсюда и звучание произведения в целом полифоничней.

Любовь к писательству А. Эбаноидзе вынес из своего детства: где-то в классе шестом мне довелось быть читателем его первых рассказов. Шел он к своему призванию целенаправленно, развивая в себе с годами высокий вкус, мастерство, профессионализм. Качества эти сказались и на композиции нового романа — все здесь соразмерно и строго выверено.

Нугзар ЦХОВРЕБОВ

«МНЕ СНИТСЯ ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ...»

О ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ
СТИХОВ РЮРИКА
ИВНЕВА

«ПИСАТЬ стихи, — рассказывал Рюрик Ивнев, — я начал, когда мне не было и пятнадцати лет, в 1905 году. Я учился в Тифлисском кадетском корпусе...» Он еще стоит на проспекте Руставели — бывший кадетский корпус, и есть неброское старомодное изящество в массивном двухэтажном здании. Всего один балкон выходит на фасад. За его широкой застекленной дверью, по - видимому, когда-то заседал педагогический совет... Я помню классы уже превращенными в жилые помещения, перегороденные дощатыми перегородками. В них стояли скромные фаянрные шкафы и шифоньеры 30-х годов. В огромных окнах лоскутами маячили тюлевые занавески... Но вот жильцы переходят в другие дома, в новые удобные квартиры с паркетом, кафелем, ванными. Классы очищаются, и становится ясной изначально задуманная суровая гармония широких коридоров, грубо отесанного гранита лестниц, комнат с не

по-сегодняшнему высокими потолками и окнами... бывает и с людьми.

Последняя книга стихов 90-летнего Рюрика Ивнева вышла в издательстве «Современник» в 1982 году, по-смертно. Он, писавший в 18-м году: «Я помню день Октябрьского восстания. Кипели площади, Дворец был пуст. С его дрожащих, побелевших уст последние срывались содроганья», — был нашим современником.

«Я видел Левина своими глазами и с этим виденьем иду сквозь года». Взгляд поэта, того, кто впитал зрачками его движенья..., кто видел собственными глазами эти незабываемые глаза, мог встретиться и с нашими глазами где-нибудь в людской сутолоке, на древней Сре-тенке.

Есть поэты провидцы, чело-веческих душ истории, обладатели недоступного простым смертным знания. Но отмечен судьбой и тот, кто на склоне лет мог сказать о себе: «Незнание жизни было ведь огромным и долговечным счастьем для меня».

А жизнь бросала его в самую свою гущу, круто завя-ренную Историей.

Мне двадцать шесть. На
улице восстанье.
Я не политик, правда, но
душой
За власть народа.

Я молча принимаю
назначенье
Секретарем наркома. И
судьба

Меня кидает
в Наркомпрос и Смольный
И во дворец, где
властвует народ...

Когда к подъезду подавали
сани
И я садился, завернув
башлык,
Шептал сосед: из молодых,
да ранних,
Вчера — поэт, сегодня —
большевик.

Потом он — председатель
Всероссийского союза поэтов.
Потом и уже навсегда —
просто поэт.

Испытание буднями всегда
сурово, даже если они — поэ-
тические. Взосли новые звез-
ды на небосклоне поэзии. Его
звезда так и осталась над
горизонтом.

Пусть кричат: «Ты не дал
нам забавных новинок,
Собирающих толпы у
челюстей касс!»

Эту горсточку букв я
несу не на рынок...

Временами ему казалось
— «Все перепуталось на све-
те — добро и зло, бесчестье,
честь».

Как все невыносимо и
смешно,
Как грустно, как плени-
тельно, как больно.
Дрожащее дорожное сено.
И путь прямой, и горький
путь окольный...

Он выдержал испытание
буднями, испытания более
сурового — славой судьба
ему не послала.

А слава не портит только
избранных да тех, к кому
приходит посмертно. И вот
мы иногда слышим от лите-
раторов, чьи звезды подня-
лись выше других на небо-
склоне современности, рассу-
ждения о «маленьких» и

«больших» поэтах. Но в поэзии
нет табели о рангах. Время
уравнивает многие громкие
и негромкие имена. Забытые
новым читателем, они стано-
вятся одинаковым достоянием
узких специалистов-литерату-
роведов.

Рюрик Ивнев, поэт непро-
стой судьбы, писал о про-
стых человеческих чувствах:
удивлении, сострадании, люб-
ви... Он удивлялся этому ми-
ру до самых последних дней,
сострадал людям и... любил.

Я не один, со мною
рядом все
Друзья, которых я любил
когда-то...

И на склоне жизни он про-
должал горевать о смерти
матери:

Боль моя — пусть только
капля в море,
Но ведь в этой капельке
одной —
Всех сердец осиротевших
горе
И начало тяжести земной.

С годами он все чаще вспо-
минает город своей молодос-
ти, где впервые услышал тре-
вожный и обманчивый зов
стиха.

Мне снится вечерний
Тбилиси.
О дух благодатный,
храни
Мтацминды священные
выси
И Грузии светлые дни.

Тбилиси превращается в
страну мечты, некое подобие
рая, где осталось и поныне
живет самое дорогое —

юность. «Пройдут года. Ты будешь жить в Тбилиси...»

Мне кажется — я вижу, как выходит из парадного подъезда на Головинский¹ мальчик в кадетской форме. Конные экипажи проезжают по Головинскому, проходит караван верблюдов. Но в глазах мальчика не они, а маящая даль нового, неведомого века...

И я вижу узкую московскую Сретенку, забитую автомобилями, зимний вечер в феврале 1981 года и худощавого старика с глубокими глазами, вбирающего в себя морозный воздух, — вечерние огни, их отражение в молодых глазах торопливых прохожих:

На случайные встречи я
смотрю как на звезды,
Что блеснут и исчезнут
в голубой вышине.
Для меня эти встречи,
как живительный воздух,
И без этих мгновений
будет горестно мне.

Между этими двумя картинами — жизнь, долгий нелегкий путь, и будет справедливо, если мы вернемся к то-

му квадратному строгому зданию в центре Тбилиси, фасадом, выходящим на проспект Руставели. Оно неприметно рядом с новыми и старыми дворцами парадного проспекта. Но вместе с ними оно — часть истории, часть живого тела города. Без него неполным будет этот проспект, а оставшиеся дворцы лишатся постоянного своего товарища, спутника, годами шедшего с ними в одном ряду...

Велика и многолика русская поэзия XX века. Маяковский, Ахматова, Блок, Бедный, Твардовский... Но без Ивнева — председателя союза поэтов молодой республики неполными будут списки и, не сказав о нем, — не сказать всей правды...

Наискось от здания бывшего кадетского корпуса, на противоположной стороне проспекта есть известный в городе книжный магазин «Сахелгами». Здесь я увидел юношу, вышедшего из дверей с книжкой Рюрика Ивнева. «Он вернулся, — подумал я. — И теперь уже всегда будет жить в фангастическом Тбилиси своих стихов».

¹ Старое название проспекта Руставели.

Вильям ХАЦКЕВИЧ

М. И. ЗЛАТКИНУ — 85 ЛЕТ

Наверное, не часто отмечаются такие юбилеи, когда в 85 лет человек все еще на своем посту и трудится в полную меру сил, обогащенный огромным опытом, одухотворенный сознанием высокого долга.

Марк Израилевич Златкин — вот уже шесть десятилетий бесменный служитель ее величества книги. Вся его многолетняя литературно-издательская и общественная деятельность освещена идеей сближения литератур, которую он реализует как в своей издательской практике, так и в своем творчестве.

Сколько книг грузинских писателей обрело благодаря его усилиям всесоюзную аудиторию! В переводе на русский язык они получали

в издательстве «Мерани» его благословения в новую жизнь, способствуя сближению народов и дружбе культур нашей многонациональной Родины.

Как протекала вся эта работа, составившая смысл и цель его жизни, М. И. Златкин рассказал в своем мемуарном труде «Когда книга сближает народы», выдержавшем уже два издания. Автор его и сейчас продолжает работать в этом направлении, осваивая накопленный за многие годы фактический, документальный, мемуарный материал. Вот и в этом номере нашего журнала публикуется фрагмент из подготавливаемой им новой книги воспоминаний, посвященный Виктору Гольцеву.

Юбиляр живет полнокровной, напряженной трудовой, общественной, творческой жизнью. Очевидно, в этом и заключается секрет его уникального плодотворного долголетия.

И одно из его детищ — «Литературная Грузия», членом редколлегии которой он является со дня основания журнала, от души желает своему давнему другу и автору еще долго оставаться на Посту Жизни, Труда и Творчества!

ГЛАШАТАЙ ДРУЖБЫ

ЗАДОЛГО до личного знакомства с Виктором Викторовичем Гольцевым и наших контактов по издательским делам я много слышал о его поездках по Грузии и пристальном внимании к ее истории и культуре. В 1933 году в Москве была издана его книга «Саванэ. Записки о Верхней Сванетии», которая начинается так: «В третий раз я отправился в страну сванов, в Верхнюю Сванетию, в «убежище», в «Саванэ». Я различаю знакомые и новые местности, всматриваюсь в знакомые и новые лица. Мне видно, как меняется жизнь, как пропадает родовая старина, как вчерашнее становится давно прошедшим. Мне видно, как строится новое, как социалистическое будущее оплотневает сегодняшним днем». Я привел эти строки, чтобы показать характерную особенность Гольцева, его метода изучения истории и социального быта, метода, широко распространенного им и на литературу. Он с одинаковой пытливостью и страстностью изучал и классическую грузинскую литературу с ее древнейших времен, и текущую грузинскую советскую литературу.

Знакомство с историей и природой Грузии, с ее долинами и реками, с горами и горными перевалами помогло Виктору Гольцеву при его большой эрудиции проникнуться очарованием творений такого самобытного поэта гор, как Важа Пшавела. И когда в литературной общественности на ранних стадиях велись споры по вопросам освоения литературного наследия, Виктор Викторович был одним из первых русских литераторов, кто решительно выступил за глубокое изучение жизни и творчества Важа Пшавела. Путешествуя по Грузии, он писал 25 августа 1935 года из Барисахо Тициану Табидзе: «...Был в Чаргали. Подъезжая к дому Важа Пшавела, я волновался. Нас встретили Вахтанг и вдова Ва-

жа, провели в убогое жилище великого поэта. Теперь его образ стал для меня еще ближе, еще привлекательнее.

Не случайно, что В. Гольцев вошел в состав писательской бригады, приехавшей из Москвы для установления творческих контактов с писателями Грузии в период подготовки к Первому всесоюзному съезду писателей. С этих пор, а это было в конце 1933 года, он становится деятельным пропагандистом лучших достижений грузинской литературы, классической и современной, и не только пропагандистом, но и прежде всего одним из организаторов ее переводов на русский язык.

Этот период хорошо охарактеризовал Павел Антокольский в статье «Виктор Гольцев»²: «Сразу же после Первого Всесоюзного съезда советских писателей, осенью 1934 года, в нашей среде и общественности, особенно в среде московских поэтов, возникло движение, которому предстояло большое будущее. В ответ на горьковский призыв лучше и ближе узнать друг друга, памятуя о горьковских словах о многонациональном характере нашей культуры, поэты буквально ринулись к переводческой деятельности. Впервые два эти слова — «дружба народов» — были произнесены применительно к литературным делам, к повседневной литературной практике. Становились популярными, приобретали характер насущного дела, боевой необходимости поездки в республики — впервые завязывающиеся дружеские и деловые связи с писателями братских республик».

Далее П. Антокольский отмечает, что «с самого начала Виктор Гольцев оказался здесь «нужным человеком на нужном месте».

На первых волнах отмеченного движения создавался сборник, как бы антология, «Поэты Грузии» в переводах Бориса Пастернака и Николая Тихонова. Это был большой подвижнический труд, достойно воспринятый и оцененный всей советской общественностью.

Пути авторов и переводчиков так или иначе ведут в издательства, и Виктор Викторович Гольцев был одним из самых желанных посетителей и нашего издательства. За все

¹ Тициан Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тб., 1964, стр. 265.

² Предисловие к сборнику В. Гольцева «Статьи и очерки», изд. «Советский писатель», 1958.

годы плодотворной деятельности Гольцева вышли в свет ²⁰²⁰⁰¹⁰⁹³³ в грузинской литературе и искусству шесть его книг, ²⁰²⁰⁰¹⁰⁹³³ его основных статей и очерков о Грузии и грузинской литературе были опубликованы в центральных и местных журналах и газетах, им было составлено несколько авторских литературных сборников и антологий, под его редакцией вышло на русском языке пятьдесят пять книг грузинских писателей. Это огромный труд, если учесть, что каждая редактировавшаяся книга требовала участия в отборе произведений, организации переводческого процесса и непосредственного редактирования издаваемого текста. Только хорошее знание литературной среды, творческих особенностей каждого поэта дало Гольцеву возможность привлечь к переводческой работе Н. А. Заболоцкого, Марину Цветаеву и многих других мастеров русской поэзии.

Виктор Викторович писал мне 26 июля 1948 года: «Надеюсь, что Вы довольны А. С. Кочетковым, хоть порою его надо немного «пришпоривать». Если Вам нужен еще один квалифицированный поэт-переводчик и прозаик, который мог бы обрабатывать прозаические переводы, то я мог бы рекомендовать Вам Николая Корнеевича Чуковского. Он отлично сделал ряд переводов для грузинской антологии, перевел немало стихов Маргиани, Нонешвили и Каладзе. Если бы Вы пригласили его для большой работы в Грузию осенью, то, вероятно, он согласился бы». Действительно, и Кочетков и Чуковский славно поработали в нашем издательстве, а переводческий талант замечательного поэта Николая Заболоцкого явился подлинным открытием для грузинской и русской поэзии. Он перевел поэзию Руставели, Давида Гурамишвили, Григола Орбелиани, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела и ряда современных поэтов. Кто другой мог бы взять на себя такой колоссальный творческий труд? О литературно-переводческом подвиге Заболоцкого я уже писал в посвященном ему очерке.

Виктор Гольцев хорошо знал не только русских поэтов и верил в их творческие силы и возможности, но тесно сблизился с грузинскими писателями. Павел Антокольский, впервые приехавший в Грузию в 1935 году, рассказывает в упомянутой мною выше статье о круглом столе Тициана Табидзе, за которым собирались поэты: «За этим столом Вик-

Марк Златкин. Глашатай дружбы.

тор Гольцев не гость, не случайный человек, а давно уже признанный друг. Он удивляет и радуется грузин своей разносторонней осведомленностью в их истории и культуре.

Эта разносторонняя осведомленность определялась живейшим интересом к республике и ее людям. Виктор Викторович писал мне в 1948 году в упомянутом выше письме: «В середине августа на основе договоренности я рассчитываю прибыть в Тбилиси. Пробуду в вашем стольном городе несколько дней, а потом поеду в разные интересные районы. Буду собирать материалы для своей новой (географической, научно-художественной) книги о Грузии. Предполагаю в общей сложности пробыть в грузинских краях месяца три». Если в первом случае он избрал объектом изучения Верхнюю Сванетию, то теперь он стремился к охвату ряда районов республики. И издательство всячески стимулировало его поездки, видя, как это расширяет познавательный кругозор и помогает ему в литературной работе.

Наша переписка, как и беседы при встречах в издательстве, носили сердечный, доверительный характер, отличались искренностью и порой шутливой интонацией. Вот, для примера, начало одного из писем: «Многоуважаемый и дорогой Марк Израилевич! Надеюсь, что Вы чувствуете себя удовлетворительно. Вы — человек невероятно добродетельный, непылющий и некурящий, но часто хворающий. Не переменить ли Вам образ жизни? Что касается меня, то я очень устал и работаю с большой натугой».

Действительно, наша издательская работа и его литературно-организаторская деятельность требовали много сил и душевной энергии.

Прошло пять лет, и В. Гольцев обратился (25 октября 1953 года) в издательство «Заря Востока» с таким письмом: «Я много лет назад начал собирание материалов для книги, носившей пока название «На земле картвелов». Мною написаны: очерки о Самгори, о Храмгэсе (уже напечатанные, но нуждающиеся в некоторых исправлениях); очерк «На земле Георгия Саакадзе» (о колхозе Квемо Гоми и его председателе Герое Социалистического Труда Софье Маридашвили) еще не напечатан. Цель всей книги — показать новую Грузию, рост ее индустрии. Книга должна быть построена на противопоставлении дореволюционного прошлого и настоящего. В ней должна быть выяснена дружба народов, исторические корни сближения Грузии и России, рост советских людей.

Вот примерный план всей книги (общий объем листов 12), которую я прошу включить в план:

Гл. 1. **Ворота в Грузию.** Военно-Грузинская дорога, крестные сведения исторического характера, личные впечатления; тема обороны Кавказа: путь до Тбилиси (наиболее интересные места). 1 1/2 листа.

Гл. 2. **Столица Грузии.** Картина прошлого. Центр Грузии. Старое и новое, реконструкция города. 1 — 1 1/2 л.

Гл. 3. **Город исторической славы.** (Эта глава уже написана). Гори, его прошлое. Дом-музей И. В. Сталина. Реконструкция города. 1/2 печ. листа.

Глава 4. **Город металлургов.** Строительство Руставского завода и соц. города. Знатные люди завода — передовые борцы за мир (для этой главы материала еще не хватает). 1 — 1 1/2 л.

Глава 5. **Синатле.** Строительство Храмгэса. Храмгэс — в действии. Перспективы развития и усиления. 1—1 1/2 л.

Глава 6. **Осуществленная мечта.** Строительство Самгори. Перспективы. 1 л.

Глава 7. **На земле Георгия Саакадзе.** Колхоз и его председатель Софья Маридашвили; прекрасная судьба простой женщины в Советской стране. 1 л.

Глава 8. **На родине Маяковского.** Багдади, детство великого поэта. Дом-музей. Кутаиси времен Маяковского. Современный Кутаиси, второй индустриальный центр Грузии. Заводы. 1 л.

Глава 9. **Субтропики продвигаются на север.** Анасеули, Чаква. К. Е. Бакрадзе. Грузинский чай в Закавказье (для этой главы надо еще собрать материал дополнительно). 1 л.

Заключение.

При всем том, что этот план предполагавшейся книги был не до конца разработан и кажется сейчас в некоторой степени устаревшим, он все же характеризует интересы В. Гольцева, его увлеченность прошлым и настоящим Грузии.

Знакомство с Грузией было для Гольцева и знакомством с ее людьми. И если он писал о ком-либо, то тщательно изучал жизнь и деятельность человека, его творчество и характерные черты. На высоком литературоведческом уровне написаны им книги о Симоне Чиковани, Георгии Леонидзе, о писателях XIX века, обстоятельные статьи о Важа Пшавела,

Михаиле Джавахишвили, Серго Клдиашвили, Дмитрие Гулиа, Тициане Табидзе, Лео Кначели и многих других. В таких статьях, как «Гришашвили и его переводчик», «Абашидзе и его переводчик», Виктор Гольцев требовательно и бескомпромиссно рассматривал вопросы переводческого искусства, ибо вся его работа и связь с издательствами непосредственно затрагивали проблематику художественного перевода.

Из трудов В. В. Гольцева наиболее значительным был признан труд «Шота Руставели и его поэма». Эта книга дважды переиздавалась и была переведена на грузинский язык. Великому грузинскому поэту посвящены и статьи Гольцева: «Героизм, любовь и дружба в понимании Руставели», «Шота Руставели как выразитель своей эпохи», «Предшественники Руставели».

Характерным для работы Гольцева над руставелевской темой было всегда требовательное к себе отношение. Настоятельные поиски все новых и новых материалов, источников. Это видно из письма, посланного мне 1 февраля 1955 года из Москвы: «Многоуважаемый и дорогой Марк Израилевич! ...Посылаю Вам исправленный и перепечатанный текст «Руставели», переработал довольно основательно всю главу «Эпоха Руставели», снял полемику; в этом издании добавил снова (как мы с Вами договорились) «Приложение», сделал еще ряд мелких вставок, использовал «Историю СССР» (издание Академии наук).

Прошу, чтобы книгу редактировали Вы сами.

Всего наилучшего, уважающий Вас Виктор Гольцев».

В этом письме есть две примечательные особенности. Он пишет: «использовал «Историю СССР». Надо сказать, что Виктор Гольцев особо интересовался истоками русско-грузинских связей, и, как метко заметил Павел Антокольский все в той же статье «Виктор Гольцев», «приступая к излюбленной своей теме о Руставели, он недаром заново штудировал русские летописи, отыскивая в них новые данные о русско-грузинских отношениях раннего средневековья».

На «Очерки истории СССР. Период феодализма» изданные под редакцией академика Б. Д. Грекова в 1953 году, В. Гольцев ссылается в самом начале своего труда о Шота Руставели. Вообще говоря, достаточно взглянуть на постраничные сноски в этом труде, чтобы представить себе, какое колоссальное количество источников и литературы как гру-

зинских, так и русских использовал Гольцев в этой своей работе. И это не только ссылка и цитирование для подтверждения тех или иных положений, а и глубокое осмысление источников, подлинно научное их использование.

Что же касается слов «снял полемику», то надо сказать следующее. В ту пору, когда В. Гольцев работал над своей книгой «Шота Руставели и его поэма», в грузинском литературоведении все еще велись начавшиеся, особенно в тридцатых годах, споры вокруг как самой текстологии поэмы, ее списков, так и отдельных моментов истории средневековья, связанных с написанием поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Споры возникали и при сопоставлении уже существовавших к тому времени переводов поэмы на русский язык. Готовя новое издание своего труда, Гольцев, естественно, заново подошел к ряду полемических вопросов и, как всегда, внимательно прислушивался к новейшим взглядам и толкам зрения в грузинском литературоведении.

В. В. Гольцев был председателем Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР, редактором вначале альманаха «Творчество народов СССР», потом журнала «Дружба народов». Он накопил большой организационный опыт и к нему, как к авторитетному критику и литературоведу, обращались многие авторы, переводчики, редактора, издатели.

Вот один из примеров. В феврале 1947 года Николай Заболоцкий пишет Симону Чиковани: «Я продолжаю увлекаться мыслью о создании большой книги грузинских переводов. В частности — один из основных разделов этой книги, посвященный творчеству Гр. Орбелиани, меня сейчас занимает более всего». Увлеченный мыслью «сделать всего Орбелиани», Заболоцкий сообщает Чиковани: «Эта моя идея встретила весьма сочувственное отношение со стороны Гольцева и Рябининой». Предполагая издать Орбелиани в Гослитиздате, где редакцией литератур народов СССР заведовала А. П. Рябинина, Заболоцкий заключал в письме к Чиковани: «Конечно, этим самым я двигаю и большую книгу переводов для «Зари Востока». Эта «большая книга», точнее два больших тома переводов Николая Заболоцкого, были выпущены в свет в 1958 году издательством «Заря Востока» к Декаде грузинского искусства и литературы в Москве, до которой

Виктор Викторович Гольцев, один из вдохновителей переводческого дела, к великому сожалению, не дожил. Открывая в Декаде первое заседание по обсуждению поэзии, Георгий Леонидзе сказал: «Дорогие товарищи! Прошу почтить встанием память так рано ушедших от нас товарищей В. Гольцева, М. Лозинского, А. Кочеткова. (Все встали). Мы никогда не забудем их светлые имена, их замечательные творческие дела. Они много сделали для литературы, в частности для нашей грузинской литературы».

Имя Виктора Гольцева органично вплетается в летопись жизни и творчества многих грузинских писателей.

«...Успех грузинской поэзии в Москве нами приписывается Вашей и Бориса Леонидовича¹ работе и вниманию», — писал В. Гольцеву в октябре 1934 года Тициан Табидзе. Он же пишет ему в 1935 году: «Вас тут все помнят и спрашивают... вспоминали и лишний раз подчеркивали большую Вашу работу в деле сближения русской и грузинской литературы». Гольцев откликается на письма Тициана Табидзе: «Я не сомневаюсь, что наша дружба навсегда, т. е. пока мы дышим, останется крепкой и нерушимой»².

Эта дружба, так искренне высказанная, с годами превратилась в замечательную традицию взаимопонимания и братства писателей наших республик. Она, эта дружба, растет и укрепляется на единой идейной основе. И часто, когда мы говорим и пишем о ней, мы вспоминаем Виктора Викторовича Гольцева в стенах издательства «Заря Востока», удобно уевшегося в кресле, задающего множество вопросов и с такой же увлеченностью рассказывающего о своей, я бы сказал, подвижнической литературной работе.

Б. Л. Пастернак.

¹ Тициан Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тб., 1964, сс. 255, 256, 257.

Георгий ЛАЛИАШВИЛИ

СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

КОГДА режиссеры Роберт Стуруа и Реваз Чхаидзе обратили свое внимание на монопьесе современного американского драматурга Уильяма Люса «Прелестница Амхерста», им, в первую очередь, по-видимому, пришлось подумать об актрисе, которая смогла бы в течение двух часов жить на сцене полнокровной жизнью и держать зрительный зал в напряжении. Не случайно они предложили эту роль народной артистке Грузинской ССР Зине Кверенчиладзе.

Роль Эмили Дикинсон — одна из лучших, если не самая лучшая работа актрисы, в ней проявились все краски ее богатой артистической палитры. Успех актрисы закономерен, он обусловлен всей ее творческой биографией, она по праву снискала себе славу замечательной трагической актрисы, унаследовавшей традиции таких корифеев грузинской сцены, как Нино Чхеидзе и Верико Анджапаридзе. Ее Медея и Антигона стали апофеозом трагедии. Зина Кверенчиладзе была неподражаема также в драматических и характерных ролях. Чего стоят хотя бы Нина в пьесе Розова «Перед ужином» и Шакал в «Чинчраке» Г. Нахуцришвили. Актриса проявила себя и как талантливая исполнительница грузинской классической поэзии.

Все это и обусловило тот факт, что художественный образ Эмили Дикинсон оказался явлением естественным, логическим. Для актрисы, которая с такой силой вдохновения и с таким мастерством читает поэзию, не составляет труда проникнуть в духовный мир поэтессы. В образе Эмили Дикинсон

сосредоточена вся слабость и вся сила человеческого существа, поэтому глубина проникновения в волнения страстей героини уже целиком зависит от способностей и возможностей актрисы. Когда речь идет о такой сложной личности, как Эмили Дикинсон, актрисе приходится прибегать ко всему своему творческому арсеналу, использовать весь свой жизненный опыт, чтобы воплощаемый ею образ поэтессы и человека предстал перед нами во всей его правдивости и полноте.

Интерпретация роли Зиной Кверенчиладзе объединила в себе все то, что было найдено актрисой на протяжении ее творческого пути, накоплено в процессе работы над другими ролями. Опыт в сочетании с талантом превратился в праздник подлинного мастерства и вдохновения.

Постановка монопьесы У. Люса отличается и высокопрофессиональной режиссерской культурой. Режиссеры создали спектакль зрелищный, увлекательный, держащий зрителя в постоянном напряжении. Выразительные, чрезвычайно эмоциональные мизансцены, которых немало в спектакле, дают возможность актрисе более полно выявить свои творческие возможности.

В сценографии спектакля (художник Ш. Шеклашвили) нашел красноречивое выражение романтический мир поэтессы. На вращающейся сцене художник уместил весь тот мир, с которым была связана жизнь Эмили Дикинсон. Здесь мы видим ее любимый сад, письменный стол, кровать. Здесь же участники ее одностороннего диалога в виде вешалок и стульев, превращающихся во время беседы с героиней то в ее брата Остина, то в сестру Лавинию, то в поэта Хиггинсона. С точки зрения образного решения спектакль глубоко выразителен. Зритель чувствует, что все происходящее на сцене озарено величием души Эмили Дикинсон. Ш. Шеклашвили тонко почувствовал поэзию Эмили Дикинсон, что особенно сильно дает себя знать во взметнувшихся ввысь наподобие готических архитектурных памятников шпилях белого прозрачного дома героини, будто пытающихся овладеть пространством, — как мятущаяся душа Эмили Дикинсон, устремленная к вечности. Физическое бытие поэтессы на земле преисполнено космического устремления, желания самостоятельно познать мир, установить с ним свои собственные отношения. Художник создал для актрисы естественное и непринужденное поле действия, помогающее ей найти глубинные точки соприкосновения с героиней.

Музыкальное оформление спектакля принадлежит Гие Кайчели. Его работа — это редкий образец переживания чрезвычайно своеобразного душевного настроения поэтессы и выражения его языком музыки.

Спектакль руставелевцев является плодом сотрудничества всего творческого коллектива, выражение которого было возложено на актрису и которое Зине Кверенчиладзе удалось продемонстрировать ярко и очевидно.

Сегодня к поэзии и личности Эмили Дикинсон привлечено внимание всего мира. Много написано о лирике поэтессы, созданы книги о ее жизни, снимаются фильмы, ставятся спектакли. Тем не менее желаемый эффект достигается сравнительно редко, поскольку показать личность, окруженную легендами и превратившуюся чуть ли не в миф, в реальных бытовых ситуациях не так-то просто.

Приступая к работе над образом Эмили Дикинсон, Зина Кверенчиладзе оказалась перед труднейшей задачей; актрисе помогло то, что ей удалось найти художественную модель образа, осмыслить его как философский феномен, ключом к постижению которого для нее стала поэзия Эмили Дикинсон, отличающаяся удивительно сложным восприятием трагического, глубокой и точной психологической интерпретацией душевной драмы человека. В стихах Эмили Дикинсон преобладают чрезвычайно изменчивые настроения. Учтя это, актриса попыталась в своей работе над ролью соединить комическое и трагическое, банальное и возвышенное, одним словом, — совместить несовместимое.

Эмили Дикинсон Зины Кверенчиладзе — это по-детски непосредственная и утонченная натура, способная на самые неожиданные поступки, а иногда и причуды. Это большой ребенок, которого больше всего на свете беспокоит вопрос об отношении к миру. Актриса играет душевную трагедию поэтессы, проявляя глубокое понимание и сочувствие к той, которая не удостоилась при жизни признания и восхищения поэзией которой, начавшееся через целое столетие после ее смерти, не ослабевает и по сей день.

Актрису с самого начала захватила работа над ролью, ибо она почувствовала некое духовное родство с личностью своей героини. Вот что говорит по этому поводу сама Зина Кверенчиладзе: «В каждой фразе я нахожу свое, ничего не нужно расшифровывать... Я и раньше читала стихи Дикинсон,

но никогда не переживала их так сильно. Пьеса же, построенная на ее письмах и дневниках, потрясла меня.. **Любовь к Эмили превзошла всех, даже Антигону».**

На сцену выходит одетая в белое женщина, представляется и приглашает нас в свой родной дом в Амхерсте отведать собственноручно приготовленного ею печеного. Действия актрисы в этой сцене раскрывают подтекст пьесы. Предлагаемое ею печеное ассоциируется с поэзией Эмили Дикинсон, появившейся на свет в результате длительной и нелегкой внутренней борьбы. Сегодня для нас ее стихи существуют уже в завершённом виде, доставляют удовольствие, восхищают, трогают. Однако это только для нас. В поэтической же лаборатории художника каждая строка создавалась ценою жизни и смерти, жадной познания, проникновения в самую суть человеческого существования, внутренней болью и пыткой огнем. И актриса в полном соответствии с этим именно загорается, горит на сцене, когда непосредственно на глазах зрителя происходит чудо рождения стихов.

Трудно выделить из спектакля какую-либо одну сцену, весь спектакль — это увиденный эпическим зрением и соответственно эпически воплощенный цельный образ, крупные и обычные планы которого вытекают один из другого, восполняют друг друга и создают монолитный характер.

Через односторонние диалоги зритель знакомится с братом Эмили Дикинсон Остином, сестрой Лавинией, с ее отцом, матерью, поэтом Томасом Хиггинсоном, священником Уолсуортом, собакой Карло, заключенной в клетку птицей, школьным учителем и однокашницами поэтессы. Удивительнее всего то, что всех этих лиц мы не видим непосредственно, их обязанность выполняет то манекен, то вешалка, то стул, иногда же отсутствуют и они, хотя это отсутствие совершенно не ощущается. Мы четко представляем себе того или иного персонажа — вот он ходит по сцене, улавливаем его настроения, видим выражение лица. В этих сценах актриса призывает на помощь все свое мастерство и прежде всего — пластику и мимику. Необыкновенная пластичность, живой, пылкий темперамент, удивительно выразительный, глубокого тембра голос, на редкость богатая мимика — и при этом актрисе никогда не изменяет чувство меры, она естественна во всех сценах, что объясняется уже не только талантом в чистом виде, но и поразительным чутьем, тактом, исключительной способностью самоконтроля.

საქართველოს
რესპუბლიკის
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Необыкновенные способности Зины Кверенчиладзе характерной актрисы во всей своей полноте проявились в сцене в школе. Перед зрителем предстает живая, озорная девочка, веселая, лукавая, жизнерадостная...

Исполненная драматизма встреча с отцом, глубокой ночью застающим дочь за сочинением стихов, волнение Эмили в связи с приездом в Амхерст Томаса Хиггинсона, глубокие переживания, вызванные смертью родителей, — все эти сцены не могут оставить зрителя равнодушным.

Трагедийный талант актрисы с особой силой проявился в тех сценах, где ее героиня страдает от внутренней неудовлетворенности, сомневается в самой себе — может, ее стихи и вправду одно бумагомарание, а отнюдь не результат достигнутого взаимопонимания с миром, с природой? И хотя поэтесса все же верит в себя, в свои силы, трагедия в том, что современники не понимают ее. Она рвет свои стихи — и сколько трагизма в обреченном голосе актрисы, когда ее героиня признается псу в своем творческом бессилии, в истощении вдохновения или разговаривает с томящейся в клетке птицей: ведь и сама она — как эта птица, поэзия для нее — смысл всей жизни, и ни один человек в мире не может понять этого. Это и причиняет душевную боль героине, которую актриса передает с исключительной психологической правдивостью и большим мастерством.

Огромное впечатление производит финал — сцена смерти героини, которую актриса осмыслила как апологию жизни и добра. Актриса удивительно тонко передает, как в сознании Эмили Дикинсон, личности сильной и незаурядной, сосуществуют, уживаются рядом жизнь и смерть, и эту последнюю героиня воспринимает спокойно и печально, без нытья, без причитаний, как нечто закономерное и неизбежное, как соединение с вечностью. В этой сцене с особой силой проявляются благородная сдержанность и самообладание Кверенчиладзе — Дикинсон, с которыми человек, наделенный рыцарской душой, встречает и принимает смерть.

ЖИЗНЬ

В МУЗЫКЕ

КОГДА Ираклий Габели заканчивал композиторский факультет Московской консерватории, он представил на суд слушателей дипломную работу — «Концерт для фортепиано с оркестром», который явно выходил за рамки студенческой работы. Прекрасный пианист, он с блеском исполнил партию фортепиано. Любовь к фортепиано, глубокое знание этого инструмента, его широких возможностей помогли композитору создать яркую, виртуозную партию сольного инструмента, не уступающего «в соревновании» оркестру. Те, кто слышал этот концерт в авторском исполнении, наверняка запомнили и его вдохновенную игру, и богатство звуковых оттенков, и артистический облик пианиста.

Но любовь к фортепиано отнюдь не замыкает и не ограничивает его творчество. Ираклий очень хорошо знает оркестр, его возможности и много и плодотворно пишет для него.

Мощно, торжественно и празднично звучит оркестр в его «Приветственной увертюре». А вот произведение иного плана — «Концерт для шести медных инструментов». Сколько здесь юмора, неожиданных, остроумных звуковых эффектов, сколько глубокой, искренней любви к родной грузинской музыке, уважения к истории, искусству, быту своего народа. Верность эта стала одной из важнейших черт его творчества, придала особую глубину и жизненность его произведениям.

В одном из лучших его сочинений — симфонической поэме «Антифоны» — интонации древних грузинских хоралов, суровых и величественных, как бы медленно наплывающих из глубины веков, в сочетании с эпизодами, написанными в остросовременном жанре, очень «жесткими», быстрыми, создают дра-

матическое напряжение, яркую и зримую картину борьбы религиозных начал, наполняющие эту музыку философским содержанием. В партитуру этого произведения наряду с традиционными для симфонического оркестра инструментами автор ввел синтезатор — электронный инструмент с очень своеобразными тембровыми возможностями. И когда в финале «Антифонов» звучание синтезатора перекрывает звучание и безумный бег струнных инструментов всего оркестра и резкие, мощные аккорды духовых инструментов, то в этом слышатся и вопрос, и предостережение.

В октябре 1980 года симфоническая поэма «Антифоны» прозвучала в Большом зале Московской консерватории на фестивале «Московская осень». Дирижировал народный артист РСФСР Дмитрий Китаенко. Его интерпретация «Антифонов» была яркой и своеобразной. Он с успехом исполнил вскоре эту поэму и в Большом зале Ленинградской филармонии.

Сейчас партитура поэмы «Антифоны» готовится к изданию в Париже и Лейпциге.

Привязанность к грузинской музыке углубляет, но отнюдь не ограничивает творчество композитора. И в различных работах Ираклия Габели можно найти этому убедительные доказательства.

Вот, например, его музыка к спектаклю Московского театра миниатюр «Когда-то в старом Будапеште». Очень выразительная мелодия баллад в этом спектакле не копирует интонаций, свойственных венгерской музыке, а очень тонко стилизует их. В телевизионном спектакле же «Джентльмены, которым не повезло» по рассказам О. Генри композитор создал музыкальную атмосферу, в которой чувствовали себя «как дома» и драчливые ковбои, и искатель приключений, и начинающая певица.

Мелодическая яркость, легкость и изящество свойственны музыке и к другим телевизионным спектаклям — «За гарнитурной стеной», «Часы с кукушкой», «Осторожно, ремонт».

Более сложная задача стояла перед композитором при работе над четырехсерийным телевизионным фильмом «Месяц длинных дней» и трехсерийным «Дом у кольцевой дороги». Эти произведения многоплановые, с параллельно развивающимися сложными линиями, и музыка должна была не только подчеркнуть напряженность ситуаций, но и объединить, спаять все в единое целое. Песни из этих фильмов обрели самостоятельную концертную жизнь. Оба этих телевизионных фильма композитор сделал совместно с режиссером Сергеем Евлахишвили.

художественный фильм, поставленный режиссером Александром Зархиным

Сейчас на киноэкранах многих стран мира идет художественный фильм, поставленный режиссером Александром Зархиным киностудии «Мосфильм», — «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского». Это фильм об одном из самых интересных моментов в жизни великого русского писателя, о днях, которые переменили его судьбу. Режиссер назвал участие Ираклия Габели в создании этого фильма несомненной удачей.

Во время вручения в Западном Берлине фильму «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» главного приза — «Серебряного медведя» в прессе была отмечена и роль музыки в этом фильме.

Интересный случай произошел во время записи на «Мосфильме» музыки к фильму «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского».

Мимо зала, где велась запись, проходил режиссер Владимир Назаров. Его заинтересовала музыка, которую он услышал, он зашел в зал и познакомился с ее автором. Вслед за этим последовало предложение написать музыку к новому трехсерийному фильму «Линия жизни» по дилогии А. Чаковского.

Ираклий Габели пишет музыку и для детей. Это ему принадлежат любимшие юным зрителям мелодии к мультипликационным фильмам «Приключения на плоту» и «День рождения бабушки». Сейчас Ираклий Габели заканчивает большую работу — симфонию для Большого симфонического оркестра, которая подытожит пройденный отрезок его творческого пути.

Яркая драматургичность, умение насытить даже малый объем большим содержанием, создать напряженность, высокий профессионализм, неординарность мышления, стремление к совершенствованию, постоянный поиск новых выразительных средств — вероятно, именно эти качества позволили Тихону Хренникову на последнем съезде композиторов назвать Ираклия Габели одним из перспективных и талантливых мастеров, обладающим ярким, гармоничным дарованием.

ПОЭЗИЯ ГРУЗИИ НА ФРАНЦУЗСКОМ

НА СТРАНИЦАХ бельгийского журнала «Бельгия—СССР» опубликована статья известного французского карвелолога, знатока грузинской литературы Жоржа Буйона. Он знакомит читателей с «Антологией грузинской поэзии», вышедшей в издательстве «Ганатлеба» в переводе на французский язык и с комментариями Серго Цуладзе. В своей статье французский ученый рассказывает о поэзии Шота Руставели, Николоза Бараташвили, Александра Чавчавадзе, Акакия Церетели, Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани и других, предлагая интересный научный анализ их произведений.

Свою статью Жорж Буйон завершает выражением глубокой благодарности автору переводов, подчеркивая, что благодаря его антологии он еще больше полюбил Грузию, «Поэтому я говорю во весь голос: Друг мой, Сакартвело!», — заключает он.

СОДРУЖЕСТВО МУЗ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ отделение издательства «Советский писатель» выпустило книгу, в которой собраны произведения литераторов братских республик нашей страны.

Само название сборника —

«Братство» предопределяет его содержание. В этой книге собраны воспоминания ленинградцев о личных встречах с известными писателями из братских республик, стихи о любви и дружбе, о мире и труде...

Грузинская поэзия представлена на страницах сборника стихотворениями Галактиона Табидзе, Паоло Яшвили, Григола Абашидзе, Ираклия Абашидзе, Шота Нишнианидзе, Реваза Маргиани, Иосифа Нонешвили, Фридоны Халваши, Заура Болквадзе, Михаила Квливидзе и других.

Книга хорошо издана, она — прекрасный подарок всем любителям поэзии.

КОНТАКТЫ РАСШИРЯЮТСЯ

АНГЛИЙСКОЕ издательство «Октагон пресма» выпустило в свет книгу Сулхана-Сабана Орбелиани «Мудрость вымысла» в переводе профессора Лондонского университета Кэтрин Вивиан. Книга иллюстрирована грузинским художником М. Малазония.

К. Вивиан уже давно ведет плодотворную научную деятельность в области карвелологии. Известны ее публикации и исследования, посвященные вопросам грузинской литературы. Она перевела на английский язык бессмертное произведение Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре», а сейчас работает над переводом «Картлис цховреба».

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В МАДРИДЕ вышла книга известного баскского лингвиста Энрике Ундиано «Баски и грузины».

В ней дан научный анализ монографии академика Академии наук Грузинской ССР Шота Дзидзигури «Баски и грузины», вышедшей в издательстве «Нарнан» города Витория в переводе с французского языка. Книга грузинского ученого вызвала большой интерес ученых университета

города Бильбао, ей были посвящены рецензии в местной прессе.

Э. Ундиано детально разбирает все четыре главы книги Ш. Дзидзигури, приводя множество убедительных документов в пользу исследования ученого из Грузии, подчеркивая, что гипотеза родства баскского и кавказских народов получила широкое распространение во всем мире.

В книге также подробно рассказывается о Грузии, ее природе и климате, истории и культуре ее народа.

На 1-й стр. обложки: памятник Ираклию II в г. Телави.

Сдано в набор 9.07.83 г. Подписано к печати 19.09.83 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 01259. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 8600 экз. Заказ 1784. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУД, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-23, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к

6⁵⁵ / 106

ИНДЕКС 76117

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is mirrored and difficult to decipher.]

